

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Сосновцева О. В.** Итальянские впечатления князя Б. И. Куракина 3
Старкова Л. К. Цензурная политика Екатерины II в 1762–1771 годы 9
Поздняков А. Н. Образовательная реформа Александра II: оценки в исторических сочинениях конца XIX – начала XX века 16
Хасин В. В. «Саратовское дело» Г. Г. Замысловского через призму общественных отношений начала XX века. Право и нравы 22
Степанов И. И. Социальное служение Русской православной церкви в конце XIX – начале XX века (на примере Рязанской епархии) 31
Новожилов В. Ю. Из истории подготовки офицерских кадров внутренних войск МВД России 37

Всеобщая история

- Букина А. Г.** Коринфские и итапо-коринфские вазы в «Каталоге древностей кавалера Пиццати» 42
Лебедева А. А. Средневековое развитие городов Моравии в отечественной историографии и перспективы его изучения 49
Горбачев Д. В. И. А. Фесслер о Французской революции: французские «уроки» немецкого консерватизма 53
Креленко Д. М. Испанский республиканский флот в кампании 1936 года 58

Международные отношения

- Цыплин В. Г.** К вопросу о потенциальных противниках СССР в возможной войне в 1920-х годах 68
Афонина Е. А. От доктрины «сдерживания» к стратегии «расширения»: американская внешняя помощь и «вызовы новой эпохи» (1992–1994 годы) 72
Томчук Г. В. Основные этапы развития программы Нанна – Лугара в 1990-е годы 76
Егоров А. И. Россия – Германия: попытка стратегического партнерства (1998–2005 годы) 80
Баранов А. В. Палестинский фронт исламской революции 88

Региональная история и краеведение

- Малов Н. М.** Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья 95
Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов в 1666 году 101
Калинина О. С. Проблема женщин и детей в немецких семьях Саратовского Правобережья и её трансформация (середина 1760-х – конец 1920-х гг.) 104
Шпаковская С. В. Качество жизни жителей Пензенской губернии начала XX века (по свидетельствам местной печати) 107
Тимошина С. А. Руководство политикой информирования населения о жизни за рубежом в период становления системы советской пропаганды в 1921–1941 годах на примере Пензенской области 111

Критика и библиография

Представляем книгу

- Малышкин С. А.** Саратовское Поволжье в «Двенадцатом году»: Судьбы военнопленных Великой армии 118
Варфоломеев Ю. В. «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших...» 120

Приложение

- Хроника** 122
Сведения об авторах 124

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
 Аксеновская Людмила Николаевна
 Аникин Валерий Михайлович
 Балаш Ольга Сергеевна
 Бучко Ирина Юрьевна
 Вениг Сергей Борисович
 Волкова Елена Николаевна
 Голуб Юрий Григорьевич
 Дильнов Геннадий Васильевич
 Захаров Андрей Михайлович
 Комкова Галина Николаевна
 Лебедева Ирина Владимировна
 Левин Юрий Иванович
 Макаров Владимир Зиновьевич
 Монахов Сергей Юрьевич
 Орлов Михаил Олегович
 Прозоров Валерий Владимирович
 Федотова Ольга Васильевна
 Федорова Антонина Гавриловна
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Шатилова Алла Валерьевна
 Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна
 Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
 Голуб Юрий Григорьевич
 Креленко Наталия Станиславовна
 Мезин Сергей Алексеевич
 Монахов Сергей Юрьевич
 Черевичко Татьяна Викторовна
 Чолахян Вачаган Альбертович
 Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
 Свидетельство о регистрации СМИ
 ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Корректор
Певная Татьяна Константиновна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 10.02.12.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,75).

Тираж 500 экз. Заказ 15.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2012

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Sosnovtseva O. V. Abstract B. I. Kurakin's Impressions of Italy	3
Starkova L. K. Censorship Policy of Catherine the Great in 1762–1771	9
Pozdnyakov A. N. The Education Reform of Alexander II: Evaluative Judgments in Historical Writings of the Late XIX – Early XX Centuries	16
Hasin V. V. «Saratov Case» of G. G. Zamylovsky through the Prism of Social Relations of the Beginning of the XX Century. Law and Morals	23
Stepanov I. I. Social Service of the Russian Orthodox Church from the End of XIX Century till the Beginning of XX Century (on the Example of the Ryazan Eparchy)	32
Novozhilov V. Yu. From the History of the Officers Training for the Internal Troops of the Interior in Russia	37

World History

Bukina A. G. Corinthian and Italo-Corinthian Vases in the «Catalogue of Classical Antiquities Possessed by Cavaliere Pizzati»	42
Lebedeva A. A. The Native Historiography of Medieval Moravian Cities Development: the History and the Prospects of Studying	49
Gorbachev D. V. I. A. Fessler about the French Revolution: French «Lessons» of German Conservatism	53
Krenenko D. M. Spanish Republican Fleet in 1936 campaign	58

Международные отношения

Tsyplin V. G. The Question of the USSR's Potential Enemies in Potential War in 1920s	68
Aphonina E. A. From the «Containment» Doctrine to the «Expansion» Strategy: the American Foreign Aid and New Epoch Challenges (1992–1994)	72
Tomchuk G. V. Key Stages in the Development of the Nunn – Lugar Program in the 1990s	76
Egorov A. I. Russia – Germany: an Attempt to a Strategic Partnership (1998–2005ss)	80
Baranov A. V. Palestinian Front of the Islamic Revolution	88

региональная история и краеведение

Malov N. M. Culture Genesis in the Lower Volga Region during the Late Bronze Age	95
Rabinovich Y. N. Left Bank Saratov in the 1666	101
Kalinina O. S. The Women and Children Problem in German Families of the Saratov Right-Bank Volga Region and its Transformation (mid 1760s – late 1920s)	104
Shpakovskaya S. V. The life Quality of Penza Region People in the Beginning of XX Century (by the Evidences of the Local Press)	108
Timoshina S. A. Political Government of Informing Soviet Citizens about Events Abroad in 1921–1941 (Penza Region is Taken as an Example)	112

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

Malyshkin S. A. Volga Region in Saratov of «The Twelfth Year»: the Fate of Great Army's Prisoners of War	118
Varfolomeev Yu. V. «To install in Russia Court Fast, Right, Mercy and Equal for all Submitted ours...» The review on book: Courts of the Saratov region: from the past in the present	120

Appendices

Chronicle	122
------------------	-----

Information about the Authors	123
--------------------------------------	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(450).071(093.3)+929Куракин

ИТАЛЬЯНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ КНЯЗЯ Б. И. КУРАКИНА

О.В. Сосновцева

Саратовский государственный университет
E-mail: SosnovcevaOV@mail.ru

Дипломаты в Петровскую эпоху выступают не только как представители интересов России на международной арене, но и как один из главных каналов трансляции национальных культурных ценностей, канал взаимопроникновения, или «диалога культур». Ярким примером подобного опыта является князь Б. И. Куракин. Оказавшись в Риме, он жадно исследует и пытается понять суть политического и экономического устройства общества, особенности социального развития. Поскольку описание Рима – одно из первых впечатлений князя Б.И. Куракина о Западе, на нем лежит отпечаток поверхностности и даже немного наивности. Несмотря на это обстоятельство, свидетельства, оставленные Борисом Ивановичем, позволяют изучать процесс «диалога культур» и римское общество первой половины XVIII века.

Ключевые слова: образ «другого», Италия, диалог культур, Петровские реформы, папский Рим.

Abstract B. I. Kurakin's Impressions of Italy

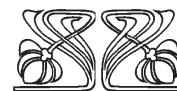
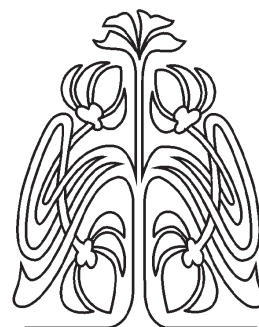
O. V. Sosnovtseva

In the reign of Peter I the Great diplomats were not only representatives of Russian interests in the world but were also media of national cultural values dissemination. A vivid example of such experience is Prince B. I. Kurakin. Being in Rome he tried to understand the essence of political and economic arrangements of the society, peculiarities of social development. As the description of Rome was one of the first B. I. Kurakin's impressions of the West, it was a bit naïve. In spite of this fact, Kurakin's evidence gives us an opportunity to study the process of the «Dialogue of Cultures» and Roman society of the first half of the XVIII century.

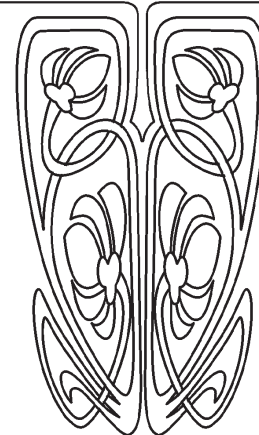
Key words: Image of «the other», Italy, cultural dialogue, reforms of Peter the Great, the Pope's Rome.

Борис Иванович Куракин (1676–1727) – масштабная фигура Петровской эпохи. По мнению М. А. Алпатов, он был «самым замечательным из тех «птенцов гнезда Петрова», которые имели дело с Западной Европой»¹. Для знакомства с его личностью важно отметить, что Куракин оставил после себя обширное литературное наследие, позволяющее ознакомиться с подробностями его жизни, а также в определенной мере составить представление о его взглядах, мыслях, настроениях². Выходец из аристократической семьи, ведущей происхождения от Владимира Святого³, Борис Иванович сумел реализовать себя как военный и дипломат.

Придворная служба началась для Бориса Куракина в семилетнем возрасте. Разница в возрасте между мальчиками – господином и слугой – была около четырех лет. Спальники должны были участвовать в играх малолетнего царя Петра, любившего воинские потехи. Для таких забав требовались крепкое здоровье и умение подлаживаться, подчиняться, причем бодро и весело. Трудно сказать наверняка, но, учитывая многочисленные свидетельства, в которых Куракин описывал свои хвори и недуги, можно представить, что ему было трудно тягаться с другими мальчишками. Опять же из позднейших записей заметно, что нрав у маленького Бориса был независимый, а язык довольно язвительный. Позднее, женившись на Ксении Лопухиной, Борис Куракин формально

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

оказался в ближайшем окружении молодого царя, но фактически этот брак не способствовал установлению близких отношений между свояками. Петр был женат на Авдотье Лопухиной против воли, а женатый на ее младшей сестре Борис Куракин любил свою Ксению.

Однако в большие проекты, начатые Петром с того времени как он получил реальную власть, свояка он включил. Тут сложно определить – по желанию или против воли. В любом случае этот факт стал решающим для судьбы и карьеры молодого придворного. С января 1696 г. по февраль 1698 г. военная служба Бориса Ивановича прервалась для получения образования в Италии. Все спальники, находившиеся при дворе Петра I, были поделены на две группы, и одна направлена в Голландию, другая – в Италию. Борис Иванович оказался в составе итальянской группы, обучающейся «наукам навигационным» (навигации. – *О. С.*). Об этом периоде своего пребывания в Италии Куракин оставил самые общие и чисто формальные сведения. Он лишь перечисляет дисциплины, которые преподавали русским «навигаторам» в Венеции: «...учился наук математических и выучился: арифметике, геометрии теоретической – 5 книг Евклидеса, геометрии практики, тригонометрии, пляны, астрономии часть до навтики, навтики, механики, фортификации офенсивы и дифенсивы (offensivo – наступающий, difensivo – обороняющий) ... И также некоторую часть в разговоре, и читать и писать италинского языка научась, доволен»⁴.

21 августа 1698 г. Борис Иванович получил аттестат от капитана Марка Мартыновича, который обучал его мореходному делу, «то есть компасу, направлению ветров и навигационной карте». Куракин для закрепления полученных теоретических знаний на практике совершил под наблюдением черногорца Марка Мартыновича два морских путешествия. Учитель нашел «его способным применять свои знания и для высших должностей»⁵.

27 августа 1698 г. Франциск Дамиани граф Ди-Вергада выдал Куракину другой аттестат, свидетельствующий об успешном усвоении им «практической арифметики, сочинений Евклида, тригонометрии, прямолинейной и практической геометрии, планетрии, стереометрии, фортификации, устройства и применения компаса». Дамиани ручался «с полной достоверностью, что у меня не было ученика более прилежного и более способного к изучению схоластики, как вышепоименованный кавалер и господин»⁶.

Вернувшись из Италии, он «свидетельствовал свои науки» перед царем в Воронеже вместе с другими заграничными учениками и сразу же продолжил военную службу. В это время произошли изменения в личной жизни Куракина. В феврале 1698 г. Борис Иванович лишился своей первой жены, которая умерла в возрасте 20 лет от цинги. «И по приезде моем к Москве, на третьей

день, жены моей княгини Ксении Федоровны не стало»⁷.

Примечательно, что в период с 1700 по 1707 г. Куракин совмещал военную службу (дослужившись до подполковника) с поездками за границу с разными поручениями от русского государя. Так, во время поездки на лечение в Карлсбад он должен был прозондировать возможность сближения между Москвой и Веней, а кроме того, «для примечания чужеземных нравов и поведений».

Первым важным поручением для Б. И. Куракина стала миссия при дворе папы римского Климента XI. Задача, поставленная перед Куракиным, не касалась напрямую отношений между Россией и папским Римом. Необходимо было определить позицию папы в отношении Речи Посполитой. К «папезному двору» Куракин ехал «без всякого характера»⁸, «инкогнито». По «инструкции, данной Куракину в Жолкве для миссии в Рим»⁹ от 18 января 1707 г., он должен был вручить папе грамоту от Петра, в которой содержалась просьба не признавать Станислава Лещинского, шведского ставленника, польским королем. Со своей стороны, русский царь обещал свободно пропускать через Россию римских миссионеров в Китай и Персию и разрешал «вольное отправление веры римской ... на столице».

С момента перемещения в ходе Северной войны военных действий на территорию Польши для России стало крайне важным подтвердить действие русско-польского договора 1704 г.¹⁰ Получалось так, что договор терял силу с признанием Лещинского польским королем, а Россия теряла преимущества в ведении военных действий на территории Польши. Поэтому миссия Куракина была очень важна.

В ответ на предложения русского двора папа расточал комплименты в адрес России за обещанную терпимость к католикам, но отказался признать за Петром титул «Величества», считая его рангом ниже императора. Одновременно Климент XI поддерживал переписку со шведами¹¹. Для святого отца шведы, конечно, были протестантами-еретиками, но коль скоро их поддерживал христианнейший король Франции, с ними стоило считаться. Кроме того, Швеция противостояла австрийским Габсбургам. В то же время православная Россия была неизвестной величиной, ничем непосредственно не грозящей.

В силу совокупности разных причин, объективных и субъективных, от папы Куракину не удалось добиться гарантий. Неплохо было уже то, что папа воздержался от признания Лещинского, предпочитая дожидаться, когда тот будет признан всей Речью Посполитой. Кстати, стоит отметить, что ту же уклончивую позицию папа проявил и в отношении предложения Франции официально признать Станислава Лещинского польским королем. Так что результат, полученный Куракиным, можно оценить как максимально возможный при сложившейся политической конъюнктуре.

Первая дипломатическая миссия оставила у Бориса Ивановича массу впечатлений самого разного рода. Часть из них могла быть полезной в дипломатических делах, часть – отражает восприятие человека, наблюдающего нравы и порядки чужого народа и чужой веры (это очень заметный штрих!), некоторые – знакомят нас со вкусами и взглядами наблюдателя «другого» мира.

Сначала стоит остановиться на «полезных» наблюдениях. Борис Иванович достаточно быстро вник в тонкости дипломатического этикета, ибо «между посольских дел паче всего церемония, для чего, чем может великой урон чести государственной учинить»¹². Куракин записал заметки «о приеме кардиналов и как они принимают», «о визитах принцам и другим кавалерам и о приемности их», где указывал на важность правильного доклада о своем приезде и количестве докладчиков. О расположенности по отношению к послу уже можно судить по таким фактам: где встречает гостя римский вельможа, в какую комнату провожает, а также в какую одежду одет. Например, Борис Иванович уяснил, что при визите к кардиналу, который, согласно обычаю, «у всяких дверей останавливается и почитает, чтоб наперед (пропускает вперед себя. – О. С.) идти»¹³, следует идти всегда после кардинала. «А наперед его отнюдь ходить никому не надобно, что есть в том им афронт ...». По тому, как в приемном покое кардинала стоят кресла, можно судить о расположенности вельможи к визитеру. Если кресло кардинала слишком далеко отставлено от кресла визитера, то «гораздо значит низко ведет». Если кресло визитера стоит слева и вровень с креслом кардинала, «то значит что тому великую честь отдает»¹⁴.

При визите к принцам, маркизам, баронам «и другим кавалерам» «надобно всегда приеждему наперед идти». Если «кавалер» одет «с шпагой и шляпой», то принимает с почтением. Если без шляпы и шпаги, «то принимает уничтоживая, не хотя отдать чести». Если на голове парик, «то принимает нечестно»¹⁵. Куракин старался проникнуть в тонкости церемоний при папском дворе и особенности «обхождений всех между кардиналов и равных других персон и их дворах»¹⁶.

Начинающий дипломат старался уловить особенности политической обстановки, экономического уклада и духовной жизни папского Рима. Куракин пытался понять умонастроение римского общества и пришел к мнению, что «народ римский ... весьма не контент (недовольный. – О. С.) быть под папою и всегда желает и проискивает быть под цезарем, или под кем иным, а чтоб не под церковными. То секрет не только в народе простом ... но и в самых великих персонах, токмо некоторые фамилии большие до того не склонны, малые самые»¹⁷. Борис Иванович подметил напряженность внутривосточной обстановки в Риме.

Общество находилось в стадии гражданского раскола. Отсутствовало единоначалие в управлении этим государством. Во время пребывания в

Риме власти «боялись ребелии от самых жителей римских, для чего здешний народ вельми желает, чтоб под владением цесарским быть»¹⁸. Между тем, по наблюдениям Бориса Ивановича, «папа показал цесарю неприятелем, а склонностью ко Франции»¹⁹. Многие римские князья, а также вельможи среднего и низшего ранга «для своей благодати» «живут под протекциею других потентатов, как цесаря, короля французского и гишпанского и других ...». Те вельможи, которые поступили под протекцию монархов других государств, на своих воротах размещают герб своего суверена. Они не подвластны римскому суду. «И когда ежели тому амбашадуру бывает какая противность от двора римского, тогда все те принцы и знатное шляхетство повинны к нему съехавшись, во всем способствовать ...»²⁰. Три прослойки, – приверженцы Франции, Испании и Империи – прослеживаются и среди кардиналов в ближайшем окружении папы. «Кардинал Оттобоней, стороны короля французского, кардинал Юдичи, также и другие многие, которым от короля французского есть плата в год – кардиналу Оттобонею – 6000 шкудов, также и другим; а стороны гишпанского – кардинал Импириали, кардинал Каскони, кардинал Аквавива, также и другие многие; от стороны цесарской кардиналов есть, только гораздо мало ...»²¹.

Любопытны заметки Куракина, касающиеся особенностей экономической жизни папского Рима. Важным с политической точки зрения, по мнению Б. И. Куракина, стало создание папой Климентом XI банка, служившего средством привлечения капиталов знати в экономику государства. Банк гарантировал безопасность денежных сбережений «наипервых персон». Кроме того, он предоставлял «другим недостаточным (персонам. – О. С.) в заем в некоторые времена с залогом». Но главный расчет Климента XI состоял в стремлении привить знати верноподданнические настроения и решить политический момент – состояние гражданского раскола общества – за счет экономической политики. «Есть того папы была политика и учинено, то усмотрел ту нацию римскую, что не есть охотны быть под владением папешским, а паче желают под цезарем или под французом. И для того все те их богатства увязил в тот палац (банк. – О. С.), понеже состоять верною обязаны, зная, ежели неприятель придет и возьмет, то все богатство пропадет»²².

Некоторые наблюдения Куракин сделал и относительно положения ремесленников в Риме. Он подмечает, что все булочники обязаны покупать каждый месяц строго определенное количество пшеницы «из житниц папешских». Предписанное количество пшеницы было так велико, что покупать более дешевую пшеницу у князей было невыгодно, поскольку «лишний хлеб залежится, что за множеством продать не может, из того сугубой убыток получит». Помимо закупки пшеницы «из житниц папешских», на булочников распростра-

нялось еще одно правило – «всякой форнарь (булочник. – *О. С.*) или калашник имеет свою лавку в расстоянии от другой в размер, и в округлость его всем жителям повинно брать у того форнаря; а ежели у другого возмет, пеня положена»²³. Весь хлеб в Риме должен быть одинаковым по весу, цене и размеру. Это правило не позволяло производить князьям пшеницу на продажу и ставило ремесленников в жесткую зависимость от житниц папского двора. Таким способом папа обеспечивал себе монополию и ставил экономическую жизнь Рима под свой контроль, что вполне соответствовало духу времени и веяниям повсеместных тенденций абсолютной монархии.

Куракин тщательно фиксировал свои впечатления о порядках при папском дворе, о буднях и праздниках горожан. Его отношение к католической церкви, обрядности весьма неодобрительно. Официально он убеждает папу в лояльности к католикам в России, для себя же делает массу зарисовок, касающихся религиозных нравов Рима, причем эта часть описания носит критический, обличительный до карикатурности характер.

Сколько обличительного пафоса чувствуется в том, как излагает Куракин скандальный случай двадцатилетней давности, записанный им с чьих-то слов. «В Риме был *прете* (священник. – *О. С.*) которой назывался Муленес ... в церкви приватной, во время папы Иноценция одиннадцатого. Тот вышешепоманутый Муленес поп светской, был человек ученый, истиму (уважение. – *О. С.*) великую имел от всех наиперших персон в Риме и являлся за святого. И у прихода своего в церкви казал казанья (проповедь. – *О. С.*) часто, а все в вечеру: на которое казанье съезживались многие кардиналы, преляты, принцы, принцессы и многие другие знатные персоны. И начал поучать в своих казаньях, что блуд не грех ... в той же церкви тот блудной грех делали. Таким способом, когда кажет казанье, и при конце того казанья все свечи погасят. И когда свечи погасят тогда он скажет из евангелия: “плодитесь, родитесь и умножится земля и рожайте ею”. И потом все в потемках, кто которую возьмет, тот тое и делает, поваля в той же церкви; также и тот с кафедры сходил и благославлял, которая ему полюбится. И потом отделавшись, вздуют огонь и засветят свечи, и подаст им благословление, и распускает их»²⁴. Далее Куракин сообщает, что этот разврат был раскрыт «простым мужиком», который зашел помолиться в ту церковь «и принужден был сообщая с другими учинить», а затем донес Иннокентию XI. Священник был посажен в земляную тюрьму, где и умер.

Куракин скептически отнесся к чудесам, в частности к возможности исцеления при помощи молитв. Это подтверждается описанием римского монастыря «законников атеинов», основателем которого был некий сан (святой. – *О. С.*) Гайтоно. В тот монастырь, указывает Борис Иванович, по средам приводят беснующихся или «одержимых дьявольскою болезнью» для исцеления. Нечистых

духов изгоняют при помощи молитв. При этом «атеины» утверждают, что кроме них подобные болезни никто не может врачевать. Для Куракина такая практика – не что иное как «коварственный обман», привлекающий большие массы людей, желающих посмотреть на подобное «прокураторство» (хитрость. – *О. С.*).

Далее Куракин высказал собственное отношение к этому «коварственному обману»: «... токмо под рассуждением умных людей есть добрая политика для простаковства, в содержании твердому в религии и в страхе». Из этого заявления можно сделать вывод, что он, подобно своему государю, воспринимал религию как надежный способ добиться от подданных повиновения. Религия есть «добрая политика», способная держать массы в узде и обеспечивать порядок в государстве. В этом идейно-религиозном прагматизме отчетливо проступают контуры просветительского взгляда на мир, основные положения которого уже сформулированы И. Ньютоном.

Любопытно описание Куракиным другой римской церкви, «*esu Maria*», в которой «простой поп *fra Pablo* и товарищ его *fra Vegrino* закону францискане чинили себя святыми и обманывали народ, а паче всего женский полк (так в тексте. – *О. С.*). Когда приходили молиться в ту церковь, тогда брали их за алтари и чинили блуд с теми женщинами... И положили их те двое религиозы на них ложились рука в руку и нога на ногу... И то чиня им рассуждали, не за грех, за святость». Данный отрывок демонстрирует критическое отношение к нерадивым церковнослужителям, а главное, критика здесь направлена на служителей католической церкви.

В целом Куракин оценил прием папского двора положительно. Борис Иванович упоминает, что на время его частных визитов, желая показать ему свои благорасположенность и уважение, кардиналы Оттобоней (вице-канцлер) и Павлюций (министр) специально облачались в красное одеяние²⁵. Как и всем прочим послам, на аудиенции у папы пришлось князю Куракину целовать ему ногу. Прямо Борис Иванович об этом не пишет. Но косвенное свидетельство заставляет предположить, что это событие покорило аристократическую честь потомка Рюриковичей. Куракин описывает один случай, произошедший во время его пребывания в Риме. «*Principe de Saxonia*», приехавший в Рим, не хотел идти на аудиенцию к папе из-за того, что официальная церемония требовала целовать ногу понтифика. Кардинал Сакрипантий под предлогом приглашения для осмотра папского дворца в Монте-Кавалло привел «*Principe de Saxonia*» в комнату, где неожиданно оказался папа. «И тот министр объявил: – то его святость изволь идти на аудиенцию и поцеловать ногу. И тот принц, не хотя было того учинить, и хотел идти вон. Однакож, многими противными разговорами принужден был кленчить (стоять на коленях. – *О. С.*) и целовать ногу как со входу, так

и с приходом... И таким обманом и политикою при том дворе учинено».

Куракин высказывает негодование по поводу этого случая и полагает, что «так всех обманывают; и то себе ставят за находку, чтоб кто иностранный и не их релижеи ногу поцеловал, и то себе ставят за великую находку, и записывают в истории»²⁶. Несмотря на то что «на авдиенции целовал у папы ногу», ему показалось, что «никогда никто в московской нации в приемности такого гонору и порядком не был принят, где во всех церемониях так установил, как к чести Царского Величества, так и к своей персоне, как и других протчих министров европейских и князей от санкви (крови. – О. С.) принимают»²⁷. Перед отъездом Климент XI продемонстрировал, по словам Куракина, «экстраординальную честь». Он прислал к нему с визитом своего родного брата дона Орацо Албани²⁸. Когда Куракин уезжал из Рима, папа «послал крест с мощами до государя царевича»²⁹.

Римский кардинал Павлюций в письме к Петру I от 23 октября 1707 г. так охарактеризовал Куракина: «...его честные качества и его любезнейшие поступки учинили заслуженна почтения и склонности нашего господина и всего сего (папского. – О. С.) двора»³⁰. Основным итогом первой дипломатической миссии лично для Куракина стали знакомство с хитросплетениями большой политики, получение первичного опыта дипломатической деятельности, прежде всего в части дипломатического протокола.

Памятники культуры привлекают его внимание, если они связаны с историческими личностями или событиями. Довольно долго пробыв в Риме, из культурных достопримечательностей он упомянул «дом великого и славного философа Чичерона (Цицерона) и Колизей». Видимо, Колизей его впечатлил – «которая великая машина была сделана от Нерона мучителя, фигурую овальною, вверх будет сажень в пятнадцать, в которых имел разных зверей, и для мучительства травил христиан теми зверями в том дому. Диаметр длины того дому будет сажень 150, а порепек в препорцию; и по се число уже большая часть того дома обвалилася»³¹. Колизей интересен для Куракина тем, что там Нерон «травил христиан теми зверями». Впечатления от памятника сводятся к указанию длины и ширины здания. Наверное, он оценивал его так же, как и Петр I, с позиции технократа³².

Нельзя сказать, что Куракин не замечал шедевров искусства вообще, ибо его путевые заметки пестрят лаконичными упоминаниями о музыке и архитектуре посещаемых им мест, но он уделял мало внимания описанию памятников искусства. Его интересовало то, что может быть полезно. А возможно, дело в том, что старый и по сути своей церковнославянский допетровский язык мог экстраполироваться далеко не на все сферы общественной жизни. Поэтому в рамках культурной политики Петра Великого проводится реформа для создания языка новой светской образованности³³.

У Куракина многие иностранные слова, прежде всего касающиеся сферы административной и морской лексики, а также названия профессий, государственных, религиозных и общественных заведений, средств передвижения, оставались в неизменном виде, поскольку он не мог найти для них русского эквивалента, ведь аналогов в России им просто не было. Это выражения-«экзотизмы», отражающие явления жизни, культуры и быта других стран и передающие местный колорит. И наоборот, некоторые западноевропейские процессы и явления Борис Иванович обозначал русскими, понятными для него «словами-варваризмами». Характерной особенностью авторского стиля Куракина является тождественность письменной и устной речи. Он как говорит, так и пишет³⁴.

Скорее всего, «сухая» манера описания произведений искусства обусловлена у Куракина и технократической тенденцией, и недостатком выражений в словарном запасе русских того периода при отражении культурных европейских процессов, несвойственных для нашей страны. Но не у всех петровских аристократов не находится нужных слов для памятников культуры. Например, Куракин описывает мемориальную скульптуру следующим образом: «...при площади той, сделан мужик вылитой, медной с книгою, на знак тому, который был человек, гораздо ученый и часто людей учил, и тому на знак то сделано»³⁵. Другой дипломат Петровской эпохи, Андрей Артамонович Матвеев, оценивает памятники искусства другими категориями. В путевых заметках о Франции он поэтично и красочно повествует о достопримечательностях чужой страны. «В середине поставлено подобие изваянное короля Людовика Великого XIV, ныне государствующего, на лошади из меди, с несколькою частию серебра смешанное, в великую меру, в латах, самого вида сходного ему от художников хвальных французских ... на великом мраморном подножии»³⁶. Сведения о внешнем виде памятника Андрей Артамонович стремится дополнить рассказами об исторических событиях, людях, связанных с ним.

В период своего второго пребывания в Италии Куракин пережил романтическое приключение. В Венеции в январе 1708 г. Борис Иванович жил «в великих роскошах и веселье», находясь в обществе старого друга Франциска Мозорини³⁷. Там он был очарован некой Франкешей Рота, «славной хорошеством». Борис Иванович сильно «был инаморат» (влюблен. – О. С.). Он записал: «И так был инаморато, что не мог ни часу без нея быть, которая коштвала (стоила. – О. С.) мне в те два месяца 1000 червонных». Дело чуть не дошло до «дуэллию» с венецианским аристократом маркизом Паливиччино. С Франкешей Рота Куракин, по его признанию, «расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот аитор не может выдтии, чаю, не выдет»³⁸ (написано это было два года спустя – срок немалый для проверки чувств). Ко времени встречи с Франкешей Кура-

кин был давно женат вторым браком на Марии Урусовой. Сложные отношения с женой, можно предполагать, подтолкнули его к некой раскрепощенности поведения и, возможно, в какой-то мере способствовали тому, что Куракин все меньше стремился домой и весьма охотно выполнял все новые заграничные поручения царя. Во всяком случае с 1711 г. Куракин не приезжал в Россию. С назначения послом в Голландию и до смерти он проживал в Европе, преимущественно в Гааге, Лондоне и Париже³⁹.

Итальянские зарисовки Куракина создают весьма красочную картину, позволяющую составить представление о том, каким видел западный мир русский путешественник начала XVIII в., имеющий деловой, но не только, интерес в отношении увиденного. Причем из разнообразных сведений о приемах, правилах этикета, элементах хозяйственной жизни и бытовой культуры вырисовывается картина того, что нужно знать об этом чужом мире, чтобы к нему приспособиться. В перспективе это вылилось в то, что Куракин оказался весьма полезен России в решении различных проблем международного характера. Он представлял интересы страны в Италии, Ганновере, Нидерландах, Англии, Франции, на генеральных съездах европейских держав. Он по поручению монарха изучал расстановку сил в Европе, ведал вопросами обучения русских подданных за границей, наймом иностранцев для службы в России, покупкой военных кораблей и многим другим⁴⁰. В последние годы жизни Б. И. Куракин, по сути, выполнял за границей функции заместителя канцлера.

Примечания

- 1 Алтатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа : XVII – первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 212.
- 2 См.: История о царе Петре и ближних к нему людях // Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. 1890. Т. I. С. 43 ; Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная // Там же ; Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. 1705–1710 гг. // Там же ; Ведание о папезской ауторите над всеми патентатами религии католицкой // Там же. С. 117–119 ; Главныя задачи московскаго государства. 1707 г. // Там же. Т. III. С. 175–176 ; Заметки кн. Б. И. Куракина в Вене и Гамбурге // Там же. С. 253 ; Записка кн. Б. И. Куракина о его болезнях и лечении в 1676–1718 гг. // Там же. С. 229–237 ; Князя Куракина записка 30 мая 1711 г. о воспитании Александра Куракина // Там же. Т. II. С. 356 ; О политике государств и прочие заметки. Бреславль. 1706 г. // Там же. Т. III. С. 168 ; О посацких торговых людях и о ремесленных // Там же. С. 237–238 ; О торговых статьях. Карлсбад. 4 октября. 1705 г. // Там же. С. 154–159 и др.
- 3 Родословная была помещена в архив князей Куракиных села Надеждино Сердобского уезда Саратовской губернии. Встречаются сведения о том, что Куракины – потомки Гедеминовичей. В дореволюционной исто-

- риографии исследователи спорили по вопросу, есть ли связь между Рюриковичами и Гедеминовичами. См.: Родословная кн. Куракиных // Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. 1890. Т. I. С. 351 ; Кн. Н. Н. Голицын. Род кн. Голицыных. Т. I. СПб., 1892.
- 4 Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 255. Стоит отметить, что впоследствии он приобрел обыкновение свои сокровенные мысли записывать на итальянском языке См.: Карпов Г. М. Борис Иванович Куракин // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 26.
- 5 Аттестат, выданный капитаном Марком Мартыновичем кн. Б. И. Куракину в знании им мореходного дела // Архив кн. Ф. А. Куракина. Саратов, 1893. Т. IV. С. 77.
- 6 Аттестат, данный Франциском Дамиани гр. Ди-Вергада кн. Б. И. Куракину // Архив. кн. Ф. А. Куракина. Т. IV. С. 78–79.
- 7 Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 255.
- 8 Там же. С. 276.
- 9 Инструкция из канцелярии его царского величества урожденному господину князю Борису Ивановичу Куракину, данная в Жолкве 18 января 1707 году, по которой ему надлежит чинить, будучи в Риме при папезском дворе // Архив. кн. Ф. А. Куракина Т. II. С. 8.
- 10 См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 210.
- 11 См.: Алтатов М. А. Указ соч. С. 213–214.
- 12 Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. С. 199.
- 13 Там же. С. 181.
- 14 Там же. С. 184.
- 15 Там же. С. 185.
- 16 Там же. С. 178–182.
- 17 Там же. С. 196.
- 18 Римскаго двора ныне какое состояние // Архив кн. Ф. А. Куракина. Т. III. С. 182.
- 19 Там же. С. 183.
- 20 Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. С. 189.
- 21 Там же. С. 190.
- 22 Там же. С. 220–221.
- 23 Там же. С. 208–209.
- 24 Там же. С. 205.
- 25 Там же. С. 188.
- 26 Там же. С. 212.
- 27 Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 276.
- 28 Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина. С. 184.
- 29 Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 277.
- 30 Архив кн. Ф. А. Куракина. Русская старина. 1890. Т. II. С. 16.
- 31 Дневник и путевые заметки кн. Б. И. Куракина С. 192–193.
- 32 Анисимов Е. В. Время петровских реформ. М., 1989. С. 44.
- 33 Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996. С. 123–125.
- 34 См.: Ясинская М. Б. Адаптация западноевропейских заимствований в сочинениях князя Б. И. Куракина // Человек между царством и империей : сб. материалов междунар. конф. / под ред. М. С. Киселевой. М., 2003. С. 233–239.

- ³⁵ Дневник и путевые заметки князя Б. И. Куракина. С. 140.
³⁶ Русский дипломат во Франции. Л., 1972. С. 50.
³⁷ Жизнь кн. Б. И. Куракина им самим описанная. С. 278.

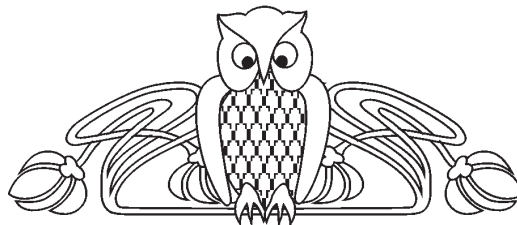
- ³⁸ Там же.
³⁹ См.: Плеханова М. Б. Куракин // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 168.
⁴⁰ См.: Письма Петра I к Б.И. Куракину // Архив кн. Ф. А. Куракина Т. I. С. 1–32.

УДК 94 (47).66+929 Екатерина II

ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II В 1762–1771 ГОДЫ

Л. К. Старкова

Саратовский государственный университет
E-mail: ludastarkova-history@mail.ru

В статье рассматриваются первые инициативы русской императрицы Екатерины Великой в отношении цензуры. Статья рассказывает о стремлении власти контролировать книгопечатание, торговлю иностранными книгами во второй половине XVIII века. Большой интерес представляет анализ отношения общественно-го мнения к цензурным реформам Екатерины II.

Ключевые слова: Екатерина II, XVIII век, печать, цензура, Просвещение, книги, Академия наук, общественное мнение.

Censorship Policy of Catherine the Great in 1762–1771

L. K. Starkova

The article considers the first initiatives of the Russian Empress Catherine the Great in question of Censorship. The article gives an account of the state controlling of book printing, book delivery and book banning in the second half of 18th century. The great interest is the analysis of the public opinion in question of Catherine's censorship reforms.

Key words: Catherine the Great, XVIII century, book printing, censorship, Age of the Enlightenment, books, Academy of Sciences, public opinion.

Есть некоторая удобность в правлении:
лучше, чтоб Государь ободрял,
а законы бы угрожали.
*Екатерина II*¹

«Идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совсем другой цвет», – заметил Д. Дидро в разговоре с княгиней Дашковой². К середине XVIII в. среди столичного и провинциального дворянства России широко распространились просветительские идеи о главенстве разума, гармонии человеческой личности, праве человека на выражение своих мыслей³. Среди идей Просвещения особая роль отводилась формированию общественного мнения устным и печатным словом⁴.

Постепенно у многих российских дворян появились собственные библиотеки. Книги выписывали из-за границы и приобретали в книжных магазинах⁵. Великолепные библиотеки имели члены императорской семьи: Елизавета Петровна, Петр Федорович, Екатерина II. В воспоминаниях М. А. Дмитриева есть описания роскошных

библиотек И. И. Дмитриева и П. П. Бекетова⁶. П. А. Вяземский вспоминал о библиотечных собраниях и литературных интересах своего отца и его друзей⁷. Известны огромная библиотека графов Бутурлиных и многие другие. Например, княгиня Дашкова в 15–16 лет располагала библиотекой в 900 томов⁸. Книжное собрание барона И. А. фон Корфа, президента Петербургской академии наук, насчитывало 36 тысяч томов. В 1764 г. его книжное собрание приобрела Екатерина II⁹. Позже к собранию книг императрицы присоединились библиотеки Дидро, Вольтера, д'Аламбера, Галиани, Бюшинга, Ф. Николаи, доктора Циммермана, книги и бумаги кн. Щербатова и Болтина, библиотека Миллера и коллекции Палласа¹⁰.

Вельможи и государственные деятели вступали в переписку с иностранными писателями. В «Записках» Дашковой говорится, что И. И. Шувалов выписывал для нее заграничные издания, т. к. в книжных лавках Москвы не нашлось новых книг для ее библиотеки¹¹. Столичное дворянство начало интересоваться отечественной и зарубежной литературой. Мемуарист свидетельствует, как велика была любовь к чтению в высшем обществе. «Не имея достаточного количества книг отечественных авторов, образованные и мучимые голодом читатели поневоле должны были кидаться на французские книги»¹². Императрица поощряла переводы Вольтера, Монтескье, Дидро, Мерсье, Гельвеция, Руссо, Мабли, Юма и др.¹³ В России издали переводы рассуждения Руссо «О неравенстве между людьми» (1770), проекта аббата Сен-Пьера «О всеобщем и вечном мире» (1771), Гоббса «О гражданине» (1776).

Вместе с тем власти настороженно относились к распространению знаний о политике, законах общественной жизни, стремились исключить рассуждения в обществе и печати о деспотизме, свободе, истине и справедливости. В связи с этим следует обратить внимание на некоторую двойственность поведения правительственных кругов, которые предпочитали, по образному выражению В. О. Ключевского, «заимствовать с Запада свет знания, но без огня, которым можно обжечься, или

взять весь этот свет целиком, но не подносить его близко к глазам»¹⁴.

Политика Екатерины II в указанный период полностью укладывается в намеченную Ключевским схему. Поощряя распространение просвещения и новых идей, Екатерина II стремилась направить в определенное русло общественные настроения¹⁵, а в некоторых случаях решительно пресечь рассуждения в обществе на определенные темы. Поэтому, когда российские писатели поспешили отразить в своих сочинениях взгляды на развитие общества, а некоторые дерзнули рассуждать о политике правительства, Екатерина II ограничила непрошенную инициативу с помощью цензурных запретов. В связи с этим можно предположить, что цензура рассматривалась императрицей как своеобразный фильтр для «света» идей Просвещения.

Рассмотрим цензурную практику российского правительства с 1762 по 1771 г., когда в связи с открытием первых «вольных» типографий (1771) появилась необходимость изложить четкие требования власти к издателям и подробно регламентировать их деятельность. Следует определить, какая роль в процессе оформления цензуры принадлежит Екатерине II, какие меры предпринимались для ограждения общества от «соблазнительных» и «опасных» изданий, насколько убедительно изложены мотивы принятия властью цензурных решений в манифестах, указах, высочайших повелениях. Изучение цензурных постановлений начального периода правления Екатерины II поможет проследить процесс развития общественных запросов, интересов и определить цели правительства. Исторически сложилось, что в России последнее слово в цензурных установлениях, как и в других важных областях государственного управления, принадлежало монарху. Его именем объявлялись указы, в том числе и о цензуре. В настоящей работе мы рассмотрим часть малоизученной проблемы формирования цензуры в России в первые годы правления Екатерины II.

Взаимоотношения власти и общества по вопросам контроля печати и организация цензуры в России XVIII в. рассматривались многими исследователями в общих работах, посвященных российской истории, а также вопросам развития общественного самосознания, стремлению выразить в печати мнение просвещенного общества. Указанные проблемы исследовали С. М. Соловьев, А. Н. Пыпин, П. П. Пекарский, А. Г. Брикнер, П. К. Щербальский, А. М. Скабичевский, В. Я. Гросул, С. О. Шмидт и др.¹⁶ В. П. Семенников, Д. Д. Шамрай, В. А. Западов, А. Г. Бoleбрух, А. Ю. Самарин и др. являются авторами специальных исследований по цензуре XVIII века¹⁷.

Иностранные авторы в общих и специальных работах исследовали цензурные установления в России времен Екатерины II¹⁸. Первые серьезные работы зарубежных ученых по проблемам взаимо-

отношений печати, общества и власти появились в XIX в. Французский дипломат Ф. Лакруа отмечал значение умеренной цензуры для укрепления стабильности власти в России при Екатерине II, анализировал тенденции изменения цензурной политики в последние десятилетия царствования в сторону ужесточения¹⁹.

Видный британский ученый, специалист по русской истории академик сэр Бернард Парес в книге «Россия и реформы»²⁰ отметил внимание императрицы Екатерины Великой к литературе, высоко оценил просветительскую деятельность Н. Новикова. Говоря о времени возникновения постоянной цензуры в России, исследователь подчеркивал эпизодический характер цензурного контроля иностранных книг при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, который осуществлялся преимущественно Синодом. Возникновение постоянной светской цензуры в России Бернард Парес относил к периоду после драматических событий Французской революции 1791 года.

Шведский исследователь доцент истории искусств М. Олафссон использовал в своей работе данные о культурных связях Швеции и России и отметил значение для России цензурного опыта Швеции второй половины XVIII в.²¹ Профессор истории, директор Центра изучения XVII–XVIII века доктор П. Рейлл в книге «Энциклопедия Просвещения»²² подробно освещает деятельность Екатерины II в области культуры и народного образования. Говоря о книгоиздательстве и периодической печати, автор анализирует цензурные меры русского правительства и приходит к выводу, что они способствовали росту отчуждения между властью и образованным обществом.

Британский историк, профессор Абердинского университета П. Дюкс в книге «Екатерина II и русское дворянство» проанализировал различные типы цензуры, применительно к условиям России определил цензурные взгляды императрицы и подчеркнул мысль о целесообразности осторожных ограничений свободы печати²³. Американский историк искусства профессор Л. Д. О'Малли в книге «Драматические сочинения Екатерины Великой» обращает внимание на цензурную историю литературных и драматических сочинений и судьбу их авторов в России второй половины XVIII века²⁴.

Много писал об отношении Екатерины Великой к идеям Просвещения, о содержании ее «Наказа» канадский исследователь, профессор университета в Торонто доктор Чарльз А. Рууд в фундаментальном труде «Сражающиеся слова. Имперская цензура и русская пресса», изданном в университете Торонто в 1982 г. и переизданном с дополнениями в 2009 г.²⁵ Английский историк Дж. Грин в книге «Энциклопедия цензуры»²⁶ рассматривает особенности цензурной политики Екатерины II в контексте политических событий эпохи и анализирует причины принятия некоторых важных решений, касающихся цензуры.

Источники по теме можно найти в переписке Екатерины II, в служебной и частной корреспонденции государственных деятелей и частных лиц исследуемой эпохи, в официальных документах, записках, воспоминаниях²⁷.

К началу второй четверти XVIII в. европейские монархи осознавали значение печати в формировании общественного мнения и многие из них проявляли определенный интерес к идеям Просвещения. Известно, что императрица Мария-Терезия считалась с тем, что скажет о ее распоряжениях в своем журнале издатель и журналист Шлецер, король Фридрих II пригласил Вольтера в Берлин, шведский король Густав III, находясь во Франции, был знаком с Мармонтелем. Парижские литературные салоны привлекали представителей английской литературы и философской мысли, таких как Юм, Гиббон, Стерн, итальянской – аббата Галиани, Беккария, Верри. Екатерина II переписывалась с Вольтером, Дидро, д'Аламбером и интересовалась политической и просветительской литературой. Посредником в переписке русской императрицы с энциклопедистами был князь Д. А. Голицын. И. И. Бецкой переписывался с Дидро, граф А. П. Шувалов и граф А. Р. Воронцов – с Вольтером и Мармонтелем. И. И. Шувалов и князь Юсупов посетили Вольтера, кн. Козловский был посланником Екатерины в Фернэ.

Императрица понимала значение книги, сама способствовала открытию в 1768 г. книжного магазина в Санкт-Петербурге²⁸, внимательно следила за формированием личной библиотеки. Екатерина II поощряла переводы и печатание сочинений, посвященных важнейшим вопросам политики, экономики, культуры. В переводах сочинений участвовали, кроме Екатерины II, придворные и видные представители дворянства. Потемкин переводил сочинения Вольтера и Руссо, а адмирал Грейг изучал работы Монтескье и Рейналя²⁹. В обществе возник интерес к дискуссиям на литературные и философские темы, шел активный обмен мнениями по политическим вопросам. В столицах нередко газеты и журналы приобретали и для знакомых, пересылали друзьям и родственникам, обменивались интересными экземплярами, обсуждали и комментировали отдельные публикации³⁰.

Все эти изменения в общественной жизни России были невозможны без развития печати. Эта область культурного развития была, в свою очередь, тесно связана с духовной стороной жизни общества: наукой, образованием, литературой. Велико было значение книг в жизни столичного и провинциального образованного человека второй половины XVIII века. Например, губернский прокурор Добрынин, автор содержательных записок, отмечает: «... пользуясь свободой времени, читал я разные книги». Среди «особенно интересных» Добрынин называет книги по древнегреческой и римской истории, переводы Лессажа, Вольтера и Монтескье³¹.

Екатерина II интересовалась историей и литературой, сотрудничала в сатирических журналах, поощряла создание новых периодических изданий, что отвечало определенным интеллектуальным запросам части российского общества. Многие молодые аристократы в то время путешествовали за границей, знакомились там с литературными кругами общества. Екатерина гордилась тем, что в России издаются сочинения, запрещенные во Франции. В 1765 г. «Философия истории» Вольтера была быстро распродана в России в количестве 3000 экземпляров. В русском обществе появились образованные люди, которым была небезразлична судьба Отечества, стремившиеся на практике воплотить в жизнь идеалы Просвещения, воспользоваться ими для оценки окружающей действительности. В литературе все чаще высказывались мысли о свободе печати³².

Общественное мнение в России в ответ на поощрение императрицы пыталось заявить о себе, но правящие круги относились к возможным «вольностям печати» с опаской и недоверием. Поэтому параллельно с развитием литературы и публицистики в России во второй половине XVIII в. можно отметить стремление реформировать цензуру, пересмотреть принципы ее организации с учетом европейского опыта и российских традиций.

Следует отметить, что в абсолютистской России занятие литературой всегда понималось как государственная служба, словесность должна была отражать государственную политику и ее идеалы³³, поэтому еще со времен Петра I литературные произведения оценивались с точки зрения их полезности для государства и государей. Поэтому часто, несмотря на приверженность императрицы идеям Просвещения, независимость и свободомыслие сочинителей не встречали одобрения именно у Екатерины II. Неважно, шла ли речь о хвалебной оде, книге религиозного содержания или критических стихах. Основным инструментом для контроля российской печати и сочинителей стали цензурные постановления. В Европе в то время широко практиковалось уничтожение в огне неугодных произведений³⁴. Та же практика становится обыденной и для России. Ранее такие события были весьма редки и касались в основном религиозной полемической литературы. Однако традиция сохранилась и в рассматриваемый период печатные произведения, опасные для власти, публично сжигались перед зданием Правительствующего сената, за исключением церковно-богослужебных книг, в которые вклеивали перепечатанные выходные листы³⁵.

Екатерина II, поощряя увлечение книгами, в то же время с начала своего правления стремилась не допускать излишних «умствований» и «предерзостных мечтаний» подданных, поэтому охотно прибегала к цензурным методам. Первое время цензурная деятельность развивалась путем административной практики и очередное цензур-

ное постановление вызывалось каким-либо чрезвычайным случаем и отличалось односторонним, а иногда расплывчатым содержанием³⁶.

Прежде всего императрица стремилась не допустить комментирования, толкования и обсуждения распоряжений правительства, что затрагивало ее интересы и интересы придворной знати. Манифест от 4 июня 1763 г. «О воспрещении непристойных рассуждений и толков по делам, до Правительства относящимся» является одним из первых актов против свободы мысли. Причиной послужило появление «пасквилей», толкующих обстоятельства восшествия на престол Екатерины II. Подданные должны в интересах пользы и всеобщего добра «принадлежать» только своим званию и должности, всемерно «удаляясь от предерзких и непристойных разглашений и толкований, так как только слабоумные заражены странными рассуждениями о делах, которые их не касаются». Манифест запрещает истолковывать гражданские права, правительственные постановления и уставы, а также Божественные узаконения. За такие «зловредные истолкования» полагается смертная казнь. Все подданные должны жить в спокойствии и тишине, «истребя всякую вредность и непристойные званию их развращенные истолкования». В противном случае с ними поступят по всей строгости закона и «преступники» неминуемо почувствуют всю тяжесть монаршего гнева как нарушители спокойствия и «презрители монаршей воли»³⁷.

Этот манифест является откровенной попыткой призвать к молчанию образованных людей, которые могут высказать свое мнение о правительственной политике. Продолжает данную тему Указ Сената от 16 марта 1764 г., где говорится о сожжении палачом под барабанный бой пасквиля³⁸, послужившего причиной выхода Манифеста от 3 июня 1763 г., которое и было произведено Главной полицейской канцелярией. указ дает дополнительные сведения об отношении властей к толкователям правительственной политики. Здесь уже говорится о многократном подтверждении указами запрещения распространять подобные сочинения «под наистрожайшими взысканиями». Нарушители упомянутого выше указа даже могут быть подвергнуты «крайнему истязанию». В именном Указе от 17 марта 1764 г. устанавливается, что действительны только указы, напечатанные в сенатской типографии³⁹.

«Пасквили» преследовались и тогда, когда они содержали нарек на известных в обществе лиц. Например, 17 и 25 ноября 1764 г. московский генерал-губернатор гр. Салтыков сообщил императрице «о ругательном сочинении на представителей 300 знатных фамилий, рассеянном по городу в каталогах на французском и русском языке», о чем информировал власти французский купец⁴⁰. Этот факт показывает, что интерес к подобным произведениям проявлялся в разных слоях общества. В донесении также сообщается,

что купец признался, что даже сам списал несколько номеров, которые потом, после прочтения с товарищами, якобы сжег. Так как каталог видели позже в конной гвардии и «множество еще тайно носилось по городу», то Салтыков «не дерзнул сам вступить в расследование дела» и представил доклад о происшествии императрице с просьбой о высочайшем повелении, чтобы, «по обнаружении, публично сжечь этот ругательный каталог и наказать автора». В конце донесения по-французски приписано замечание Салтыкова о том, что если оставить безнаказанным этот случай, то «молодежь» или «они»⁴¹ «могут написать много чего другого». Молодежь без образования нуждается в сдерживании, поэтому Салтыков и предлагает принять строгие меры⁴². В связи с этим интересно рассмотреть поправки, внесенные в копию проекта сенатского указа гр. Н. И. Паниным⁴³. Вместо фразы «и зловредные пасквили ни в каком обществе не позволены» Панин усилил ее значение и вписал: «...поносительные, безымянные сочинения нашими гражданскими законами яко вредные общему покою признаны и запрещены». После слов «сочинители, яко злонравные, развратные и своевольные» было в начале написано «нетерпимы», заменено на «достойному наказанию осуждаемы».

Указ от 19 января 1765 г. был опубликован в «Санкт-Петербургских» ведомостях № 10 за 1765 г.⁴⁴ Он издан с учетом поправок гр. Панина и содержит распоряжение о сожжении палачом доставленных в Сенат каталогов. В этом указе более подробно описана сама процедура уничтожения «пасквиля», которая происходила на Красной площади: при собрании народа по прочтении указа палач должен сжечь негодные произведения, что и было исполнено. Впрочем, сочинитель этих пасквилей не особенно скрывался и считал свое деяние остроумной шуткой. В «Записках» С. Порошина за 18 ноября 1764 г. отмечено, что граф А. С. Строганов говорил за ужином о своих каталогах французских, «некоторые из которых выходили и весьма оскорбительные»⁴⁵.

Постепенно ограничиваются темы сочинений, допущенных в печать. Например, после прихода к власти Екатерины II прекратилось печатание в типографии Сухопутного шляхетского корпуса литературных произведений, в которых говорилось бы о восстаниях, заговорах, захвате власти при иностранных дворах. Цензура произведений, печатавшихся в типографии корпуса, оказалась в руках ее начальника, непосредственно подчинявшегося Екатерине II⁴⁶.

В это же время власти обращают пристальное внимание на порядок получения в таможенные иностранные книги и на тематику продаваемых изданий. 6 октября 1763 г. вышло «собственноручное повеление императрицы» генерал-прокурору Глебову⁴⁷. «Слышно, что в Академии наук продают такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во

всем свете запрещены». К таким книгам отнесли «Эмилия» Руссо, «Мемории» Петра III и «многие другие подобные». В данном случае обращает на себя внимание ссылка на цензурную практику других стран, «на весь свет», как на пример для подражания. В повелении сказано, что в столичных городах у вольных книгопродавцев «предостаточно подобных книг, которые портят нравы». Генерал-прокурору поручалось прежде всего проследить за наведением порядка в книжной лавке Академии наук. Владельцев книжных лавок, не состоящих ни под чьим ведомством, следовало обязать ежегодно сообщать реестры предполагаемых к выписке из чужих краев книг (прежде всего из Франции) в Академию наук в Санкт-Петербурге и в Московский университет. Этим учреждениям фактически было предоставлено право цензуры вышеупомянутых списков: они должны были «вычеркивать» в представленных реестрах книги, содержание которых направлено против закона, добрых нравов и самодержавной власти самой Екатерины II. На случай если объявится «преступник», продолжающий продавать запрещенные книги, лавку можно было конфисковать или выдумать какие-то другие меры. В Прибалтике за неимением училищ «смотреть» за книжными лавками предписывалось городским начальникам. При наличии училищ они должны были осуществлять цензуру по примеру университетов. На черновом варианте этого повеления есть пометка И. П. Елагина о том, что вольные книгопродавцы после объявления указа должны были для надежности еще дать подписку⁴⁸. Интересно, что в первые годы правления Екатерины II цензура именовалась в документах «рассматриванием» книг.

Генерал-прокурор Глебов объявил Академии высочайшее повеление немедленно представить «мнение» о пресечении продажи недозволенных иностранных сочинений. Примечательно, что канцелярия Академии уже 20 октября 1763 г. уведомила Сенат о том, что такое «мнение» давно составлено. Следует отметить, что еще Лейбниц, говоря об устройстве Академии в России, рекомендовал цензуру поручить Академии наук. Академики четко изложили свои предложения⁴⁹. Прежде всего, по примеру других государств, необходимо на пути книг в Россию поставить особых цензоров, причем следует ужесточить существующую цензуру и отбирать у торговцев и приезжающих «книги, противные государству, христианской вере и нравственности». Предлагалось также утвердить привилегию Академии на торговлю иностранными книгами, у нарушителей этой монополии книги конфисковывать. Желаящие «охотники до книг», то есть покупатели, должны «адресоваться» к книжной лавке Академии, которая сможет быстро доставить им дешевые книги. Авторы рекомендовали также регулярно «припечатывать известия о книжной лавке в газетах». В этом пункте заметны реклама

академической лавки и стремление приобрести новых покупателей. Выписавший книги торговец должен в порту Санкт-Петербурга при их получении представить реестр, на котором в Академии наук после рассмотрения списка поставят резолюцию, после чего книжный «досмотрщик, определенный при таможене, должен осмотр книг и допуск учинить».

В прочих портах и пограничных таможах, особенно в Риге, такое рассмотрение реестров книг предлагалось поручить одному из членов местного управления. Академики, анализируя имеющийся цензурный опыт, рекомендовали, чтобы чиновник, «выпускающий» в порту книги, обязательно имел возможность читать иностранные ученые газеты и журналы, где публикуются отзывы о новых книгах. Сверяясь с реестром, чиновник в порту должен отпустить дозволенные книги, о сомнительных доложить в канцелярию Академии, запрещенные – конфисковать. К запрещенным традиционно причислялись книги, опровергающие основы христианской веры и гражданского общества, сочинения «соблазнительные» и пасквилы, позорящие государство и народную честь. Реестр запрещенных книг должен был составляться в Академии наук. Политические сочинения рекомендовалось, не причисляя к «действительно запрещаемым», не допускать в продажу простыми торговцами. Иметь такие книги не возбранялось, их можно было привезти для себя или продавать от Академии.

Академия рекомендовала также все запретительные цензурные распоряжения держать в тайне, «чтобы публика ничего о том не ведала, и никакие противные разглашения последовать не могли как здесь, так и в чужих краях».

Следует отметить, что тема цензуры была настолько важна для Академии наук, что ей посвятили пункты 5 и 6 в Наказе Академии, данном депутату в комиссию для составления нового Уложения профессору Ф. Миллеру⁵⁰. Пункт 5 академического Наказа рекомендовал не разрешать перепечатывать сочинения без предварительного уведомления в «Ведомостях» и требовал запретить сочинителям приносить для печати свое произведение в несколько мест, «имеющих право тиснения, чтобы не нанести ущерба издателям». В пункте 6 говорится о «рассматривании книг» в Академии, чтобы решить, «какие книги выпускать, а какие удерживать». Наказ Академии также содержит краткие примеры и сравнение правил французской и английской цензуры. Французская практика, когда особые люди «дозволяют или не дозволяют полностью печатать», 9 одобрительно комментируется. Английская практика, когда «всякий свободно печатает и никто не отвечает»⁵¹, осуждается. Академики предложили ввести ответственность «каждого места за те книги, которые там печатают». Прежде всего такой порядок должен относиться к Академии и университетам. «Когда же будут заведены вольные типографии,

то Московский университет и петербургская Академия наук могут взять на себя разрешение или запрещение печатать книги в этих городах». То же и в других местах, где «заведутся вольные тиснения».

Можно отметить, что в Наказе Академии заметно стремление взять на себя цензурные заботы и существенно повысить доходы академической книжной лавки. Подписали Наказ 24 августа 1767 г. В. Орлов, Л. Эйлер, Я. Штелин, Й. А. Браин, И. Фишер, Н. Попов, С. Котельников, А. Эйлер, С. Румовский, С. Гмелин, Е. Вольф, П. Паллас, А. Протасов. М. В. Ломоносов отказался подписывать Наказ, заявив, что иностранные книги входят в ведение Сената⁵². Интересно, что за несколько лет до введения «вольных типографий» в Наказе Академии звучит уверенность в их скором появлении. Это значит, что в обществе существовали определенные настроения в пользу введения вольных типографий. О вольных типографиях ранее писал В. Н. Татищев в сочинении «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ», созданном еще в 30-х гг. XVIII века. Автор говорит о времени, когда «вольные друкарни с безопасным учреждением устроятся»⁵³. Позже в письмах к советнику И. Д. Шумахеру в Академию наук в 1747 г. Татищев напомнил о своем предложении, касающемся заведения вольных типографий, и высказал дополнительные соображения о пользе такого начинания, упомянув о мерах, необходимых для контроля деятельности типографий: чтобы «от оных какого вреда не произошло, можно достаточным уставом предостеречь, как я вам оные предосторожности прежде послал, но как оное принято, не знаю». Тогда Шумахер ничего не ответил, а спустя 20 лет в Наказе Академии упоминается о возможном появлении вольных типографий⁵⁴.

Кроме Академии наук, пункты, касающиеся цензуры, включили в свои указы Синод и полиция⁵⁵. В Наказе Синода в части дополнений епископ Переяславский Сильвестр указал на необходимость нового подтверждения законов о запрещении перепечатки духовных книг без разрешения Духовной коллегии⁵⁶. Полиция, со своей стороны, составила следующий пункт 38 в Наказе своему депутату: «Если б кто какие письменные сочинения дерзнул изъяснять против закона Божия, тех находя, полиция имела бы право отсылать в духовное высшее правительство для наказания»⁵⁷. Полиция была готова контролировать и светскую печать⁵⁸. В пункте 40 Наказа полиции указано, что «полиция пасквиелей да не терпит и никаких сочинений и книг, делающих соблазн нравам и жизни человеческой; если усмотрит, отбирает оные под штрафом, кто не объявит, и истребляет с доклада высочайшей власти, а сочинитель, по обстоятельству и мере, да не останется без наказания»⁵⁹. Здесь четко указаны мотивы и меры наказания: конфискация, штраф владеющему крамольной книгой, донесение «высочайшей

власти», «истребление» книги и наказание самого сочинителя, возможность «усмотреть» (найти) опасную книгу. Все это указывает на карательный характер полицейского проекта.

Рассмотрев несколько цензурных дел, три фрагмента Наказов в части, касающейся контроля над печатью, можно сказать, что активно высказались по интересующему вопросу все участники цензурного процесса: Академия наук, полиция, Синод. Синод утверждает конечный контроль издания духовных книг, полиция планирует учредить безграничный контроль книгопродавцев, издателей и читателей, Академия наук стремится монополизировать рассмотрение и запрещение сочинений отечественных и иностранных авторов, то есть уже в 1767 г. были подготовлены условия для введения цензуры на более четких и жестких условиях, чем было ранее. В итоге в 1771 г. при появлении вольных типографий в процесс цензурного надзора включили Академию наук, полицмейстерскую канцелярию, Синод, Московский университет. По указу, известия о работе первой вольной типографии также следовало «для сведения» отправлять в Военную, Адмиралтейскую, Иностранных дел коллегии, Московский университет, Главную над таможенными сборами канцелярию, Сухопутный кадетский корпус и в канцелярию Главной Артиллерии и Фортификации⁶⁰. Таким образом, можно утверждать, что в начале 60-х гг. XVIII в. российская модель цензуры значительно изменяется. В период с 1762 по 1771 г. постепенно складывается перечень запретных для печати тем, у читателей и авторов формируется отношение к изъятию «опасных» произведений как к вынужденной и благотворной для общества мере, принятой во всех странах. Запретительные указы, составленные и одобренные влиятельными царедворцами, выходят от имени императрицы. В Уложенную комиссию направлены Наказы с предложениями усилить полномочия цензуры, внести необходимые дополнения. Следовательно, в начальный период правления Екатерины II власть старается укрепить в общественном сознании убеждение о необходимости существования цензуры, одновременно совершенствуя систему контроля печати.

Примечания

- 1 Екатерина II. Наказ Ее императорского Величества Екатерины Второй, данный Комиссии о сочинении нового Уложения. СПб., 1770. П. 515. С. 334.
- 2 Шугуров М. Ф. Дидро и его отношение к Екатерине II // Оснадцатый век. Исторический сборник П. И. Бартечева : в 4 кн. М., 1868. Кн. 1. С. 289.
- 3 См.: Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 67.
- 4 См.: Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 114.

- 5 См.: *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. Л., 1989. С. 8.
- 6 См.: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
- 7 См.: *Вяземский П. А.* Мемуарные записки // *Державный сфинкс*. М., 1999. С. 390.
- 8 См.: *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII века. Частные книжные собрания. С. 15.
- 9 См.: *Пекарский П. П.* История императорской Академии наук в Петербурге : в 2 т. СПб., 1870. Т. 1. С. 532.
- 10 См.: *Иконников В. С.* Значение царствования Екатерины II. Киев, 1897. С. 54.
- 11 См.: *Дашкова Е. П.* Записки. Лондон, 1859. С. 6.
- 12 См.: *Вяземский П. А.* Мемуарные записки. С. 390–391.
- 13 См.: *Пытин А. Н.* История русской литературы : в 4 т. СПб., 1889. Т. 4. С. 60.
- 14 *Ключевский В. О.* Соч. : в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 80.
- 15 См.: *Шмидт С. О.* Общественное самосознание российского благородного сословия. С. 102–103.
- 16 См.: *Соловьев С. М.* Об истории новой России. М., 1993 ; *Пытин А. Н.* История русской литературы. Т. 4 ; *Брикнер А. Г.* История Екатерины Второй. М., 2007 ; *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862 ; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892 ; *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации ; *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005 ; *Век Просвещения*. М., 2006. Вып. 2 : Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения : в 2 кн. М., 2008. Кн. 1 ; *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII века.
- 17 См.: *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху // *Русский библиофил*. 1913. № 1 ; *Шамрай Д. Д.* К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. М.; Л., 1958. Вып. 3 ; *Западов В. А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60–90-х годов XVIII века // *Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. Т. 414. Л., 1971 ; *Болебрух А. Г.* Передовая общественно-политическая мысль второй половины XVIII века и царизм. Днепропетровск, 1979 ; *Самарин А. Ю.* Развитие книгопечатания и цензура в России (1750-е – начало 1780-х годов) // *Век Просвещения*. М., 2008. Вып. 2, кн. 1.
- 18 См.: *Green J.* The Encyclopedia of Censorship. N. Y., 2005 ; *Мардариаза И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002 ; *Dixon S.* Catherine the Great. Profile Books, 2010 ; *Caso F.* Censorship. Infobase Publishing, 2008. P. 88–89 ; *Brasch W. M.* The press and the state : sociohistorical and contemporary studies. University Press of America, 1986. P. 486.
- 19 См.: *Lacroix F.* Mysteries of Russia. Coolidge & Wiley, 1848. P. 28.
- 20 См.: *Pares B.* Russia and Reform, Constable. London, 1907. P. 260–261.
- 21 См.: *Olavsson M.* Catherine the Great and Gustav III. Stockholm Nationalmuseum, 1999. P. 119, 263, 267.
- 22 См.: *Reill P. H.* Encyclopedia of the enlightenment. N. Y. : Facts On File, Inc, 2004. P. 96–97.
- 23 См.: *Dukes P.* Catherine The Great and the Russian Nobility. (N. Y. ; Cambridge University Press, 1967). P. 86, 87, 187.
- 24 См.: *O'Malley L. D.* The dramatic works of Catherine the Great : theatre and politics in eighteenth century Russia. Ashgate Publishing, Ltd., 2006. P. 3, 73, 87, 201.
- 25 См.: *Ruud Ch. A.* Fighting Words : Imperial Censorship and the Russian Press. Toronto ; Buffalo. 2009. P. 19–22.
- 26 См.: *Green J.* The Encyclopedia of Censorship. P. 480.
- 27 Россия и Запад : горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. М., 2008 ; Екатерина II. Искусство управлять. М., 2008 ; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. СПб., 1862 ; Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980 ; *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни ; *Вяземский П. А.* Мемуарные записки.
- 28 См.: *Фафурин Г. А.* К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II : деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге. СПб., 2010. С. 12.
- 29 См.: *Пытин А. Н.* История русской литературы Т. 4. С. 12.
- 30 См.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.
- 31 См.: *Иконников В. С.* Значение царствования Екатерины II. С. 68.
- 32 *Пытин А. Н.* История русской литературы Т. 4. С. 18.
- 33 См.: *Левит М.* Пасквиль, полемика, критика // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 66.
- 34 См.: *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения.
- 35 См.: *Шамрай Д. Д.* К истории цензурного режима Екатерины II. С. 187.
- 36 См.: *Нотович О.* Исторический очерк нашего законодательства о печати. СПб., 1873. С. 36.
- 37 ПСЗ. Т. 16. СПб., 1830. № 11843.
- 38 Там же. № 12089.
- 39 Там же. № 12090.
- 40 См.: Донесение графа Салтыкова о пасквилях на высшее московское общество // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 302, 303.
- 41 Так Салтыков называет предполагаемых авторов пасквиля.
- 42 Сб. РИО. Т. 7. С. 392–393.
- 43 См.: Донесение графа Салтыкова о пасквилях на высшее московское общество. С. 302, 303.
- 44 ПСЗ. Т. 17. СПб., 1830. № 12313.
- 45 *Порошин С. А.* Записки. СПб., 1844. С. 145.
- 46 См.: *Шамрай Д. Д.* Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетского кадетского корпуса // XVIII век. СПб., 1940. Сб. 2. С. 303.
- 47 Собственноручное повеление Екатерины II о мерах против распространения в России иностранных сочинений, направленных против религии, нравственности и самой государыни // Сб. РИО. Т. 7. С. 318. Черновой вариант этого повеления написан И. П. Елагиним.
- 48 Там же.
- 49 См.: *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. С. 54–56.

- ⁵⁰ См.: Наказ Академии своему депутату в комиссию для составления нового Уложения профессору Ф. Миллеру // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 43. С. 371–373.
- ⁵¹ В Англии в случае запрещения статьи издатели отвечали в суде наряду с авторами. См.: *Лабутина Т. Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения.
- ⁵² См.: *Семенников В. П.* К истории цензуры в Екатерининскую эпоху. С. 56.
- ⁵³ *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. М., 1887.
- ⁵⁴ См.: *Андреев А. И.* Переписка В. Н. Татищева за 1746 – 1750 гг. // Исторический архив. М., 1951. Т. 4. С. 274–276. Издание печатается в настоящее время.
- ⁵⁵ См.: *Ruud Ch. A.* Fighting Words : Imperial Censorship and the Russian Press. P. 19.
- ⁵⁶ См.: Избранному Святейшим Правительствующим Синодом Депутату в Наказ пункты. Приложения о подтверждении законов от епископа Переяславского Сильвестра // Сб. РИО. Т. 43. С. 429.
- ⁵⁷ Выбранному от главной полиции депутату Наказ для предоставления в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения // Сб. РИО. Т. 43. С. 302.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 19. № 13572 от 1 марта 1771 г.

УДК [37(47)(09):303.446.4(47)]18/19]+929 Александр II

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА II: ОЦЕНКИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А. Н. Поздняков

Саратовский государственный университет
E-mail: alnikpoz@mail.ru

Образовательная реформа являлась органической составной частью комплекса мер по реформированию социально-экономической и политической жизни России в период царствования Александра II. Уже в конце XIX – начале XX в. реформа образования стала предметом научных исследований. Они ценны тем, что фактически заложили основы историографии отечественного образования. В статье дается обзор этих исследований, делаются выводы о сложившихся в научной среде конца XIX – начала XX в. оценках реформирования отечественной системы просвещения.

Ключевые слова: историческое исследование, система образования России, реформа.

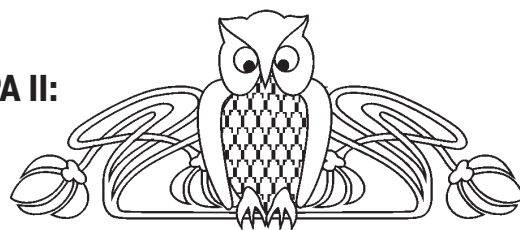
The Education Reform of Alexander II: Evaluative Judgments in Historical Writings of the Late XIX – Early XX Centuries

A. N. Pozdnyakov

The education reform was an integral part of a set of measures to reform socio-economic and political life in Russia during the reign of Alexander II. The education reform became the subject of scientific research as early as the late XIX – early XX century. The value of these studies lies in the fact that they laid the basis for the historiography of education in Russia. The article provides an overview of these studies and summarizes the attitudes towards the reform of the system of education in Russia which prevailed in the scientific community of the late XIX – early XX century.

Key words: historical research, Russian education system, reform.

В 2011 г. исполнилось 150 лет Великим реформам императора Александра II, начало которым было положено отменой в 1861 г. крепостного права. Этот важнейший государственный акт сопровождался комплексом мер по

реформированию многих сфер жизни общества и государства. В числе актуальных оказались и проблемы, связанные с развитием образования. На их решение были направлены значительные усилия государства и общества.

Реформаторская деятельность Александра II с самого начала привлекала к себе внимание российских историков. Во второй половине XIX – начале XX в. появилось немало исследований, посвященных данной проблематике. Они были разными по характеру и объему, широте охватываемых проблем, глубине анализа исторического материала и представленных выводов. По-разному оценивались в них и реформационные процессы в сфере образования.

Анализ взглядов этих исследователей, с нашей точки зрения, представляет значительный научный интерес. Авторами опубликованных в конце XIX – начале XX в. работ были если не участники преобразований, то те, кто использовал данные, полученные от непосредственных участников реформационных изменений. В качестве источника их исследований выступали материалы, часть из которых была впоследствии безвозвратно утеряна. Таким образом, данная категория исследований сама стала важным историческим источником. Она существенно обогащает систему научных знаний о реформировании отечественного образования в середине XIX в., позволяет составить объективную картину исторического процесса.

Анализ опубликованных работ касается в основном проблем, имевших отношение к реформированию начальной и средней школы. Преобразования здесь носили радикальный характер и заложили основы школьной системы, просуществовавшей с некоторыми изменениями вплоть до 1917 года.

В числе первых изданий, в которых были предприняты попытки обзора реформационных мероприятий, обобщения опыта их реализации и анализа результатов, можно назвать работы, вышедшие в связи с двадцатипятилетием нахождения на престоле императора Александра II. Среди них работа П. П. Гадзяцкого «Двадцатипятилетие царствования государя императора Александра II», вышедшая в 1881 году. Ее автор не относил себя к профессиональным историкам. На титульном листе опубликованной работы он был обозначен как «преподаватель Пятой С-Петербургской гимназии, Шестой прогимназии и Коломенской женской гимназии». Неслучайно свою работу П. П. Гадзяцкий определил как «извлечение из записок по истории», составленных частью по различным официальным документам, частью – по корреспонденциям и статьям, появлявшимся в периодических изданиях, главным же образом по отдельным монографиям. В работе наряду с другими вопросами большое внимание уделялось осуществлявшимся в тот период реформам. При этом автор давал весьма высокую, даже, как нам кажется, преувеличенную оценку их социальной значимости.

Фактически идеализируя реформационную деятельность Александра II, П. П. Гадзяцкий, тем не менее, не мог не отметить ее противоречивости и незавершенности. Однако причины этого он видел исключительно в самом народе, его внутреннем противодействии «благим намерениям». «Преобразователь, – писал он, – встретил важные препятствия в самом обществе: в эгоизме некоторой части его, в его косности, в слабом развитии в нем гражданского и общественного духа и солидарности, в безграмотности значительной части его <...> наконец, в прямой недобросовестности отдельных личностей и в ярой, ожесточенной оппозиции Его реформам со стороны невидимых подпольных врагов»¹.

Характеризуя реформы, П. Гадзяцкий на первое место, безусловно, поставил отмену крепостного права. Достаточно подробно им были также охарактеризованы земская и судебная реформы, введение всеобщей воинской повинности. А вот изменениям в сфере школьного образования автор уделил всего несколько строк. Им написано буквально следующее: «<...> издано Положение о начальных народных училищах и гимназический устав (1864 и 1871 г.), причем средние учебные заведения подразделены на классические, в которых с чрезвычайной последовательностью и твердостью проведена классическая система воспитания, и реальные, готовящие в Технологический институт и другие высшие учебные заведения; увеличено содержание учителям; дано широкое развитие женскому образованию учреждением женских гимназий, педагогических курсов и высших курсов в Петербурге, Москве, Киеве, Казани и Одессе»². Такая поверхностная характеристика изменений в сфере образования свидетельствует,

с нашей точки зрения, о недостаточно высокой оценке автором значения просвещения для успешного осуществления всего комплекса реформ, да и для развития страны в целом.

По-иному раскрывались содержание и значение образовательной реформы в подготовленном также к двадцатипятилетию царствования Александра II историческом очерке А. Ф. Вертеловского «Реформы императора Александра II». Уже в самом начале очерка, говоря о наиболее острых проблемах, раздиравших Россию, автор называл среди них проблемы образования. «Двадцатимиллионное население России, служащее основой государства, – писал А. Ф. Вертеловский, – было загнано и забито вследствие многовековой рабской зависимости от помещиков. Производительные силы России были слабы, финансы скудны. В суде и администрации допускались нередко злоупотребления. Образование, служащее естественным условием процветания государства, в России было распространено поверхностно...»³.

Автор стремился обосновать не просто важность, но и объективную обусловленность реформирования образования, его важную роль в обеспечении успеха общего дела социально-экономического и политического развития России. Развивая эту мысль, он писал: «Предпринимая великие реформы, направленные к пересозданию государственного и общественного быта, современное правительство не могло не обратить внимания на усиление и расширение образования, как на одно из важнейших средств, при помощи которого только и можно было ожидать прочного осуществления реформ <...>. Можно ли было ожидать, что предпринятые реформы будут сопровождаться вполне успешными и благотворными результатами без основной – усиления народного образования? Что такое свобода, предоставленная крестьянам, без образования? Что такое самоуправление, дарованное обществу, при поголовной безграмотности?»⁴.

Важнейшей особенностью проводимой образовательной реформы А. Ф. Вертеловский справедливо считал широкое привлечение к ее осуществлению общественности. «В истории народного образования, – писал он, – с этого времени происходит необыкновенно важный прогресс: правительство вступило на путь свободы и поощрения в деле народного образования, отрешившись от тех ограничительных мер и формальностей, которые препятствовали обществу принимать открытое участие в этом деле»⁵. И это, по мысли автора, было естественным, поскольку, как отмечал он, современные условия жизни, требующие грамотности от всех сословий, не исключая и крестьян, сформировали в обществе взгляд на образование, без которого немислимо «благосостояние частное и общественное», не как на роскошь, а как на действительную потребность.

А. Ф. Вертеловский назвал мероприятия в сфере народного образования «коренной реформой», подчеркивая, что до сих пор существовало убеждение, что образование не только излишне для низшего сословия, но даже вредно. В силу этого, по утверждению автора, просвещение ограничивалось только верхними свободными сословиями, в очень небольшой степени существовало для низшего городского населения и вовсе не существовало для крестьян. Говоря же о приоритетах новой государственной образовательной политики, он их видел в особом внимании к просвещению именно низших слоев общества. Красноречива в этом отношении его фраза: «Современное правительство в своих стремлениях к возвышению в России образования не ограничивалось только заботами о возможно большем распространении элементарного образования в среде низших классов, оно также предпринимало важные меры к усилению образования в высших и средних учебных заведениях»⁶. Таким образом, как считал А. Ф. Вертеловский, предпринятые правительством шаги обеспечили «значительное движение вперед», способствуя «возвышению образования».

Работы, представлявшие собой общий обзор периода царствования Александра II, появлялись и в более поздний период. Одна из них принадлежала А. А. Шумахеру. Писатель, он получил высшее образование в Петербургском университете и Военно-юридической академии. Являлся директором петербургской конторы Государственного банка. Среди его основных трудов «Уголовная теория Ансельма Фейербаха» (1877 г.), «Об освобождении крестьян» (1878 г.). Книга по истории жизни и царствования Александра II выдержала три издания, каждое из которых выходило под своим названием. В 1903 г. вышло третье издание под заголовком «Император Александр II. Исторический очерк его жизни и царствования».

Значительную часть работы занял обзор реформаторской деятельности Александра II, в том числе и реформы образования. Однако, с нашей точки зрения, работа в большей степени носила характер констатации результатов «великих дел царя-освободителя», среди которых назывались «заботы о народном образовании», нежели глубокого исследования его политики.

Отмечая основные предпосылки, определившие необходимость реформирования образования, А. А. Шумахер выделял две. Первая состояла в подготовке кадров для успешного осуществления запланированных реформ, поскольку «новые порядки, установленные в России благодаря великим преобразованиям императора Александра II, вызвали особую нужду в просвещенных, образованных людях, которые нужны были прежде всего для разумного и толкового проведения в жизнь светлых идей царя-преобразователя»⁷.

Вторая предпосылка несла в себе более глубокий социальный смысл. Она состояла в не-

вежестве народа России, что, по утверждению автора, являлось «одним из главных препятствий к ее преуспеянию». «Признавая распространение в народе просвещения необходимым условием его благоденствия, – писал А. А. Шумахер, – император Александр Николаевич <...> пожелал дать своим подданным все необходимые средства к возможно широкому образованию...»⁸.

Решение указанных проблем требовало, как утверждал автор, «коренного преобразования» всех типов учебных заведений – от университетов до народных училищ. Это и легло в основу деятельности в сфере образования. А. А. Шумахер совершенно справедливо подчеркивал, что «собственно народные школы – начальные народные училища и сельские школы – можно сказать, созданы в царствование императора Александра II, так как до этого царствования начальное народное образование находилось у нас в самом печальном положении...»⁹.

Особого внимания при анализе работ, посвященных реформам Александра II, требуют фундаментальные исторические исследования, изданные в конце XIX – начале XX века. Ведущее место среди их авторов занимает С. С. Татищев. Известный публицист, дипломат и историк, он опубликовал немало известных работ, в том числе «Внешняя политика императора Николая I» (1887 г.), «Из прошлого русской дипломатии» (1890 г.), «Дипломатические беседы о внешней политике России» (1890, 1898 гг.) и др. В 1903 г. Татищевым был издан в двух томах труд «Император Александр II. Его жизнь и царствование». В 1911 г. исследование выдержало второе издание.

С. С. Татищев большое внимание уделил проблемам реформирования образования, подвергнув этот процесс глубокому детальному анализу. Как нам кажется, автор избегал ярких оценочных суждений по поводу осуществляемой образовательной политики. Он стремился занять позицию аналитика, детально описывавшего проводимую многогранную работу по развитию образования. При этом он давал четкие оценки осуществляемой деятельности.

«Распространение образования в России, – писал Татищев, – было целью непрерывных попечений императора Александра II»¹⁰. На учебное ведомство «не замедлило распространиться преобразовательное движение, охватившее все правительственные сферы». Иначе и не могло быть, поскольку, как отмечал С. С. Татищев, по самому существу своему вопрос о народном образовании выдвинулся на первый план. При этом выяснилась потребность «не частных улучшений, а общего обновления».

С. С. Татищев, говоря о складывании объективных предпосылок для развития образовательной сферы, одновременно формулировал факторы, негативно влиявшие на положительное решение вопросов развития образования. Он выделял три группы таких факторов¹¹:

1) предубеждения и нападки некоторых влиятельных государственных деятелей, «вообще несочувственно относившихся к предпринятым преобразованиям»;

2) брожение в значительной части русского общества, «задорное и враждебное направление литературы», волнения в среде учащейся молодежи;

3) «оскудение казны», недостаток денежных средств для задуманных улучшений.

Главные мероприятия, которые, по сути дела, и стали базой образовательной реформы, были осуществлены в первой половине 1860-х гг. при министре народного просвещения А. В. Головине. С. С. Татищев выделил три такого рода мероприятия, которые, по его утверждению, были направлены на «коренное преобразование» сферы просвещения.

Первое – это преобразование самого Министерства народного просвещения. В основу были положены, как отмечал С. С. Татищев, следующие начала: «<...> Усиление власти местных учреждений в губерниях, а чрез то рассредоточение управления; правильное распределение дел между разными учреждениями центрального ведомства; сокращение и упрощение делопроизводства; уменьшение личного состава служащих в связи с увеличением их окладов»¹².

Вторым важным направлением реформирования образования С. С. Татищев назвал принятие нового университетского устава, который существенным образом изменил организацию высшего образования в стране. Автор выделил основные положения нового устава. «Управление университетом вверял он, – писал Татищев, – коллегии профессоров, причем дела, касающиеся ученой деятельности, ведали: общие по университету – совет, состоявший из всех профессоров..., а частные, по каждому факультету – собрание профессоров факультета <...> Все должности были выборные, по избранию профессоров, и только утверждение в них предоставлялось министру. Совет и правление университета лишь некоторые важнейшие дела представляли на утверждение попечителя <...> Преподаватели в университете разделялись на профессоров ординарных и экстраординарных, доцентов, приват-доцентов и лекторов <...> Содержание профессоров значительно увеличено <...> В студенты университета принимались все молодые люди, с успехом закончившие курс в гимназиях или других средних учебных заведениях с гимназическим курсом <...> Студенты при приеме в университет обязывались подпискою повиноваться учебному начальству и соблюдать установленные им правила...»¹³.

Третьим направлением «коренного преобразования» сферы просвещения С. С. Татищев считал изменения в области школьного образования. Они были закреплены принятыми в 1864 г. Уставом гимназий и прогимназий и Положением о народных училищах.

Основная проблема в области среднего образования, которая вызывала серьезные общественные дискуссии, касалась вопросов его разделения на классическое и реальное. Рассмотрению сути этих разногласий и процесса их разрешения С. С. Татищев уделил большое внимание. Он отмечал, что принятый в 1864 г. Устав гимназий и прогимназий устанавливал порядок, в соответствии с которым «гимназии, как заведения, имеющие целью доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служить приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища, по различию предметов, содействующих общему образованию, и по различию целей гимназического обучения, разделялись на классические и реальные»¹⁴. Учебные планы гимназий обоих видов включали изучение Закона Божьего, русского языка с церковно-славянским, словесности, истории, географии, чистописания. Одновременно с этим в классических гимназиях большое место занимало изучение древних языков – латыни и греческого, – а также одного из «новых» языков. В реальных гимназиях серьезное внимание уделялось освоению математики, естественной истории с присоединением к ней химии, физики, космографии, немецкого и французского языков, рисования и черчения.

С назначением в 1866 г. министром народного просвещения графа Д. А. Толстого разделение среднего образования на классическое и реальное стало еще более значительным, вылившись в установление качественно разных типов учебных заведений – гимназий и реальных училищ. Приоритет был отдан классическому гимназическому образованию, сосредоточенному на изучении древних языков. С. С. Татищев писал, что эту систему граф Д. А. Толстой считал «существенно отвечающей потребностям русского просвещения и был глубоко убежден в ее плодотворности для возвышения умственного и нравственного уровня русской молодежи»¹⁵. Реальные училища как новый тип средних учебных заведений получили свое официальное оформление в 1872 г., когда императором был утвержден их устав. Эти учебные заведения имели целью давать общее образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний». Фактически они по своему статусу были ниже гимназий. Так, если гимназии давали право выпускникам свободно поступать в университеты, то выпускники реальных училищ были лишены этой возможности, а право поступления в другие «высшие специальные училища» они получали «только по поверочному испытанию».

Наиболее масштабные изменения происходили в области начального народного образования. Как отмечал С. С. Татищев, «вопрос о распространении начального образования в народе, об обучении крестьян грамоте естественно истекал из перемены, происшедшей в их быту со времени

освобождения их из крепостной зависимости»¹⁶. Стояла задача «повсеместного учреждения народных училищ по селам и деревням». В связи с этим возникал весьма важный вопрос, который не имел однозначного ответа: за счет каких средств должно было открываться и содержаться это огромное количество новых учебных заведений и кто ими должен был управлять?

Прослеживая процесс активного обсуждения путей решения этой проблемы, С. С. Татищев констатировал, что в 1864 г. было утверждено Положение о начальных народных училищах, установившее единые требования к структуре и содержанию образования в учебных заведениях данного типа, при том что их учредителями могли быть разные ведомства, в том числе духовные, а также общества и частные лица. В последующем основная часть народных училищ оказалась на содержании земских учреждений, появление которых тоже стало результатом реформаторской деятельности Александра II. Контроль «учебной части» в них осуществляли подчиненные Министерству народного просвещения губернский директор народных училищ и его помощники, получившие звание инспекторов.

Таким образом, фундаментальный труд С. С. Татищева «Император Александр II. Его жизнь и царствование» занимает важное место в историографии отечественного образования. Построенный на глубоком анализе огромного количества фактического материала, он способствует формированию детальной и одновременно с этим целостной картины реформирования российской школы.

Изучая исследования конца XIX – начала XX в., касающиеся образовательной реформы Александра II, нельзя не обратиться к научным изысканиям П. Н. Милюкова. Он был известен как видный политический деятель, один из идеологов российского либерализма начала XX в., входил в число организаторов партии кадетов, став впоследствии ее лидером. В ходе Февральской революции 1917 г. П. Н. Милюков был избран членом Временного комитета Государственной думы, являлся министром иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции уехал на юг, участвовал в антибольшевистском движении. С 1920 г. находился в эмиграции, являясь одним из ее влиятельнейших деятелей.

В канун Второй мировой войны, несмотря на свое негативное отношение к советской власти, П. Н. Милюков утверждал, что в случае войны эмиграция должна быть безоговорочно на стороне своей родины. Весьма интересны его заявления, сделанные в конце жизни, когда он признал, что за разрушительной стороной русской революции нельзя не видеть ее творческих достижений в укреплении государственности, экономики, армии, управления.

Активная политическая деятельность – вот что характеризовало П. Н. Милюкова не одно

десятилетие. При этом он оставался крупным российским историком, среди его основных трудов изданные в трех томах «Очерки по истории русской культуры». Идея «Очерков» возникла у Милюкова на рубеже 1880–1890-х гг. под влиянием просветительского движения, охватившего в тот период российскую интеллигенцию. Павлу Николаевичу было предложено прочитать на Педагогических курсах в Москве лекции по истории русской культуры. Он с удовольствием принял это предложение, поскольку давно хотел разработать по-новому общеобразовательный курс лекций по истории. «Не события, – писал он, – отнюдь не события! И не хронологический пересказ всего, что случилось в данном отрезке времени – с тем, чтобы опять возвращаться ко всему в следующем отрезке. А процессы в каждой отдельной области жизни, в их последовательном развитии, сохраняющем и объясняющем их внутреннюю связь, – их внутреннюю тенденцию. Только такая история могла претендовать на приближение к социологическому объяснению»¹⁷. В этом была принципиальная позиция П. Н. Милюкова как ученого: уйти от «повествовательности» в изложении истории, перейти к ее объяснению, раскрытию внутреннего смысла происходившего.

Значительная часть «Очерков по истории русской культуры» была посвящена отечественной школе и просвещению. Проследив развитие образования начиная с древности, Милюков выделил XIX в. как наиболее значимый период в истории российского просвещения. Он видел тесную связь между развитием школы и настроениями власти и общества, подчеркивая, что «совершенно невозможно говорить об одном, не касаясь другого»¹⁸.

Следуя этому своему выводу, П. Н. Милюков и рассматривал основные направления реформирования образования в период царствования Александра II. Он подчеркивал: «То, что сделали шестидесятые годы, не может идти ни в какое сравнение с тем, что было сделано раньше»¹⁹. Особенность реформирования народного образования виделась ему в активном участии общественности. «С самого начала царствования имп. Александра II вопрос о начальной школе был поставлен в законодательстве одновременно с вопросом о средней и высшей. Но еще прежде, чем закон успел что-либо сделать для народного образования, оно сильно двинуто было вперед общественным одушевлением, передавшимся тотчас же и самим правящим сферам»²⁰.

При подготовке реформы выдвигались различные проекты ее осуществления. Объединяло их, по мнению П. Н. Милюкова, господствовавшее утверждение о том, что «дело народного образования есть дело самого народа и что, следовательно, об учреждении и содержании народных училищ должны заботиться городские и сельские общества»²¹.

П. Н. Милюков констатировал объективную обусловленность перехода нарождавшихся на-

родных училищ под финансовую опеку вновь создаваемого органа самоуправления – земства. Отмечая участие различных ведомств в развитии народного образования, он подчеркивал, что «только на земство забота о начальных школах была возложена *законом* и так как расходовать на содержание школ никто не был *обязан*, даже и земство, то естественно было ожидать, что, во-первых, все другие ведомства сложат все попечение о народной школе именно на земство; а, во-вторых, дальнейший ход дела будет зависеть исключительно от того, как само земство посмотрит на дело народного образования»²².

Отношение земства к участию в развитии народного образования было неоднозначным. «Но момент нерешительности, – писал П. Н. Милюков, – скоро прошел; земство разобралось в доставшихся ему от прошлого школах и установило свою собственную точку зрения в школьном вопросе»²³. Постепенно расширяя свое участие в поддержке и развитии народного образования, земство вышло «в ряду источников, из которых черпает свои средства начальная школа», на первое место. В подтверждение этого П. Н. Милюков приводил данные, свидетельствующие о том, что 69% общего объема финансирования сельских школ составляли средства земства, 29% – сельских обществ и лишь 2% – из других источников, в том числе государственных²⁴.

Влияние реформационных процессов на образование хорошо показал в своих исследованиях видный русский ученый и педагог П. Ф. Каптерев. После окончания Московской духовной академии он преподавал психологию и педагогику в средних и высших учебных заведениях Петербурга, активно участвовал в работе Петербургского комитета грамотности и различных педагогических обществ. П. Ф. Каптерев – автор работ по теории и истории педагогики, наиболее значимой среди которых является «История русской педагогики».

В своих работах П. Ф. Каптерев одним из первых дал систематическое изложение развития российской педагогики, разработал свою периодизацию, связывая историю педагогики с историей страны. Понимая педагогику как область знания, тесно связанную с общественными интересами, он писал: «Новая русская педагогика начинается с тем великим возрождающим, обновительным движением, которое привело к освобождению крестьян от крепостной зависимости и к другим реформам. <...> В то время, когда, казалось, для всей русской жизни отыскивались новые устои и начала, могло ли воспитание оставаться в прежнем виде, неизменным? Очевидно, что это было невозможно»²⁵.

Убедительно связывая необходимость развития народного образования с отменой крепостного права, П. Ф. Каптерев подчеркивал, что существенно повышалась потребность в образовании со стороны не только крестьян, но и помещиков. Это было вызвано тем, что исчезали «даровые хле-

ба» и дворянам нужно было самим зарабатывать средства существования, а для этого необходимо было образование. В результате с освобождением крестьян, отмечал он, чрезвычайно усилился запрос на всякого рода школы: элементарные, средние, высшие, общие, профессиональные, мужские, женские. Можно сказать, что Россия впервые за все свое существование ощутила сильный образовательный голод.

Общую характеристику системы начального народного образования, типов учебных заведений, их ведомственной принадлежности давал известный ученый, педагог и общественный деятель Н. В. Чехов. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета он преподавал в школах Тульской и Московской губерний, Екатеринославской железной дороги, Твери, Петербурга и Москвы, был активным деятелем земской школы, организатором ряда учительских общественных курсов и съездов, одним из руководителей Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию.

В 1912 г. вышла его книга «Народное образование в России с 60-х годов XIX века»²⁶. Она стала не просто крупным исследованием истории развития отечественного образования, в ней едва ли не впервые был дан развернутый анализ соотношения роли государства и общества в строительстве российской системы народного образования, прослежены этапы развития этих процессов. Однако нельзя было не заметить определенной предвзятости автора, который, будучи активным земским деятелем, широко освещал роль общественности в развитии российского образования и при этом весьма скромно говорил о вкладе государства в это важное дело.

Деятельность земства, ее результаты, в том числе в сфере образования, являлись предметом целого ряда других исследований, опубликованных в начале XX века. Среди них четырехтомник Б. Б. Веселовского «История земства за сорок лет»²⁷, исследование В. И. Чарнолуцкого «Земство и народное образование»²⁸, книга Е. А. Звягинцева «Полвека земской деятельности по народному образованию»²⁹. Эти издания позволяют увидеть широкую картину состояния системы народного образования, сильные и слабые стороны общественного участия в деле ее развития.

Предпринимаемые государством при активной поддержке общественности меры по развитию системы образования, расширению сети народных училищ давали свои положительные результаты. О них можно судить, в частности, по материалам статистических обзоров, подготовленных и опубликованных в конце XIX – начале XX века. Одним из важнейших является выпущенный под редакцией Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолуцкого в 1900–1905 гг. в 4 томах статистический обзор «Начальное народное образование в России»³⁰.

Г. А. Фальборк и В. И. Чарнолуцкий – активные деятели общественно-педагогического

движения. В конце XIX в. они трудились в Санкт-Петербургском комитете грамотности, один – товарищем председателя, второй – секретарем. Они практически всегда шли вместе и в литературной, и общественной деятельности. Указанное выше их совместное издание называли «первым подробным исследованием народного образования во всей России».

Особую важность ему придает то, что в России на тот период не существовало единого учреждения, в котором бы собирались и обобщались данные обо всех типах народных школ. Указанное издание являлось, по сути дела, первым надежным источником, обобщавшим статистические данные о развитии системы начального образования в стране. Авторы сборника использовали данные Министерства народного просвещения, Училищного совета Святейшего синода и подведомственных ему епархиальных училищных советов, данные уездных земских управ, городских управ и др.

Подводя итоги обзора исторических исследований, опубликованных в конце XIX – начале XX в., можно сделать вывод о том, что их авторы сходились во мнении о глубоких положительных изменениях, к которым привела начатая в период царствования Александра II образовательная реформа. Многие акцентировали внимание на объективной обусловленности реформы, вызванной прежде всего теми социальными последствиями, к которым привела отмена крепостного права. Авторы исследований показали неоднозначность отношения к вопросам образования, сложившегося как в государственном аппарате, так и в обществе. Все это неизбежно накладывало свой отпечаток на характер и последствия тех мероприятий, которые осуществлялись в сфере просвещения.

Примечания

¹ Гадзяцкий П. Двадцатипятилетие царствования государя императора Александра II. СПб., 1881. С. 104–105.

- ² Там же. С. 136–137.
- ³ Вертеловский А. Реформы императора Александра II. Исторический очерк. Харьков, 1880. С. 4.
- ⁴ Там же. С. 33–34.
- ⁵ Там же. С. 35.
- ⁶ Там же. С. 36.
- ⁷ Шумахер А. Император Александр II. Исторический очерк его жизни и царствования. СПб., 1903. С. 135.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 137.
- ¹⁰ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование : в 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 234.
- ¹¹ Там же. С. 238.
- ¹² Там же. С. 246.
- ¹³ Там же. С. 247–248.
- ¹⁴ Там же. С. 250.
- ¹⁵ Там же. С. 275.
- ¹⁶ Там же. С. 251.
- ¹⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 119.
- ¹⁸ Миллюков П. Очерки по истории русской культуры : в 3 ч. СПб., 1897. Ч. 2. С. 303–304.
- ¹⁹ Там же. С. 343.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 344–345.
- ²² Там же. С. 347–348.
- ²³ Там же. С. 348.
- ²⁴ Там же. С. 349.
- ²⁵ Кантерев П. Ф. История русской педагогики. 2-е изд. Пг., 1915. С. 377.
- ²⁶ См.: Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912.
- ²⁷ См.: Веселовский. Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909.
- ²⁸ См.: Чарнолуцкий В. Земство и народное образование : в 2 ч. СПб., 1910.
- ²⁹ См.: Звягинцев Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1917.
- ³⁰ См.: Начальное народное образование в России / под ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого : в 4 т. СПб., 1900–1905.

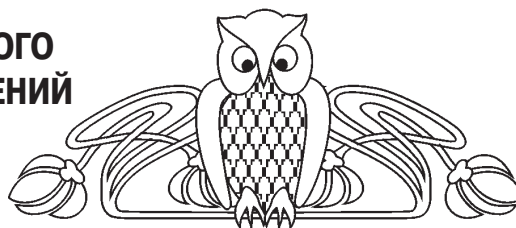
УДК 94(47). 083 + 929 Замысловский

«САРАТОВСКОЕ ДЕЛО» Г. Г. ЗАМЫСЛОВСКОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА. ПРАВО И НРАВЫ

В. В. Хасин

Саратовский государственный университет
E-mail: hasin1@rambler.ru

Статья посвящена интерпретации материалов «Саратовского дела» в работах известного деятеля русского правового движения Г. Г. Замысловского. В ней рассмотрена роль «Саратовского дела» в пропаганде ряда положений правых по национальному и ряду дру-

гих вопросов. Особое внимание обращено на ритуальные аспекты в контексте дела Бейлиса, дискуссии по этому вопросу, причины фальсификации фактов Замысловским. Исследован механизм инкорпорирования ритуальной мифологемы в официальное право.
Ключевые слова: Г. Г. Замысловский, Союз русского народа, «Саратовское дело», «дело Бейлиса», ритуальный процесс, национальный вопрос.

«Saratov Case» of G. G. Zamyslovsky through the Prism of Social Relations of the Beginning of the XX Century. Law and Morals

V. V. Hasin

The paper is devoted to interpretation of «Saratov case» in the works of the famous figure of Russian right-wing movement G. G. Zamyslovsky. It examines the role of «Saratov case» in the propaganda of several provisions of the Right monarchists on the national and other issues. Particular attention is drawn to the ritual aspects of the Beilis case, the debate on this issue, the reasons for falsification of facts by the author. It also investigates the mechanism of inclusion of «ritual» mythology into the formal legislation.

Key words: G. G. Zamyslovsky, Union of Russian People, «Saratov case», «Beilis case», ritual process, national question.

Георгий Замысловский был, наверное, одной из самых значительных фигур среди правых монархистов в III и IV Государственной думе. До этого Георгий Георгиевич был обвинителем практически на всех политических процессах против левых радикалов в Виленской, Киевской, Могилевской и Гродненской губерниях. Несмотря на обилие его работ, воспоминаний о нем, крайне сложно сказать, как сформировались его взгляды крайнего националиста, черносотенца и антисемита. Все три определения даны не в уничижительной форме, а как его личное определение своих воззрений. Еще сложнее ответить на вопрос о степени искренности его политических убеждений. Соратники и противники Замысловского сходятся во мнении, что он обладал незаурядным умом, был рационалистичен, даже, скорее, прагматичен, являлся высокопрофессиональным практическим юристом. Георгий Георгиевич был и посредником в отношениях правых и правительства, а также координировал взаимоотношения с правой фракцией Государственного совета. Публичную известность Замысловский получил за свои «исследования» ритуальных убийств, изданные большими тиражами, а также за участие в «деле Бейлиса»¹. За публикацию серии работ об употреблении евреями христианской крови Департамент полиции заплатил ему 75 000 рублей, что стало известно после февраля 1917 года². Его политические и судебные оппоненты были достаточно резки в оценках. Так, Л. Д. Троцкий писал о нем: «Замысловский в настоящее время – самая циничная фигура на русской политической арене. Когда мы это говорим, мы не забываем ни Пуришкевича, ни Маркова. Правда, Замысловский никогда не вызывал в Думе своими речами взрывов негодования, никогда не сосредоточивал на себе такой физической ненависти, как это удавалось нередко Пуришкевичу или Маркову. Но это никак не потому, чтобы в моральном смысле он был выше их. Наоборот, он ниже их уже по одному тому, что его цинизм не смягчен запальчивостью и раздражением»³. Оппонент Замысловского по процессу Бейлиса О. Грузенберг, отличавшийся достаточно

объективными и мягкими высказываниями, дал Георгию Георгиевичу следующую характеристику: «Г. Г. Замысловский – человек крупных способностей, но исключительной душевной низости»⁴. Очевидно, что в беспокойное предвоенное и предреволюционное время политические оппоненты были, вполне вероятно, чрезмерно эмоциональны в оценках друг друга. Большой необходимости в сложном психологическом анализе душевных порывов Замысловского нет, это можно оставить жанру исторической публицистики. Нам важно, что практически все сходятся в том, что это был человек интеллектуальный, профессиональный, прагматичный, немного циничный, талантливый организатор. Душевные порывы были ему чужды, и в своих действиях он руководствовался тонким расчетом, что в целом для политика неплохо. Написанные им сочинения – это не эмоциональный полуграмотный бред человека, движимого животным чувством антисемитизма, как полагал ряд современников и исследователей. Антисемитизм и «ритуальность» в них – не более чем понятное орудие для достижения иных, не менее важных личных и политических целей.

Работы Г. Г. Замысловского, посвященные известному «Саратовскому делу» об убийстве двух христианских мальчиков, достаточно хорошо известны не только специалистам, но и всем увлекающимся этноконфессиональной историей начала XX века. Нет никакого смысла опровергать или подтверждать написанное в них, сделано это было десятки раз⁵. Труд, без сомнения, изобилует неточными компиляциями, вырванными цитатами, очевидными неточностями. С полной уверенностью можно сказать, что автор делал их намеренно, прекрасно осознавая, что далек от объективности и попытки пролить свет на события, происходившие в далеком губернском городе более чем за полвека до публикации его исследования. Именно поэтому важно не что написал Замысловский, а почему он это делал. Сопоставляя личность автора и те грубые ошибки, которые он допустил, очевидно, намеренно, можно прийти к единственному выводу, что работа никакого отношения к исследованию проблем «Саратовского дела» не имела. Через призму общей сюжетной канвы событий, произошедших в Саратове, проявляется сгусток современных автору противоречий. Фактический материал так грамотно подобран, так скомпонован и сфальсифицирован, что представляет собой широкий набор «посланий» различным социальным, политическим, духовным и культурным группам. Прямо и опосредованно в работе идет речь о другом, более громком и известном «деле Бейлиса». Сам Г. Г. Замысловский был активным участником процесса и даже выступал вместе с другим правым деятелем, Шмаковым, как представитель интересов потерпевшей стороны – матери погибшего Андрея Ющинского⁶. Однако и само «дело Бейлиса» ни в коем случае не было посвящено раскрытию чудовищного убийства

Андрея Ющинского, а было лишь инструментом сложной политической игры.

Процесс над Менахемом Менделем Тевьевом Бейлисом стал во многом лакмусовой бумажкой состояния российского общества начала XX века. Вопрос был не в Бейлисе, чья непричастность к делу была очевидна как для сторонников, так и для противников обвинения, а в глубоких и сложно разрешимых проблемах русского общества. И анализ такого важного нарратива как книга Замысловского дает возможность оценить ряд проблем, более или менее в них отраженных.

«Дело Бейлиса», участие в нем Замысловского и написание трактатов о «Саратовском деле» пришлось на очень беспокойное время в общественно-политической жизни империи – период 1911–1914 годов. В наибольшей степени процесс раскола и отсутствие какого-то общего вектора коснулись как раз монархических, националистических и даже черносотенных организаций. «Дело Бейлиса» это наглядно продемонстрировало. Никакого единого правомонархического поддерживаемого правительством фронта не получилось. Само черносотенное движение переживало кризис в 1911 году. Длительные прохладные отношения между основателем Союза русского народа Дубровиным и его ближайшими соратниками, в частности Марковым и Пуришкевичем, вылились в окончательный организационный раскол движения в 1912 году⁷.

Серьезным соперником на правом фланге политической борьбы был для правых монархистов Всероссийский национальный союз (ВНС). Основным противоречием была борьба за «административный» ресурс, распределение бюджетной помощи и потенциальный электорат, в первую очередь в юго-западных и западных губерниях со смешанным русско-инородческим населением. Основанный в 1908 г. как правая проправительственная партия, ВНС в 1911 г. тоже переживал не лучшие времена. Его идеология базировалась на ряде взаимоисключающих положений. ВНС попытался осуществить триединый сплав глубоко противоречивых между собой начал: российского империализма, русской этнократии и европейской модернизации⁸. Империализм и этнический национализм в многонациональном государстве так же осуществимы, как абсолютное самодержавие и европейское саморегулирующееся общество. В 1909 г. националисты при явном сочувствии со стороны П. А. Столыпина объединились в мощную (вторую по численности) проправительственную Русскую национальную фракцию⁹. Однако 1 сентября 1911 г. Столыпин был убит евреем Богровым в Киеве – городе, где только зарождался мало кому еще в России и мире известный процесс над Бейлисом.

Создавшаяся ситуация давала возможность черносотенным организациям улучшить свое политическое положение перед выборами в Государственную думу, в первую очередь за счет

административного и электорального ресурса националистов.

Еврейский вопрос как для черносотенцев, так и для националистов играл ключевую роль. Сыграть на чувстве антисемитизма во властных коридорах и крайне сильных антиеврейских настроениях в западных и юго-западных областях империи значило получить большие преимущества. Для этого был необходим яркий, шумный процесс, который привлечет бы всеобщее внимание. Сложно придумать что-нибудь более эффективное, чем ритуальное дело, сопряженное с кровавым убийством ребенка. Некоторым исследователям логика подсказывает, что правые не только инспирировали процесс, но и причастны к самому убийству¹⁰. Существует даже мнение, что непосредственно сотрудники ГЖУ и Охранного отделения и совершили это чудовищное преступление¹¹. Эта крайняя точка зрения столь же маловероятна, как и то, что убийцей был Бейлис. Никаких документов, подтверждающих ее, нет.

Г. Г. Замысловский был хорошим практическим юристом, одним из координаторов работы правых фракций в Государственной думе и Государственном совете, отвечал за связи правых с правительством и, как уже отмечалось, был закулисным организатором, человеком рациональным и прагматичным. Своими выступлениями в Думе он снискал известность как знаток еврейского вопроса и антисемит. Осенью правая печать начала активную кампанию по освещению дела. Из обычного локального происшествия, каких в начале XX в. до и после процесса Бейлиса было около десятка, дело превратилось во всероссийскую сенсацию. В большинстве работ крайне шаблонно трактуются как сама судебная эпопея, так и ее результаты. Набор таких клише достаточно ограничен: разгул государственного антисемитизма, победа прогрессивных сил над сторонниками реакции (или наоборот, продажных космополитов над здоровыми патриотическими силами). Складывается впечатление о консолидированных группах, объединенных четкими идеологическими принципами, отстаивающих определенную и понятную цель. Драма русского общества заключалась в том, что все было ровно наоборот.

«Дело Бейлиса» показало уровень атомизации общества, отсутствие единой и вменяемой государственной политики, пусть даже реакционной и антисемитской. Борьба была не только с либералами и центристами, но и с представителями русских националистов. Монархическая и националистическая газета «Киевлянин» начала защиту Бейлиса за два года до того, как ее стал редактировать Шульгин. «Киевлянин» вышел под шапкой «Вы сами приносите человеческие жертвы!». «Вы» – это в данном случае власть, закулисно поддерживавшая правых. Газета провела единственное в своем роде независимое рассле-

дование, выявившее истинных убийц мальчика. При этом она продолжала делиться с читателями соображениями, «почему они нам не нравятся», ратовала за сохранение «черты оседлости» и других ограничений, наложенных на евреев дискриминационными законами Российской империи¹².

«Саратовское дело» идеально подходило для обобщающего примера не только в ритуальном контексте. Для Г. Г. Замысловского данный подход был бы слишком линеен. Такое сочинение стало бы частью серых брошюр, которые выходили в тот период¹³. Работа Замысловского выдержала два издания, которые имели существенные различия. Первая работа была выпущена в августе 1911 г. 10 000-ным тиражом в Харькове. Замысловский особенно не вдавался в сложные хитросплетения теоретических аспектов ритуальных убийств¹⁴. Он приступил к написанию либо сразу после обнаружения трупа Ющинского, либо заранее, ожидая подходящего события из тех, которые в начале века случались с завидным постоянством.

Материалы «Саратовского дела» настолько замечательно «ложались» на все программные положения правых, на все дискутируемые темы законодательной политики и личных отношений, что даже если бы такого дела и не существовало, его стоило бы придумать. Во-первых, в нем шла речь об убийстве двух мальчиков того же возраста, что и Андрей Ющинский. Во-вторых, это было единственное дело по обвинению евреев в употреблении крови, закончившееся обвинительным приговором. Хотя его ритуальность и не была доказана и обвиняемые были осуждены за жестокое убийство, но подтекст мотивации преступления был понятен и для русского, во многом прецедентного, права приговор играл важную роль. В-третьих, при грамотной расстановке акцентов при кроваво-ритуальном обрамлении можно было осветить проблемы армии, сохранения черты оседлости, земского самоуправления, ослабления централизации бюрократического управления регионов, доверия к выкрестам из евреев и т. д.

Практически в самом начале своего повествования автор обратился к системе организации следственных действий на начальном этапе. Он остановился на абсолютном бездействии местной полиции в изобличении преступников, ее коррумпированности и продажности, волоките, а также отвратительной работе губернской администрации, допустившей такое разложение. Следует отметить, что во втором издании Георгий Георгиевич провел прямые аналогии с работой киевской полиции в «деле Бейлиса»¹⁵. Там, как и в Саратове, приставы и следователи (например, Красовский и Мишук) тоже были отстранены от дел и отданы под суд. Как в «Саратовском деле», так и в раскрытии преступления в Киеве своим успехом следствие обязано энергичным действиям Петербурга. «Отделяться расследованиями ничего не обнаруживающей городской полиции больше нельзя было, и губернатор возложил

следствие на особого чиновника Волохова, которого вскоре сменил следователь, специально присланный из Петербурга – надворный советник Дурново»¹⁶. Н. С. Дурново был доверенным человеком министра внутренних дел Д. Г. Бибикова. Замысловский, характеризуя его, не жалеет эпитетов. «Необычайной энергии, искусству, полной неподкупности этого деятеля... и объяснено своим раскрытием одно из интереснейших и ужаснейших судебных дел русской уголовной летописи»¹⁷. Замысловский не говорит о масштабе следственных действий Дурново. Количество арестованных превысило все возможности их содержания в городском тюремном замке, и следствие арендовало дополнительный дом у отца одного из главных свидетелей «сманивания» евреями убитого Шерстобитова, мальчика Канина. Репрессиям подверглись не только евреи – местные жители, но и должностные лица. Н. С. Дурново был наделен широкими полномочиями. Практически сразу после его приезда на приставов трех частей Саратова Кузьмина, Константинова и Вандышева были заведены дела и они были отстранены от следствия как покрывавшие евреев. Также от следствия был отстранен и обер-полицмейстер г. Саратова подполковник Вестман¹⁸. В ответ на это саратовский губернатор М. Л. Кожевников объявил им благодарность¹⁹. Это привело к сложным отношениям между ним и Дурново. Чуть больше чем через год, 25 июля 1854 г., Дурново добился отстранения губернатора как мешавшего следствию²⁰. М. Л. Кожевников, почти десять лет возглавлявший губернию, был отправлен в отставку 17 сентября 1854 года²¹. По отзывам современников, он был честным и порядочным человеком. Бывший агаман Уральского казачьего войска и саратовский губернатор умер в бедности в Москве²². Его место занял А. Д. Игнатъев, уволенный за злоупотребления в 1860 г. после статьи Герцена в «Колоколе». 28 июля 1854 г. Дурново был назначен и. д. вице-губернатора, сосредоточив в своих руках весь административный ресурс²³. Осенью того же года были отстранены от должности и отданы под суд обер-полицмейстер и упоминавшиеся частные приставы. Даже чиновник по особым поручениям Волохов, еще до приезда Дурново направивший расследование по «ритуальному» следу, в марте 1855 г. был уволен. При восстановлении в должности в рапорте губернатору Игнатъеву в 1857 г. он отметил, что «и. д. вице-губернатора Дурново коварно служил Вам в 1854–1855 году»²⁴. Окончание карьеры Дурново в Саратовской губернии совпало с отстранением в 1855 г. от должности министра Д. Г. Бибикова. Он был в сентябре 1855 г. переведен и. д. вице-губернатора Виленской губернии, которой руководил брат бывшего министра И. Г. Бибиков. После его отставки, через год, Дурново в течение года (до 1857 г.) служил в Олонецкой губернии²⁵. Замысловский, естественно, не пишет подробно о разгроме губернии, о странностях карьерного роста Дурново. В работе

он представлен как «рыцарь без страха и упрека». И это понятно. По совместительству надворный советник Николай Сергеевич Дурново был еще и отцом Петра Николаевича Дурново, который на момент написания работы был лидером крайне правых в Государственном совете. Г. Г. Замысловский, в том числе, отвечал и за координацию работы правых фракций Государственной думы и Государственного совета. Поддержка правых в Государственном совете, особенно П. Н. Дурново, в предстоящем процессе была необходима.

Следующая проблема, «красной нитью» проходящая через всю работу, – евреи в армии. Г. Г. Замысловский был одним из ведущих специалистов среди правых в этом вопросе. Известность получила его речь при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев (25 апреля 1908 г.), которая была издана трехтысячным тиражом. Замысловский предложил вниманию депутатов анализ ситуации сквозь призму национально-религиозного фактора. Согласно его данным, среди евреев гораздо выше процент уклоняющихся от службы. Однако те евреи, которые оказываются в армии, дурно влияют на товарищей, внося дух деморализации в солдатскую массу. Замысловский пришел к парадоксальному выводу: «Евреи, не являющиеся на призыв, уклоняющиеся, приносят вред, а евреи, не уклоняющиеся, являющиеся, приносят вред сугубый». В результате он заявил, что «евреям не место в армии»²⁶. Однако основная дискуссия развернулась в преддверии принятия нового «Воинского Устава» в 1912 году. Позиция правых была однозначной – евреев необходимо из армии удалить. Изгнание евреев с военной службы потянуло бы за собой и изъятие тех прав и свобод, которыми они еще пользовались (право голосовать), удаление из высших учебных заведений, запрещение юридической и медицинской практики, бойкот торговли и даже экспроприацию капитала. В вопросе службы евреев в армии с правыми черносотенными организациями были вполне солидарны и националисты. Так, выступавший в защиту Бейлиса В. Шульгин, одновременно писал: «...евреи не приносили никакой пользы в армии. Надо было при таком положении освободить евреев от несения воинской повинности. Эта мера не отразилась бы чувствительным образом на армии, но в значительной мере подвела бы черту под “ограничения”, кому меньше дано, с того меньше и взыскивается»²⁷. В «Саратовском деле» практически все обвиняемые, за исключением нелегально проживавшего в Саратове меховщика Я. Юшкевича, – солдаты-евреи. В городе, вне черты оседлости, других евреев быть и не могло. Замысловский красочно описывает все пороки и ужасы, которые творили еврейские солдаты. Они постоянно нарушали воинскую дисциплину, уходили из караула, воровали, совращали обывателей в иудаизм, склоняли к «кровавому производству» и многое другое. В

конечном итоге они организовали практически оптовую торговлю добытой ими у убитых детей христианской кровью, раскинув свои сети далеко за пределы Саратовской губернии. В преступный промысел они вовлекали христиан из различных слоев губернского общества. Солдаты, оказавшись без должного присмотра вне черты оседлости, терроризировали местное общество. В этом положении Замысловский, без сомнения, был блестящим новатором. До этой трактовки дела о взаимоотношениях евреев и армии строились на правой пропаганде, как ненависть еврейских общин к русской армии (Минский процесс и «Меджибожское дело»)–²⁸. Здесь же еврейские солдаты грабят и пьют кровь местной общины.

Среди основных подозреваемых были рядовой Михаэль Шлиферман – цирюльник и рядовой Федор Юрлов, которые вместе с Юшкевичером и были в конце концов осуждены на каторжные работы сроком от восемнадцати до двадцати лет. Большой интерес у автора вызвал Федор Юрлов. Последний был сыном Я. Юшкевича. Поругавшись с отцом, он ушел из дома, вел разгульный образ жизни, был шарманщиком. В итоге своих приключений он крестился, за плату пошел в рекруты вместо сына одного из саратовских мещан и принял самое деятельное участие в убийстве. Замысловский много раз обыгрывает эту ситуацию, подводя читателя к мысли, что крещеный еврей не перестает быть евреем со всеми пороками, присущими этой национальности. В отличие от российского законодательства, рассматривающего как идентификационный принцип конфессиональную принадлежность, Замысловский стоял на позициях этнического расового национализма. От Федора Юрлова Георгий Георгиевич «перекинул мостик» к другому «ренегату», в той же степени не заслуживающему доверия. Им оказался известный ученый-гебраист Даниил Хвольсон. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии, выступавший экспертом по «Саратовскому делу», автор ряда «антинаветных» публикаций тоже был крещеным евреем. На критике Хвольсона мы остановимся ниже.

Второе издание исследования Замысловского о «Саратовском деле» вышло в 1914 г., то есть после оправдания Бейлиса. В этой значительно расширенной работе автор попытался учесть многие проблемы, появившиеся в ходе судебного разбирательства. В первую очередь были более глубоко рассмотрены ритуальные аспекты.

Замысловский и правые не учли одного очень важного обстоятельства – изменившейся системы судопроизводства и принципов формирования доказательной базы в пореформенных судах. Замысловский в своей работе сетовал на излишнюю мягкость по отношению к преступникам дореформенного суда. «Недостатки дореформенного процесса ... были в данном случае к выгоде осужденных иудеев, а не ко вреду, ибо, при отсутствии их сознания, поличного и

свидетелей очевидцев для них не была потеряна возможность... остаться в подозрении, несмотря на неотразимые косвенные улики и на полное внутреннее убеждение судей»²⁹. Обвинение рассчитывало на то, что при помощи административного ресурса, стойкой и не требовавшей особых доказательств мифологемы об употреблении евреями крови, фальсификации свидетельских показаний можно обвинить Бейлиса, тем самым доказав единственный мотив преступления – ритуал. «Подразумевание» ритуала в действиях Бейлиса не являлось мотивацией преступления в уголовно-процессуальном плане. Такую судебную игру навязала обвинению защита. Адвокат О. Грузенберг сразу после оглашения обвинительного заключения, в котором не было прямых отсылок к ритуальности убийства Ющинского, потребовал «ритуальной» экспертизы³⁰.

Обвинению и правым пришлось в спешке переводить «мифологический» нарратив в научную и процессуальную плоскость. Эмпирическая уверенность в употреблении евреями крови должна была быть доказана в суде при помощи исторического, теологического и психиатрического инструментария.

Защита Бейлиса пошла по пути, где доказательство отсутствия религиозной мотивации вело к оправданию подсудимого, которое, в свою очередь, снимало бы подозрения и со всего еврейского народа. К таким выводам могла прийти только историко-теологическая экспертиза. В этом вопросе у защиты был явный перевес. Ни православная, ни римско-католическая церковь употребления в иудаизме крови не признавала и, очевидно, менять канонические правила из-за процесса Бейлиса не собиралась. Более того, сильную помощь защите Бейлиса в организации богословской экспертизы оказал видный член СРН архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), делегировав на процесс профессора Троицкого³¹. Обвинение смогло противопоставить ксендза из Ташкента с не очень благовидной репутацией И. Пранайтиса. При изучении стенограммы процесса постоянно возникает вопрос: для кого устраивались жаркие теологические споры со сложными многовариантными трактовками выдержек из различных источников? Скорее всего, не для присяжных заседателей, состав которых не позволял надеяться на должное восприятие ими всех казуистических аспектов ритуала. Все баталии происходили для протокола, а вернее, для будущей кассации в Сенате, который и должен был окончательно подтвердить или опровергнуть ритуальность совершенного преступления, создав прецедент. И защита, и обвинение не сомневались в невиновности Бейлиса. Вся доказательная база его виновности строилась на абсолютно бредовых показаниях. Тем, кто инспирировал процесс, сам Бейлис был малоинтересен. И скорее всего, осуждение его рассматривалось как желательный, но совсем не обязательный результат.

Суд над Бейлисом представлял сложный юридический спор, абсолютно новый в подобном рода процессах, и это, по меткому замечанию В. Жаботинского, было «дело без Бейлиса»³². Важен был сам процесс. Аргументационная база защиты была более сильной, что видно из протоколов. Однако в самый последний момент представителю матери убитого Г. Замысловскому удалось минимизировать успех защиты. Он предложил выделить в отдельный вопрос ритуальную составляющую дела. Отделив вопрос от маловероятного обвинения лично Бейлиса, не вдаваясь в теоретические нюансы употребления крови, обвинение добилось фактического признания существования ритуального группового убийства. Все, от места преступления (еврейская хирургическая больница) до характера убийства, говорило о кровавом ритуале³³.

Как и ожидалось, присяжные ответили отрицательно на вопрос о виновности Бейлиса. И это, в принципе, для обвинения было даже не плохо. Формальная победа защиты делала процесс кассации ненужным. Наоборот, всеобщая эйфория среди сторонников Бейлиса после вынесения приговора и скоротечная эмиграция самого оправданного не давали возможности защите оспорить приговор. Обвинение, а также представители потерпевшей стороны, формально неудовлетворенные приговором, собирались его кассировать.

Вышедшая в 1914 г. книга Замысловского как раз и была проектом этой кассации. По идее, обвинение должно было выступать против оправдания лично Бейлиса. Но в работе Замысловского о Бейлисе сказано лишь несколько слов. Тогда возникает справедливый вопрос о целях такой кассации. Обвинению было нужно, чтобы Сенат утвердил приговор Киевского окружного суда, тем самым инкорпорировав его в общую сенатскую практику. Это создавало бы официальный прецедент существования ритуальных убийств. Бейлис уже в феврале 1914 г. беспрепятственно навсегда покинул пределы Российской империи. Данное обстоятельство еще раз доказывает незаинтересованность стороны обвинения в Бейлисе.

Первые шесть глав работы практически дословно повторяют издание 1911 года. В них описывалось то, что было необходимо для целостного «ритуального» определения, – участники убийства. Роль Бейлиса в них играют рядовые Саратовского гарнизона Михаэль Шлиферман и Федор Юрлов, а также меховщик Янкель Юшкевичер. По ним уже существовало высочайше утвержденное в 1860 г. обвинительное заключение Государственного совета и Сената, правда, без ритуального определения, которое уже было в «деле Бейлиса». Совмещая два «неполноценных» прецедента, обвинение получало целостное событие. Таким образом, «Саратовское дело» и «дело Бейлиса» создавали в процессуально-юридических рамках

прецедентного права законченное «ритуальное» определение. Как раз этого правые и добивались.

Новое издание было дополнено тремя главами. В них Замысловский попытался перевести ритуальную мифологию в научный позитивистский нарратив. Таким образом, место, форма и характер убийства, лишь очерченные в решении присяжных, должны были быть наполнены фактическим содержанием. Процесс показал, что добиться доказанного признания того, что в иудаизме присутствуют кровавые ритуалы, практически невозможно. Тысячелетний поиск каких-либо описаний страшных обрядов не привел к успеху. Существовал единственный выход, который был традиционен для всех российских «ритуальных» процессов. Не акцентируя внимания на всей практике иудаизма, можно было сфокусироваться на некой секте, отщепенцах, которые и практиковали столь жуткие ритуалы. Доказательная база сужалась до определения гипотетических девиаций в рамках иудаизма. Такой, по мнению власти, сектой был хасидизм. Во-первых, внешняя сторона обрядовых действий в глазах стороннего наблюдателя была схожа с рядом христианских экстатических течений, например хлыстов. Абсолютная и непререкаемая власть главы общины, эмоциональное богослужение и целый ряд специфических особенностей были характерны для знакомых российской власти экстатических сектантов. В XIX в. произошел процесс «отзеркаливания», то есть экстраполяции определенных стереотипов с христианских сектантов на иудеев³⁴. Те же хлысты обвинялись в XVIII в. в ритуальных действиях, абсолютно идентичных обвинениям евреев в XIX–XX веках³⁵. Во-вторых, в XVIII – начале XIX в. проходила достаточно острая борьба между «ортодоксальными» евреями и хасидами. Обе стороны конфликта часто апеллировали к официальным властям. Складывалось впечатление, что если официальный иудаизм не имеет никакого отношения к «кровавым» ритуалам, то, вполне вероятно, некая секта (например, хасиды) это может практиковать. В 1841 и 1844 гг. вышли работы В. И. Даля. Первая из них была посвящена кровавым ритуалам среди русских сектантов, а вторая – убийству евреями христианских младенцев. В ней упор делался именно на хасидов. Следует, правда, отметить, что хасиды составляли значительную часть российского еврейства, особенно на территории современной Украины. Важно еще и то, что российская судебная система в целом и Сенат в частности были привычны к «сектантским» делам³⁶. Появился такой феномен как российский «протестантизм» (в основном в низовых стратах общества). Уходя корнями в раскол и в XVIII в., в XIX – начале XX в. он приобретает законченное, иногда институциональное оформление³⁷. В некоторых губерниях количество сектантов доходило до 15% населения (не считая старообрядцев)³⁸. Их отношение к официальной религии и государству было явно отрицательным

(именно в таких деревнях народники вели активную агитацию)³⁹.

Официальным религиозным институтам обвинение иудеев в кровавых ритуалах было совершенно не нужно. Однако существование среди них некой изуверской секты доказывало порочность сектантства как явления. Здесь следует отметить, что РПЦ, не признавая кровавых ритуалов в иудаизме, косвенно допускала существование возможных девиаций в этой конфессии. Следует отметить и то, что официальная церковь через призму религиозных отклонений не отрицала кровавых жертвоприношений. Ритуал был закреплен в культах «умученных иудеями» святых Евстратия Печерского и Гавриила Белостокского (Заблудовского). В 1908 г. членом СРН архиепископом Волынским Антонием (Храповицким), выступившим против кровавого навета в целом, был написан акафист Гавриилу. В годы Первой мировой войны его мощи были перенесены в собор Василия Блаженного, где и велась литургия настоятелем собора, известным деятелем СМА отцом Иоанном Восторговым вплоть до его ареста и казни большевиками летом 1918 года⁴⁰. Г. Г. Замысловский сделал упор в своей работе именно на существование изуверской секты, оставив обвинению иудеев в целом лишь общие эмоциональные фразы. В таком ракурсе его «теологические» доказательства ритуала были приемлемы как для суда, так и для церкви. Исследование Замысловского конкретизировало и возможную секту – последователей Любавичского Ребе, самую крупную ветвь среди хасидов. Следует отметить, что в начале XX в. Замысловский, обвиняя хасидов, имел в виду не маленькую раскольничью секту, а большую часть еврейского населения Украины и Белоруссии. В такой коннотации навета можно было избежать сложных религиозных диспутов и, не отрываясь от практики российских ритуальных процессов, обвинить значительную группу еврейского населения.

Крайне интересна и форма научных дискуссий, развернувшихся на страницах исследования. Работ, посвященных кровавому навету в целом и «Саратовскому делу» в частности, вышло во второй половине XIX – начале XX в. огромное количество. Складывалось впечатление, что, наряду с экономическими и социальными проблемами, ритуальные обряды были одной из самых злободневных тем⁴¹. По своему уровню исследования были весьма разные. Наверное, наиболее профессиональной была работа известного российского семитолога Даниила Хвольсона «О некоторых средневековых обвинениях против евреев», вышедшая в 1861 г., то есть через год после вынесения приговора по «Саратовскому делу»⁴². Сам Хвольсон в 1855 г. был экспертом по этому делу и доказывал отсутствие кровавых ритуалов у евреев. Диаметрально противоположной точки зрения придерживался другой, не менее популярный в определенных кругах автор Ипполит

Лютостанский⁴³. В его работах переплелись все наветные нарративы, ритуальные процессы, элементы государственной политики по отношению к сектантам в очень и очень эклектичной форме. После Кутаисского процесса 1878 г., в котором использовались материалы Лютостанского, Хвольсон издал в 1878 г. еще одну работу – «Употребляют ли евреи христианскую кровь?». В ней было достаточно резкое предисловие, в котором автор апеллировал к власти с требованием воздействовать на Лютостанского⁴⁴. В ответ на это другой участник «Саратовского дела», бывший в начальный период следствия в ссылке в Саратове, известный историк Николай Костомаров опубликовал статью в консервативном «Новом времени». Там он повторил мнение о том, что как среди христиан, так и среди евреев бывают религиозные изуверы⁴⁵. Статья не отличалась ни широкой доказательной базой, ни характерной для Костомарова живостью и красочностью изложения⁴⁶. Виной этому могли быть и болезнь, которую историк перенес в 1875 г., и то, что причиной написания работы стало высказанное Хвольсоном сомнение в профессиональности следствия в Саратове. Костомаров во многом принял это и на свой счет. Вообще он до конца жизни не любил вспоминать о саратовских событиях и своем участии в них. Сложно сказать, что происходило с ним в городе на Волге, где он был под надзором полиции, в период следственной «вакханалии» Н. С. Дурново. В следующем номере газеты Хвольсон достаточно аргументированно ответил на все вопросы историка, хотя и в немного жесткой для научной дискуссии форме⁴⁷. Ожидаемого ответа от Костомарова не последовало. Именно на этих авторов и опирался Замысловский. Но подошел он к научному обоснованию не как историк или теолог, а как практический юрист. В первых строках повествования он дезавуирует своего потенциального оппонента Хвольсона, делая из него заинтересованного свидетеля, чьим показаниям нельзя доверять. Первое, и самое главное для Замысловского то, что Хвольсон принял крещение лишь в 1855 г., когда и делал свое экспертное заключение⁴⁸. Более того, из четырех научных экспертов «ритуальности» убийства в Саратове двое (Хвольсон и Левинсон) были по происхождению евреями. Обвиняя их в предвзятости, Замысловский рассматривал также не только версию ложной трактовки материалов, но и их дальнейшую пропажу. Это касалось книг, изъятых у евреев в разных частях империи⁴⁹. К слову сказать, все перечисленные в списке Сената работы достаточно известные и Георгий Георгиевич, конечно, мог их найти. Более таинственная история произошла с делом секретного фонда канцелярии саратовского губернатора, включавшего все местные документы о расследовании «Саратовского дела» в период службы вице-губернатора Дурново. Следы дела, насчитывавшего более 1700 листов, теряются в 70-е гг. XIX века⁵⁰. Важное место в заочной полемике Замысловского

с Хвольсоном занимает и Костомаров, чье мнение, описанное выше, играет значимую роль: историк, известный своими либеральными взглядами, непосредственный участник событий однозначно высказывался за виновность саратовских евреев.

Это лишь некоторые аспекты, затронутые в работе Замысловского. Начавшаяся Первая мировая война и действительные проблемы, вставшие перед империей, сделали процесс поиска кровавого ритуала не столь актуальным. Потому эта занимательная история осталась незавершенной. Однако несложно предугадать, по крайней мере в рамках правовых институтов, ее возможное окончание. Скорее всего, «ритуальный» аспект иудаизма был бы инкорпорирован в систему российского законодательства. Мифологема кровавого ритуала уже к началу XX в. была инкорпорирована практически во все страны, как светские, так и религиозные и фольклорно-бытовые. «Дело Бейлиса» давало возможность адаптировать ритуал и в официальном праве. «Саратовское дело» было идеальным инструментом для этого, чем Замысловский и воспользовался. Тактически политическая элита, вполне вероятно, могла от этого и выиграть. Однако стратегически, как показало будущее, нет. Моделирование консолидирующей идеи опиралось на плохо адаптируемые и заимствованные этнические мотивации, не интегрировавшие имперское пространство, а разобщавшие его. Одновременно традиционные процедуры легитимации власти уже не выполняли необходимых функций из-за разницы в восприятии социального и культурного ландшафта основной массой населения и политической элитой. Таким образом, к тяжелым испытаниям Первой мировой войны страна пришла без адекватной новой государственной идеологии и с плохо функционирующими традиционными институтами.

Примечания

- 1 См.: Замысловский Г. Г. «Правда» Г. Короленко (письмо в редакцию) // Новое время. 1911. № 12832; *Он же*. Жертвы Израиля. Саратовское дело. (По подлинным документам). Харьков, 1911; *Он же*. Умученные от жидов. Саратовское дело. По актам подлинного производства. Харьков, 1911; *Он же*. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914; *Он же*. «Черты к характеристике» (ответ Г. Короленко) // Новое время. 1911. № 12838; *Он же*. Изуверное убийство. Разоблачение греческого монаха Неофита, бывшего иудейского раввина. СПб., 1912; *Он же*. Историческая справка (о ритуальных убийствах). СПб., 1911; *Он же*. К вопросу о ритуальных убийствах у евреев. М., 1912; *Он же*. Убийство Андруши Ющинского. Речь в Киевском окружном суде 24 октября. 1913. СПб., 1914; *Он же*. Убийство Андруши Ющинского. Исследование в 3 частях. Пг., 1917 и др.
- 2 См.: Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. 1827–1914. М., 2003. С. 341.

- 3 Троицкий Л. Д. Наше имя – честное. (Замысловский в Думе) // Киевская Мысль. 1913. 25 октября. № 225.
- 4 Грузенберг О. О. Вчера : Воспоминания. Париж, 1938. С. 120.
- 5 См. подробнее: Львович М. «Ритуальные убийства». СПб., 1911 ; *Он же*. «Последняя позиция» (Саратовское ритуальное дело в освещении члена Государственной Думы Г. Замысловского). СПб., 1912 ; Гессен Ю. Кровавый навет в России. М., 1912 и др.
- 6 См.: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. I – III. Киев, 1913.
- 7 См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 120.
- 8 См. подробнее: Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма : на примере партии «Всероссийский национальный союз» (1908–1917) // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. статей. Вып. 1 / под ред. Ю. Н. Солонина. СПб., 2004. С. 79–105.
- 9 См.: Каюбинский Д. А. Об исторической несовместимости России и русского национализма. URL: // <http://www.apn-spb.ru/publications/article377.htm>. (дата обращения: 11.10.2011).
- 10 См.: Грутунс А. Бейлисада : Дело об обвинении Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве. Рига, 2007.
- 11 См.: Рябов Г. Конь бледный Бейлиса // Родина. 2000. № 2–3.
- 12 См.: Дорфман М. Кровавый навет : опыт деконструкции. URL: // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/dorf_krov.php. (дата обращения: 2.10.2011).
- 13 См. подробнее: Бронзов А. А. Еврейская тактика // Церковный вестник. 1912. № 27 ; *Он же*. Ритуальные убийства // Церковный вестник. 1916. № 6 ; Бутми Н. А. Догмат крови. СПб., 1914 ; Быховский В. Слово правды по поводу обвинения евреев в употреблении христианской крови. СПб., 1880 ; В. Г. Дело о ритуальных убийствах (архивная справка) // Новое время. 1911. № 1285 ; Вакандар Е. Вопрос о ритуальном убийстве у евреев. Киев, 1912 ; Пранайтис И. Христианство в талмуде // Справка к докладу по еврейскому вопросу. Ч. 3. СПб., 1910. С. 156–178 и др.
- 14 См.: Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело. По актам подлинного производства. Харьков, 1911.
- 15 Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914. С. 6.
- 16 Там же. С. 55.
- 17 Там же. С. 57.
- 18 См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 483об; Второе дополнение к записке по делу об убийстве в г. Саратове двух христианских мальчиков. СПб., 1861.
- 19 См.: Саратовские губернские ведомости. 1853. 20 июня. № 25.
- 20 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1283. Л. 1.
- 21 Там же Л. 2.
- 22 См.: Кожевников М. Л. Биография. URL: <http://www.yaik.ru> (дата обращения: 9.10.2011).
- 23 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 985. Л. 44.
- 24 Там же. Д. 1401. Л. 1.
- 25 См.: Раздорский А. И. Указатель имен и лиц, учтенных в адрес-календарных разделах памятных книжек Олонечкой губернии на 1856–1858, 1860, 1864–1868/69 гг. URL: <http://www.petergen.com/publ/imukramolon1.shtml> (дата обращения: 8.10.2011).
- 26 Речь депутата Г. Г. Замысловского, произнесенная в заседании Государственной думы 25 апр. 1908 по вопросу о контингенте новобранцев. СПб., 1908.
- 27 Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России. М., 1994. С. 260–261.
- 28 Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. С. 338.
- 29 Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914. С. 6.
- 30 См.: Кацис Л. Дело Бейлиса и дело Хильзнера (К проблеме сравнительного изучения «ритуальных процессов» в Центральной и Восточной Европе) // Вестн. Еврейск. ун-та. № 9. М. ; Иерусалим, 2004. С. 96.
- 31 Там же. С. 80.
- 32 См.: Жаботинский В. Дело без Бейлиса // Одесские новости. 26 сент. 1913.
- 33 См.: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. III. Прения сторон. Речи прокурора, гражданских истцов, защитников и резюме председателя. С приложением алфавитного поименного указателя. Киев, 1913.
- 34 См.: Зеленина Г. Кровь за кровь, миф за миф, наветы и ответы // Лехаим. 2009. № 1 ; Yival I. «They tell lies : you ate the man»: Jewish Reactions to Ritual Murder Accusations // Religious Violence between Christians and Jews : Medieval Roots, Modern Perspectives. N.Y., 2002. P. 86–106 ; *Campion-Vincent V.* Demonologies in Contemporary Legends and Panics. P., 1992.
- 35 См.: Панченко А. Христовщина и скопчество : фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- 36 См.: Кони А. Ф. Речь по делу Гаврилова // Судебные речи. СПб., 1888 ; Баранов А. Н. Воспоминания о мультанском деле // Вестник Европы. 1913.
- 37 См. подробнее: Маргаритов С. История русских рационалистических и мистических сект. Издание второе, перераб. Кишинев, 1902 ; Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1885 ; Берман А. Г. Алатырская ересь. Из истории скопчества в Среднем Поволжье // Сны Богородицы : исследования по антропологии религий. СПб., 2006. С. 86–101 ; Мальцев А. И. Источники по истории страннического согласия второй половины XIX века в собрании рукописей Института истории СО РАН (соборные постановления и послания руководителей согласия) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 29–36 ; Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской культуре. Исторический очерк. СПб, 1870 ; Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века – 1917 г.). М., 1965 ; Ильинский Н. П. Религиозное сектантство и его идеология. Алма-Ата, 1958 ; Ливанов Ф. Н. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. 1.

- СПб., 1868 ; Павел, архимандрит. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учениях, обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1885 ; Левенстим А. А. Фанатизм и преступления // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 7. С. 37–78 ; Новицкий А. Духоборы : их история и вероучения, СПб., 1882 и др.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 40. Артемьев. Докладная записка (МВД) о результатах работы по изучению истории и догматов различных раскольничих сект в России. 15 марта 1864 г.
- ³⁹ См. подробнее: Никандрова М. Революционное народничество и сектанство. (О попытках народников 70-х годов XIX века привлечь сектантов к борьбе против самодержавия). М., 1974 ; Программа для собирания сведений по русскому сектанству, изданная Бонч-Бруевичем В. Д. // Этнографическое обозрение. 1908. Кн. LXXVII. № 3. С. 198–200 ; Хлыст, секта, литература и революция. М., 1998 ; Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект // под ред. Краськова (с приложением кратких сведений о наиболее распространенных сектах). М., 1935 и др.
- ⁴⁰ См. подробнее: Филарет (Гумилевский), архиепископ. Жизнеописание Святых чтимых Российской Православной Церковью. 1885. № 4 ; Чудесные исцеления по молитвам Святому младенцу Гавриилу // Гроднецкие Епархиальные Ведомости. 1909. № 31 ; Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Т. 5. СПб., 1998 ; Антоний (Храповицкий), архиепископ. Беседа Архипастыря с г. А. Чижевским // Журнал «Мирный труд». Харьков, 1913. № 9 ; Святой отрок Гавриил (Дело об антисемитской агитации в московском соборе Василия Блаженного, в связи с обнаружением в нем усыпальницы мученика Гавриила. Отзвуки дела Бейлиса) // Революция и Церковь. 1919. № 6–8 и др.
- ⁴¹ См. подробнее: Хасин В. В. Роль текстов свидетельских показаний в формировании сценариев «ритуальных» процессов в Российской империи в XIX веке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 103–109.
- ⁴² Хвольсон Д. А. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. СПб., 1861.
- ⁴³ См.: Лютостанский И. Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей в связи с вопросом об отношении еврейства к христианству вообще. СПб., 1876.
- ⁴⁴ См.: Хвольсон Д. А. Употребляют ли евреи христианскую кровь? СПб., 1879.
- ⁴⁵ См.: Костомаров Н. И. Замечание по поводу брошюры изданной г. Хвольсоном : употребляют ли евреи христианскую кровь? // Новое время. 1879. № 1172.
- ⁴⁶ См.: Костомаров Н. И. Жидотрепание в начале XVIII века // Киевская старина. 1883. Т. 5. С. 1–26, 477–492.
- ⁴⁷ См.: Хвольсон Д. Ответ на замечание Н. И. Костомарова «по поводу брошюры изданной г. Хвольсоном : употребляют ли евреи христианскую кровь?» // Новое время. 1879. № 1192.
- ⁴⁸ См.: Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914. С. 58.
- ⁴⁹ Там же. С. 50.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 484.

УДК 94 (47)

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Рязанской епархии)

И. И. Степанов

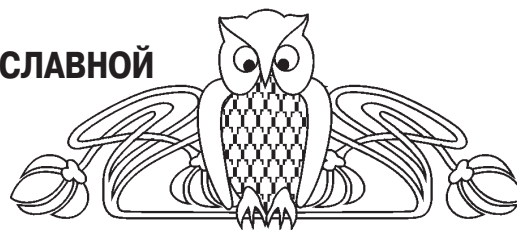
Рязанский государственный университет
E-mail: hiermonk-luke@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального служения РПЦ в конце XIX – начале XX в.: полемика вокруг изучения истории социального служения РПЦ в историографии XX в., основные уровни социального служения и их формы на примере Рязанской епархии. Автор подчеркивает бескорыстность и безвозмездность социального служения РПЦ в изучаемый период.
Ключевые слова: социальное служение Русской православной церкви, создание благотворительных обществ, приходское социальное служение, милосердие.

Social Service of the Russian Orthodox Church from the End of XIX Century till the Beginning of XX Century (on the Example of the Ryazan Eparchy)

I. I. Stepanov

© Степанов И. И., 2012

In the article some aspects of social service of the Russian Orthodox Church from the end of XIX century to the beginning of XX century are under research: discussion on the research of history of the social service of the Orthodox Church in the historiography of the XX century, the general levels of the social service on the example of the Ryazan eparchy in the same period. The author stresses that the social service of The Orthodox Church in that period got realized in unselfish and unpaid social activity.

Key words: social service of the Russian Orthodox Church, establishment of charity communities, parish charity, charity.

Социальным служением Русская православная церковь (РПЦ) занимается более 300 лет. Но до сих пор нет единого мнения среди ученых по поводу самого понятия «социальное служение», методов и форм его осуществления. Целью настоящей статьи является изучение практики социального служения Рязанской епархии в конце

XIX – начале XX в., в связи с чем «социальное служение» определим как общественное служение, относящееся к жизни людей и их связям в обществе, предполагающее непрестанное служение не только Богу, но и людям.

Понятийный аспект данного явления раскрывается такими категориями, как «социальное служение – дело православной государственности», социальная активность, социальная среда, социальное положение (богатые – бедные), социальные конфликты, общественное неравенство, нестяжательная экономика, удовлетворение материальных и духовных потребностей человека, то есть является атрибутом так называемой новой социальной истории. Предметно-объектные связи формируют представление о помощи населению, его поддержке, социальной защите (советский социалистический период), социально-экономическом развитии страны, социальных программах, наконец, о русской церковной традиции деятельной помощи страждущим.

Программа социального служения ближним начертана в Святом Евангелии словами Спасителя: «... алкал Я, и вы дали мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 35–36, 40).

Впервые в исторической науке понятие «социальное служение» употреблено в 1995 г. С. Г. Зубановой в кандидатской диссертации по истории «Православная церковь в социальной, культурной и духовной жизни российского общества».

Последние исследования в области теории и истории социального служения в работах С. Г. Зубановой, А. В. Штепы, Н. П. Рузанова, Л. Е. Денисова, Н. Д. Патюлина указывают на большую степень участия РПЦ, если рассматривать ее социальную деятельность как воплощение внутренних идеалов милосердия и необходимости просвещения¹. Научная ценность этих исследований заключается в том, что их авторы ввели в историческую науку понятие «социальное служение церкви», обосновали и доказали этот исторический феномен. Но необходимо отметить, что работы этих авторов не касаются территориальных границ Рязанской епархии, поэтому для нас представляют ценность только с точки зрения теории вопроса.

Появившись на Руси вместе с государственностью, РПЦ на протяжении всего времени своего существования активно решала самостоятельно, на уровне епархий, приходов, монастырей, и в сотрудничестве с государством множество разнообразных социальных задач и в этом служении видела свое призвание и реализацию христианского идеала любви и милосердия к ближним.

Особенный размах социальное служение РПЦ принимает в конце XIX – начале XX в.,

в преддверии и после либеральных реформ 60-х гг., когда крестьянство, составлявшее большую часть российского общества, получило права и свободы для уже не только общественного, но и личного самовыражения. В таком контексте вопросы народного воспитания, просвещения населения русских провинциальных городов, сел, деревень и их социальной поддержки имеют решающее звучание в исторической перспективе государства.

Были изданы положения о деятельности РПЦ в области активизации приходской жизни. 2 августа 1864 г. Особое присутствие по делам православного духовенства выработало и издало проект Положения о церковно-приходских попечительствах. Несмотря на то что главной целью создания церковно-приходских попечительств (ЦПП) была материальная поддержка духовенства и благоустройство церкви, в их ведение были включены начальное обучение детей, благотворительность в рамках прихода (п. 1), учреждение школ, больниц, богаделен, приютов и других благотворительных учреждений, помощь беднякам, погребение неимущих прихожан и тому подобное (п. 5). Актуальность обеспечения прихода из средств самих прихожан при создании ЦПП была связана с деятельностью Комиссии по составлению единых правил о порядке счетоводства, отчетности и ревизии. Эта комиссия, образованная в 1859 г., установила единую кассу для всех государственных ведомств и учреждений. Соответственно, должны были быть переданы в Государственное казначейство все капиталы, образованные к 1860 г. от прежних лет в разных ведомствах.

Появление ЦПП, при всех сопутствующих сложностях, было действительно значимым событием для страны: в 1868 г. было открыто 5 840 ЦПП и собрано 55 400 руб., в 1890 г. – 13 424 ЦПП и собрано 21 685 500 руб.² Необходимо отметить деятельность РПЦ в области народного просвещения в исследуемый период, а именно организацию церковно-приходских школ (ЦПШ). Школы при церквях и монастырях были официально учреждены в 1836 г., когда было издано особое Высочайшее повеление по Духовному ведомству о приглашении и поощрении всего православного духовенства к повсеместному заведению при церквях и монастырях школ для наставления детей, которые должны были находиться на содержании у прихода.

Призывая духовенство к заведению школ, Святейший синод в указе от 19 октября 1836 г. адресовал духовенству особые «Правила касательно первоначального обучения поселянских детей». Этот указ можно считать первыми правилами для церковно-приходских школ:

«1. Обязанность первоначального обучения поселянских детей относится к обязанностям приходского духовенства, которое сим средством и случаем должно воспользоваться для исполнения

своей беспрекословной обязанности наставлять детей в вере и благочестии.

2. Сие обучение проводить домашним образом в доме одного или двух из членов причта, смотря по способности и надежности.

3. Для обучения приходских детей назначается, по усмотрению епархиального архиерея, местный священник или дьякон, а иногда и причетник по нужде и способности.

4. Он не только принимает для обучения желающих, но и располагает к сему родителей и детей, чему способствуют и прочие члены причта советами и представлениями полезности: принимать же без всякого договора и без требований вездия.

5. Обучать чтению церковной и гражданской печати, а желающих и письму. Между тем учащиеся должны изучать на память молитву Господню, символ веры, десять заповедей, стих: Богородице Дево, радуйся; к чему учащий присовокупляет краткое и самопростейшее изъяснение оных из катихизиса и главнейшие сказания из Библейской истории, передавая сии изъяснения и сии сказания в виде разговоров и рассказов, по временам и в случаях возобновляемых без школьной принужденности и буквального вытверживания на память.

6. Оказавшим успехи в церковном чтении в праздничные дни давать место в церкви на клиросе, приобщивать их к церковному пению и по возможности употреблять к церковному чтению, дабы очевидность успехов их служила в утешение родителям их и в поощрение прочих к учению.

7. Смотра по удобности, можно к предметам учения присовокупить начала арифметики.

8. Постоянное время учения должно продолжаться от окончания осенних полевых работ

до начатия весенних, и примерно от 1 сентября до 1 мая; в летние месяцы ученики могут собираться по праздникам в послеобеденное время для повторения молитв и учения катихизического и Священного Писания, а в будние дни чаще или реже, как позволят сельские работы. На июнь, июль и август учение совсем прекращается.

9. Учебные книги, азбука, Часослов, Псалтирь и Начатки христианского учения могут быть заведены за счет церковной суммы и считаться церковными.

10. При каждом полугодовом осмотре церковью благочинным ему представляется именно список обучающихся детей с показанием, с которого времени учатся, сколько успели и какими усматриваются в поведении. Благочинный по возможности удостоверяется в сообразном с настоящими правилами ходе и успехах учащихся и, означив сие на списке при своем полугодовом рапорте, представляет оный епархиальному архиерею.

11. Дети, достаточно обученные, испытываются при благочинном, местном священнике и сельском начальнике, и о сем постановляется журнал за подписью всех лиц и представляется архиерею»³.

Обер-прокурор граф Протасов в своем отчете за 1837 г. вполне положительно оценивал динамику исполнения Высочайшего повеления: «Первоначальное обучение, – говорится в заключении, – заводится при церквях и монастырях с таким усердием, что едва Святейший Синод предложил сию Высочайше указанную меру, как, на первый раз, в шести епархиях частью было уже открыто, часто было предназначено к открытию около полутора ста школ для нескольких тысяч крестьянских детей»⁴.

В 1839 г. в Российской империи существовало 2000 школ и было 19 000 учащихся (табл. 1).

Таблица 1

Год	Число школ	Число обучавшихся детей		
		мальчики	девочки	итого
1841	2700	Не разграничено		25 000
1851	4713	Не разграничено		93 350
1861	18 587	271 263	49 087	320 350
1871	10 381	220 127	33 286	259 413
1881	4440	89 250	17 135	106 385
1891	24 502	624 200	118 600	743 400

В 1864 г. Государственным советом было утверждено «Положение о народных училищах», согласно которому немалая роль в организации начального общего образования отводилась РПЦ. Начальные народные училища имели целью «утвердить в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» (ст. 1). В разряд народных училищ входили школы всех государственных ведомств и министерств, цер-

ковно-приходские училища, а также частные и воскресные школы (ст. 2). Важным отличием народных училищ было то, что занятия в них проходили не ежедневно. Основными предметами являлись Закон Божий, чтение, письмо, три действия арифметики и церковное пение, где это было возможно (ст. 3).

Несмотря на то что в народные училища принимались все слушатели без различия сословий и вероисповедания (ст. 6), «наблюдение за

религиозно-нравственным направлением во всех начальных народных и воскресных училищах возлагается на местного приходского священника» (ст. 17)⁵.

Таким образом, в той или иной степени духовенство РПЦ было интегрировано во все начальные народные образовательные учреждения. Положение 1864 г. давало максимальные права духовенству для участия в деле народного образования, так как уравнивало в правах предоставления начального образования Министерство народного

просвещения и РПЦ. Существенное отличие состояло лишь в том, что школы министерства и земств финансировались из государственного бюджета, а церковные школы оставались на попечении приходов.

К 1862 г. количество ЦПШ существенно увеличивается (по сравнению с 1851 г. практически вдвое). И. Преображенский приводит отчеты о деятельности самых успешных епархий в деле народного просвещения, среди которых и Рязанская (табл. 2).

Таблица 2

Наименование епархии	Число школ в 1862 г.	Число учащихся		
		мальчики	девочки	итого
Киевская	1335	23 228	6112	29 340
Подольская	1241	18 822	4281	23 103
Волынская	1216	10 780	841	11 621
Тульская	1023	16 757	1223	17 980
Черниговская	841	13 384	2421	15 805
Рязанская	775	17 355	1751	19 106

Отличительной чертой ЦПШ Рязанской епархии является наличие крупных школ при меньшем их количестве. Это видно из сведений, представленных в табл. 2, где Рязанская епархия занимает шестое место по количеству школ, но третье – по численности обучающихся в них детей, немного уступая Подольской епархии, в которой количество школ почти в два раза больше, чем в Рязанской.

По сводным данным табл. 1 наблюдается существенное сокращение количества школ в 1861–1871 гг., во многом вызванное финансовыми сложностями, связанными с содержанием ЦПШ в приходе, которые, в свою очередь, были вызваны деятельностью Комиссии по составлению единых правил о порядке счетоводства, отчетности и ревизии, о которой мы упоминали выше. На данном этапе ЦПШ не всегда могли конкурировать с земскими школами ни в качестве организации учебного процесса, ни в его стоимости. Обучение в земской школе было бесплатным и не предполагало какой-либо финансовой отдачи, в то время как обучение в ЦПШ осуществлялось за счет прихода и, следовательно, за счет средств каждого из прихожан.

Подобная тенденция продолжилась и в последующее десятилетие: в 1871 г. существовала 10 381 школа, а в 1881 г. – 4440. Этот спад может объясняться, с одной стороны, скудным состоянием приходов и, соответственно, прихожан, связанным во многом с Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., а с другой – введением в 1873 г. новых штатов для приходов, в соответствии с которыми в 18 преобразованных епархиях состав причтов уменьшился на 14 701 лицо. Количество приходов сократилось на 20%, общее число ду-

ховенства на 38%, число священников – на 10%. Данная реформа существенно ослабила всякую деятельность прихода, в том числе и образовательную. Таким образом, в 70-е гг. XIX в. часть церковно-приходских школ перешла в ведение Министерства народного просвещения и общее их количество сократилось более чем вдвое.

Однако в данных за 1881 г. мы видим значительное увеличение количества школ, с 4440 до 24 502, а также контингента обучающихся с 106 385 до 743 400 человек (см. табл. 1). Количество школ и обучающихся в течение десятилетия увеличилось почти в 7 раз, преодолев лучшие показатели 1861 г. и по количеству школ, и по численности контингента.

Анализ деятельности Министерства народного просвещения за 20 лет по организации начального общего образования показал, что достигнутые результаты недостаточны. К. П. Победоносцев утверждал, что пока государственное дело народного просвещения было в руках министерства, его развитие проходило слишком медленно. В частности, по данным Министерства внутренних дел, в Российской империи в 1880 г. количество детей в возрасте от 7 до 14 лет составило 12 837 850 человек, и лишь 1/10 из них посещали начальную школу: из 100 мальчик только 13 посещали школу, а из 100 девочек – только 3.

Таким образом, в 1884 г. были изданы «Правила о церковно-приходских школах», по которым создавались одноклассные (2-годичные) и двухклассные (4-годичные, с начала XX в. – 3-годичные) церковно-приходские школы. В одноклассных изучали Закон Божий, церковное пение, письмо, арифметику, чтение. В двухкласс-

ных школах, кроме этого, изучалась история. Этот документ устанавливал учебный план и программы церковно-приходской школы как основной формы обучения крестьянских детей. Соответственно деятельность церковно-приходских школ поддерживалась государственными

ассигнованиями вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Государственная поддержка церковно-приходских школ дала мощный толчок к их открытию, что видно из табл. 3, отражающей рост количества ЦПШ в Рязанской епархии за 1883–1893 гг.

Таблица 3

Год	Количество ЦПШ	Год	Количество ЦПШ	Год	Количество ЦПШ
1883	39	1887	258	1891	455
1884	88	1888	306	1892	512
1885	108	1889	378	1893	577
1886	146	1890	436		

Обратим внимание на показатель 1893 г. – 577 ЦПШ (259 – ЦПШ, 318 – школы грамотности) – и сопоставим его с общим количеством церквей в Рязанской епархии в 1893 г. – 1034. Таким образом, при более чем половине церквей епархии имелись ЦПШ разного уровня. Хотя показатели 1861 г. в Рязанской епархии не были достигнуты (1861 г. – 775 школ, 1893 г. – 577 школ), но динамика их открытия при условии стабильного состояния империи обнадеживала.

В Российской империи к 1893 г. было построено более 10 000 школьных домов, действовало 30 000 школ, в которых обучалось около 900 тыс. детей⁶. Образовательное направление социального служения РПЦ в приходе, кроме ЦПШ, реализовывались также в открытии библиотек, воскресных школ, деятельность лекторов.

На епархиальном уровне решающее значение в деле народного просвещения имела деятельность разнообразных братств, состоящих в основном из мирян православного исповедания, нередко во главе с представителем духовенства. Братства занимались миссионерской, просветительской, благотворительной деятельностью. В соответствии со статистикой в 1893 г. в Российской империи существовало 159 православных братств⁷. Всероссийскую известность приобрело рязанское миссионерское братство в честь св. Василия Рязанского⁸, в своих отчетах отразившее количественный и качественный уровень сектантских групп, а также пути его снижения в Рязанской епархии с середины XIX в. вплоть до 1918 г., когда братство прекратило свое существование. Братство во имя св. Василия Рязанского осуществляло мониторинг и анализ сведений о группах сектантов в Рязанской епархии, проводило разъяснительные беседы с прихожанами храмов епархии, издавало миссионерскую литературу.

Обращает на себя внимание социальное служение РПЦ во время неурожая и эпидемий, особенно в контексте деятельности Рязанского губернского благотворительного комитета (РГБК)⁹. РГБК был учрежден для оказания помощи населению, пострадавшему от неуро-

жаев 1891–1893 гг., которые повлекли за собой вспышку холеры в губернии. Его возглавила супруга губернского предводителя дворянства Екатерина Николаевна Муромцева¹⁰. В 1891 г. был учрежден Рязанский епархиальный комитет по сбору и распределению пожертвований в пользу пострадавших от неурожая¹¹, который занимался, по преимуществу, организацией горячего питания в школах и в приходе. Возглавил его архиепископ Рязанский и Зарайский Феоктист. Поле деятельности епархиального комитета точно ограничивает Мясоедов, который в своем рапорте в Михайловский уездный комитет от марта 1892 г. поясняет, что «заботам (епархиального) комитета подлежат все учащиеся во всех школах, какого бы наименования они ни были, то есть земские, министерские, церковно-приходские, грамотности»¹². Организовать ежедневное, даже одноразовое горячее питание в школе и в приходе было довольно объемной задачей, с которой духовенство в общем успешно справлялось. Данные об открытых в уездах школьных столовых (с горячей пищей) по сведениям от 29 марта 1892 г. представлены в табл. 4¹³.

В течение пяти месяцев количество бесплатных столовых с горячей едой для учащихся увеличилось с 4 до 126, а количество обучающихся, имеющих возможность там питаться, со 110 до 7522 человек. Естественно, что такие темпы требовали от устроителей столовых немалых административных и финансовых усилий. Однако устройство подобных столовых в сельских школах, подбор добровольцев, организация доставки и приготовления пищи ложились на плечи сельских священников.

Фонд журналов заседаний РГБК содержит доклад члена РГБК Н. В. Радова, сопровождавшего уполномоченного Особого комитета действительного советника Н. Н. Беру в его поездке по Рязанской губернии. Н. В. Радов пишет: «Я объехал разные места Рязанской губернии, пострадавшие от неурожая прошлого года, и в настоящее время считаю долгом доложить Комитету, что в общем я получил совершенно удовлетворительное впе-

Таблица 4

Уезд	1891				1892						Итого	
	Ноябрь		Декабрь		Январь		Февраль		Март			
	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.	ст.	уч.
Сапожковский	–	–	–	–	3	175	3	130	25	1818	31	2123
Рязский	2	47	2	120	5	287	4	215	18	994	31	1663
Раненбургский	–	–	1	45	3	208	1	83	27	1654	32	1990
Данковский	–	–	–	–	–	–	–	–	7	250	7	250
Скопинский	2	63	1	–	7	383	4	191	10	791	24	1428
Пронский	–	–	–	–	–	–	–	–	1	68	1	68
Итого	4	110	4	165	18	1053	12	619	88	5575	126	7522

Примечание: ст. – количество открытых столовых в уездах, уч. – количество учащихся, получающих горячее питание.

чатление относительно постановки в уездах благотворительной деятельности»¹⁴. Этим, собственно, и занимался епархиальный комитет.

Епархиальный благотворительный комитет содержался за счет средств РГБК, а также на пожертвования светских и духовных лиц¹⁵. Регулярно приходили пожертвования от Архиерейского дома (кружечный сбор), Спасского монастыря, Николо-Радовицкого монастыря, Солотчинского монастыря, Сергиевской женской общины.

С. И. Манухин, составивший в 1891 г. «Краткий обзор Рязанской благотворительности», пишет: «Рязань как город объявляет желать много лучшего и не только не выделяется из ряда обыкновенных губернских городов, а даже большинству значительно уступает; но я нисколько не ошибусь, если скажу, что немногие из ее собратьев имеют возможность сравниться с нею развитием благотворительности. В Рязани, например, к началу 1891 г. всех благотворительных обществ насчитывается до десяти; и ближайшее участие в этих обществах принимают господин рязанский губернатор Д. П. Кладишев, губернский предводитель дворянства Л. М. Муромцев, архиепископ Рязанский и Зарайский Феокист»¹⁶.

Таким образом, в исследуемый период РПЦ достигла существенных результатов в области народного образования и социальной поддержки населения. РПЦ принимала активное участие в становлении дела народного просвещения на уровне прихода, непременно безвозмездно участвуя в государственных инициативах, например в учебном процессе земских школ, а также самостоятельно организуя учебные учреждения начального общего образования. В области решения социальных задач в приходе организовывались церковно-приходские попечительства, в круг обязанностей которых входила забота о бедных, вдовах, сиротах, больных и так далее. Кроме того, ЦПП укрепляли связи между прихожанами и духовенством, активизировали гражданскую активность прихожан. Не менее важным является образование на уровне епархии разнообразных братств, в том числе тех, главной целью которых

была благотворительность. На официальном уровне сложно разграничить деятельность церковных и государственных структур, особенно во время бедствий и голода, так как в светские комиссии непременно входило духовенство, и наоборот. Ярким примером тому служит взаимодействие в преодолении последствий неурожая в 1893–1895 гг. в Рязанской епархии.

Обобщая опыт социальной деятельности Рязанской епархии в конце XIX – начале XX в., можно с уверенностью сказать, что социальное служение РПЦ являлось катализатором социальной активности мирян, укрепляло связи между духовенством и прихожанами, «провоцировало» появление и развитие русского меценатства, способствовало улучшению образования детей и решению социальных задач того времени.

Примечания

- 1 См.: *Зубанова С. Г.* Христианизация государственного, общественного и частного благотворительного служения и жертвенности в XIX веке под влиянием Русской Православной Церкви // *История государства и права.* 2009. № 23. С. 11–14.
- 2 *Отечественная церковь по статистическим данным // Оренбургские епархиальные ведомости.* 1898. № 1. С. 20. Цит. по: *Кротков М. В.* Благотворительная деятельность церковно-приходских попечительств на территории Оренбургской епархии во вт. пол. 19 – нач. 20 вв. // *Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / ком. Адм. Оренб. обл. по делам национальностей и связям с религ. орг. и др. / под общ. ред. В. В. Амелина.* Оренбург, 2004. С. 84–89.
- 3 Цит. по: *Преображенский И.* Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. СПб., 1897. С. 79.
- 4 Там же. С. 122.
- 5 *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.* СПб., 1876. Т. 3. С. 1342–1350.
- 6 См.: *Преображенский И.* Указ. соч.
- 7 См.: *Папков А.* Церковные братства. СПб., 1883. С. 14–15.

- ⁸ Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО). Ф. 975. Оп. 1 Ед. хр. 138.
⁹ ГАРО. Ф. 897. Оп. 1. Ед. хр. 53.
¹⁰ См.: Благотворительные учреждения города Рязани // Календарь и справочный указатель Рязанской губернии на 1884 год (високосный). Рязань, Типография наследников З. П. Поздняковой, 1883. С. 118–121.
¹¹ ГАРО. Ф. 1125. Оп. 1. Ед. хр. 3.
¹² С развитием школьного народного образования были открыты школы, содержащие или земствами, или

Министерством образования, или в совместном с духовенством ведении. Церковно-приходские школы содержались за счет прихода, располагались в его помещениях. ГАРО. Ф. 897. Оп. 1. Л. 30.

- ¹³ Там же. Л. 61.
¹⁴ Там же. Л. 61.
¹⁵ Там же. Л. 70.
¹⁶ Манухин С. И. Краткий обзор Рязанской благотворительности // Рязанский альманах. Рязань, 1891. С. 13–14.

УДК 355.23(09)

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В. Ю. Новожилов

Главное командование внутренних войск МВД России, Москва

E-mail: skripnikov@pisem.net

Статья представляет собой краткий экскурс в историю военного образования в России с XVIII в. В статье рассматривается, под влиянием каких факторов эволюционировала военно-образовательная мысль, как она приспособлялась к обстоятельствам и какое влияние они, в свою очередь, оказывали на совершенствование процесса профессионального воспитания русских офицеров. Пристальное внимание уделено подготовке командиров для внутренних войск. Дается общая справка о том, в каких учебных заведениях готовились для них кадры, какие ставились образовательные задачи и как они решались в зависимости от политических обстоятельств.

Ключевые слова: военные училища, военно-учебные заведения, внутренние войска, офицерские кадры, слушатели, курсанты.

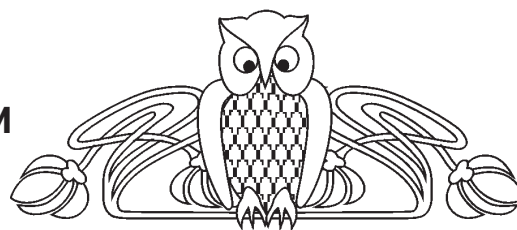
From the History of the Officers Training for the Internal Troops of the Interior in Russia

V. Yu. Novozhilov

The article gives detailed information of military education in Russia since the 18th century. The author presents the development of military education, the way it suited to different circumstances and the influence of the latter on the process of Russian officers' professional upbringing. A special attention is given to the commanders of the Internal Troops training. The goals and the tasks of education depending on the political circumstances, the ways they have been solved, are discussed. The preparation of the military staff in educational institutions is also discussed.

Key words: military schools, education military institutions, internal troops, officer staff, cadets, academy students.

Система подготовки военных кадров для русской армии ведет свое начало с 1698 г., когда по инициативе Петра I были открыты артиллерийская и пехотная школы в Москве и мореходная школа в Азове. В годы Северной войны (1700–1721 гг.) в связи с необходимостью подготовки офицерских кадров возникли специаль-

ные военно-учебные заведения – Артиллерийская и Инженерная школ в Санкт-Петербурге, Хирургическая и Инженерная школы в Москве, а в правление Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) – Сухопутный и Морской шляхетские кадетские корпуса, готовившие офицеров для всех родов войск. Военно-учебные заведения, имевшие сословный характер, были призваны обеспечить основательную общеобразовательную подготовку учащихся, что позволяло бы им успешно осваивать военные и военно-специальные знания и впоследствии применять их на практике. В ходе обучения ставились две цели – общеобразовательная, то есть вооружение обучаемых необходимыми практическими знаниями, которые являлись основой военного образования и должны были совершенствоваться в ходе дальнейшего обучения или службы, и воспитательная, направленная на формирование у обучаемых православных нравственных ценностей, любви к вере, царю и Отечеству. Именно в это время в военном образовании обозначилась и стала четко доминировать гуманитарная составляющая, определяющая организацию, содержание, формы и методы обучения и воспитания офицеров.

В начале XIX в. в военном образовании снизилось качество общеобразовательной подготовки. Это было связано с изменениями в требованиях, предъявляемых к офицерам. В Уставе 1816 г. они были определены следующим образом: «...офицеру необходимо было знать только то, что предписано в школе рекрутской, в учениях ротном и батальонном... Офицер, знающий как командовать и совершенно объяснять все, что заключается в сих трех учениях, почитается офицером, свое дело знающим»¹. Подобная ситуация сохранялась до середины XIX столетия.

В ходе военных реформ, проведенных в 1860–1870-х гг., особое внимание было уделено

совершенствованию системы военного образования. В результате активной работы, проведенной Главным управлением военно-учебных заведений, к 1914 г. в Российской империи была создана достаточно стройная система подготовки военных кадров, которая заключалась в последовательном становлении офицера: военные гимназии и прогимназии (кадетские корпуса) – юнкерские училища – офицерские школы – военные академии. Главная цель и задача военно-учебных заведений заключалась «в поддержании и развитии духовных способностей, в умении владеть подчиненными, затем в преподавании умения работать, ценить обстановку и затем лишь в снабжении запасом полезных знаний»².

Следует отметить, что система подготовки офицерских кадров в России в это время представляла собой не только ряд образовательных ступеней, но и комплекс теоретических, организационных, практических и методических мероприятий, направленных на обучение, воспитание, развитие, укрепление морального духа и самообразование будущих офицеров в военно-учебных заведениях и непосредственно в войсках. В это же время в учебные программы военно-учебных заведений было введено изучение основ психолого-педагогических знаний. Специального предмета не было, но в рамках цикла военных дисциплин изучались факторы, воздействующие на психику военнослужащих, психическое состояние в разные моменты боя, массовые явления психоза, а в рамках общеобразовательного цикла – вопросы адаптации военнослужащих к условиям службы, социальные отношения в военной среде и др.³

С началом Первой мировой войны произошла коренная перестройка военного образования, оказавшая существенное влияние на качество подготовки офицеров: был прекращен набор в военные академии и произведен досрочный выпуск офицеров, юнкерские училища были переведены на ускоренный (3–4-месячный для пехоты, 6–8-месячный для кавалерии, артиллерии и инженерных войск) срок обучения, были открыты новые краткосрочные военно-учебные заведения по подготовке офицеров военного времени – школы прапорщиков.

Создание в 1918 г. Красной армии и войск вспомогательного назначения (в 1919 г. сведенных в войска внутренней охраны (ВОХР), а с 1920 г. реорганизованных в войска внутренней службы (ВНУС)), обеспечивавших охрану тыла государства в годы Гражданской войны, потребовало в короткие сроки организовать подготовку командных кадров. Она проводилась на краткосрочных курсах и в военных школах, созданных на базе бывших военных училищ. В феврале 1918 г. было открыто 13 ускоренных командных курсов, а к 1920 г. – уже более 150 военно-учебных заведений. В основу подготовки была

положена программа военных училищ русской армии, ориентированная на краткосрочное обучение. Структура учебного плана при необходимости позволяла прерывать учебный процесс и проводить выпуск хорошо подготовленных командиров отделений, а при полном объеме подготовки – командиров взводов.

Обучение строилось на минимализации содержания и оптимизации деятельности обучаемых по его усвоению за счет практических занятий, на которые отводилось не менее 60–65% учебного времени⁴. Основными методами обучения были наглядный, лабораторный, вопросно-ответный, а при строевом и полевом обучении – показной⁵. Всего в 1918–1920 гг. военно-учебными заведениями было подготовлено более 60 тыс. командиров, часть из которых была направлена в войска ВЧК–ВОХР–ВНУС⁶. С 1921 г. начинается складываться самостоятельная система подготовки кадров для войск ВЧК–ГПУ. На основании приказа заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта от 14 июля 1921 г. «Об организации школ для подготовки комсостава» были созданы три типа школ: для переподготовки командиров рот, батальонов и командного состава штабов, для подготовки штабных работников, для подготовки помощников командиров взводов и командиров отделений⁷. В 1920–1930-е гг. продолжилось расширение сети военно-учебных заведений, осуществлявших подготовку командных кадров для войск ОГПУ. Так, в 1923 г. была создана Высшая пограничная школа. В 1930–1932 гг. были созданы аналогичные школы в Новом Петергофе, Харькове, Бабушкине и Саратове. 14 мая 1930 г. начала работу Ленинградская бронетанковая школа погранохраны и войск ОГПУ, в мае 1932 г. в Ростове открылась школа подготовки командно-политического состава, а с июня 1933 г. начало функционировать отделение погранохраны и войск ОГПУ при Институте физической культуры им. Лесгафта (30 человек)⁸.

В это же время были пересмотрены организация, содержание и методика обучения в военно-учебных заведениях, ориентированных на реализацию целевой установки по подготовке всесторонне обученного военного специалиста. Так, «Положение о нормальных школах погранохраны и войск ОГПУ», утвержденное приказом от 13 апреля 1932 г., определяло, что основная задача этих школ заключается в подготовке лиц среднего начальствующего состава для пограничной охраны и войск ОГПУ (помощник начальника заставы, помощник командира взвода). К каждому командиру, выпущенному школой, предъявлялись следующие требования: наличие сильных волевых качеств и умение управлять современным сложным боем, умение руководить военно-политической и специальной подготовкой, воспитанием красноармейцев и

младшего командного состава взвода (заставы), обладание необходимыми знаниями и умениями для конкретного руководства всеми видами боевой работы красноармейца и вверенного подразделения в целом. В течение двух лет обучения в школе курсанты должны были в одинаковой мере овладеть знаниями и умениями для командования как пехотными, так и кавалерийскими подразделениями в частях погранохраны и войск ОГПУ⁹. Поэтому особое внимание обращалось на организацию учебного процесса и проведение стажировки курсантов в войсках. В апреле 1937 г. военные школы НКВД были преобразованы в военные училища¹⁰. Однако в связи с увеличением численности внутренних войск в конце 1930-х гг. они не могли полностью удовлетворить потребности в кадрах, поэтому были приняты меры по их расширению. Всего к началу 1941 г. командные, политические, инженерно-технические и интендантские кадры для войск готовились в 11 военно-учебных заведениях.

Начало Великой Отечественной войны потребовало перестройки работы военно-учебных заведений войск НКВД. В военных училищах были сокращены сроки обучения личного состава. Для переподготовки командно-начальствующего состава, призванного из запаса, а также лиц, назначенных на командные должности, была создана сеть курсов переподготовки и усовершенствования со сроком обучения 3–4 месяца. За годы войны на таких курсах прошло переподготовку более 5 тыс. человек¹¹. Сокращение сроков обучения потребовало проведения интенсификации обучения, которая достигалась за счет использования активных форм и методов обучения, исключения методов группового обучения, внедрения в содержание способов деятельности, моделирующих реальные ситуации боевых действий, обеспечивающих формирование умений в управлении взводом, ротой и батальоном. В результате максимального сокращения содержания обучения все дисциплины, изучаемые в военно-учебных заведениях, были сведены в единый комплекс: из учебных планов были исключены общеобразовательные предметы, социально-экономические дисциплины были объединены в одну (политическая подготовка), проведено усреднение военных и военно-технических дисциплин. Все это позволило в короткие сроки сконцентрировать содержание предметов обучения на конкретных боевых аспектах деятельности командиров.

Перелом в ходе Великой Отечественной войны обусловил перевод военно-учебных заведений на более продолжительные сроки обучения. С 1 декабря 1942 г. все военно-технические, а с 1 июля 1943 г. и общевойсковые академии перешли на довоенные сроки обучения слушателей. В соответствии с приказом от 27 февраля 1943 г. военные училища войск НКВД перешли на двухгодичный срок обучения курсантов. После

окончания войны вновь встал вопрос об определении эффективных содержания, организации и методики обучения в военно-учебных заведениях. Причиной этого стали возможность обеспечения полноценного военного образования, а также низкий общеобразовательный уровень обучаемых. В связи с этим была осуществлена перестройка системы подготовки кадров внутренних войск. В военно-учебных заведениях были не только восстановлены, но и увеличены довоенные сроки подготовки курсантов и слушателей. Совершенствовалась методика учебно-воспитательной работы, принимались меры по развертыванию сети заочного обучения офицеров. Всего по состоянию на 1 января 1946 г. кадры для войск НКВД готовили 16 военно-учебных заведений, в том числе 6 школ усовершенствования офицерского состава, 8 военных и 2 суворовских училища¹².

Многочисленные реорганизации внутренних войск, проведенные в конце 1950 – начале 1960-х гг., отрицательно сказались на подготовке офицерского состава. Был упразднен факультет войск МВД в Военной академии им. М. В. Фрунзе, прекратили существование Военный институт МВД, суворовские училища МВД и ряд других военно-учебных заведений. Руководство военными училищами в этот период осуществлял отдел (управление) учебных заведений МВД, который слабо учитывал их специфику, что приводило к снижению качества подготовки военных кадров. Новый пик активности подготовки военных кадров в системе военно-учебных заведений внутренних войск МВД СССР пришелся на вторую половину 1960-х гг. Этому способствовала передача в апреле 1969 г. руководства военно-учебными заведениями из управления учебных заведений МВД в Главное управление внутренних войск¹³. В системе МВД начинают формироваться высшие учебные заведения. Так, в 1968 г. на базе Ленинградской военно-политической школы было создано Высшее политическое училище МВД СССР, где был организован военно-политический факультет внутренних войск для подготовки офицеров-политработников ротного звена. С 1973 г., наряду с Высшим политическим училищем, квалифицированные кадры для внутренних войск стали готовить Новосибирское, Орджоникидзевское, Саратовское высшие военные командные училища МВД СССР и Харьковское высшее военное училище тыла МВД СССР¹⁴.

Для улучшения обеспечения учебного процесса со слушателями – военнослужащими внутренних и пограничных войск с 1 июня 1974 г. в Военной академии им. М. В. Фрунзе были созданы факультет пограничных и внутренних войск и две специальные кафедры. В сентябре 1978 г. аналогичный факультет был открыт в Военно-политической академии им. В. И. Ленина. С 1981 г. подготовка и переподготовка специ-

алистов ИТСО для внутренних войск стала проводиться в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. Для подготовки научно-педагогических кадров для внутренних войск ежегодно выделялись места в адъюнктуре Военно-политической академии им. В. И. Ленина и Военной академии им. М. В. Фрунзе. Всего в 1981 г. подготовка офицерских кадров для внутренних войск проводилась в 5 высших военных училищах МВД СССР и 23 военно-учебных заведениях Министерства обороны СССР¹⁵. Это позволяло поддерживать укомплектованность офицерских кадров внутренних войск МВД СССР на протяжении 1980-х гг. на уровне 90–92%.

В 1980-е гг. учебный процесс в военно-учебных заведениях внутренних войск МВД СССР был направлен на «усиление практической направленности обучения и воспитания выпускников, формирование у них высоких профессиональных качеств»¹⁶. В соответствии с этим командованием войск было определено два направления решения этой задачи: 1) повышение профессионального уровня и методического мастерства преподавательского состава и 2) совершенствование предметно-методической и учебно-материальной (прежде всего полевой) базы. Одновременно в программу обучения вводились новые предметы, в составе военно-учебных заведений открылись кафедры: в 1982 г. – военной педагогики и психологии, в 1991 г. – автомобилей и боевых машин, а также математических и естественно-научных дисциплин¹⁷. Реформирование внутренних войск МВД России, проведенное в 1990-е гг., коснулось и военно-учебных заведений. В 1997 г. высшие военные командные училища в Саратове, Новосибирске, Владикавказе, Перми (по подготовке специалистов автобронетанковой службы, артиллерийского вооружения и кинологической службы), факультет подготовки кадров для внутренних войск при Санкт-Петербургском университете МВД России были преобразованы в военные институты. Срок обучения во всех вузах увеличился с 4 до 5 лет. Обучение стало осуществляться по новым программам. Курсанты получали основательную правовую подготовку и по окончании учебы – диплом юриста, а в Пермском военном институте – диплом инженера-механика или инженера-технолога¹⁸.

Одновременно с этим продолжалась подготовка специалистов для внутренних войск в системе высших военно-учебных заведений Министерства обороны – Общевойсковой академии им. М. В. Фрунзе, Военном университете и др. По состоянию на 2010 г. система подготовки офицерских кадров для внутренних войск России включала в себя 5 военно-учебных заведений внутренних войск, 3 военных учебно-научных центра Министерства обороны, 2 военно-учебных заведения ФСБ, которые

готовили офицеров для внутренних войск по 115 военно-учетным специальностям¹⁹. Для подготовки педагогических и научных кадров в Санкт-Петербургском военном институте внутренних войск в 2002 г. была создана адъюнктура, а к 2008 г. она функционировала во всех военно-учебных заведениях внутренних войск. С 2010 г. начал свою деятельность совет по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском военном институте. В 2011 г. в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации военные образовательные учреждения высшего профессионального образования внутренних войск России перешли на подготовку специалистов по федеральным государственным образовательным стандартам третьего поколения. Одновременно с этим в рамках реформирования системы военного образования была прекращена подготовка специалистов в Северо-Кавказском военном институте внутренних войск.

Таким образом, исторический опыт подготовки военных кадров для внутренних войск МВД России свидетельствует о том, что на всех этапах развития внутренних войск военно-учебные заведения готовили высококвалифицированных и грамотных специалистов, способных выполнять поставленные служебно-боевые задачи. В настоящее время продолжается совершенствование имеющейся системы подготовки военных кадров внутренних войск и повышение научного потенциала профессорско-преподавательского состава военных институтов внутренних войск с целью улучшения качества образовательного процесса.

Примечания

- 1 Цит. по: *Морозов Н. А.* Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи Наполеоновских войн и времен плац-парада // *Российский военный сборник*. Вып. 17. Офицерский корпус русской армии. М., 2000. С. 147.
- 2 Цит. по: *Режепо П. А.* Офицерский вопрос в начале XX в. // Там же. С. 104.
- 3 См.: *Березовский*. Инструкция по учебной части юнкерских училищ. СПб., 1901. С. 224.
- 4 См.: *Суворов А.* Преподавание военных наук в военно-учебных заведениях // *Военное знание*. 1924. № 2. С. 6.
- 5 *Авиновский Я. Л.* Советские военно-учебные заведения за 4 года (1918–1922 гг.). М., 1922. С. 8.
- 6 *Некрасов В. Ф.* На страже интересов Советского государства. М., 1983. С. 402.
- 7 См.: *Внутренние войска Советской республики (1917–1922 гг.): Документы и материалы*. М., 1975. С. 271.
- 8 См.: *Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М.* История строительства внутренних войск (1917–1945 гг.). Краткий очерк. М., 1978. С. 128.

- ⁹ См.: Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства (1922–1941 гг.) : Документы и материалы. М., 1977. С. 317.
- ¹⁰ Из истории советских пограничных войск (1935 г. – июнь 1941 г.). М., 1973. С. 164.
- ¹¹ Некрасов В. Ф. Указ. соч. С. 420.
- ¹² Российский государственный военный архив. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 38. Л. 142–143.
- ¹³ Центральный архив внутренних войск. Ф. 94. Оп. 1. Д. 191. Л. 303.
- ¹⁴ См.: История внутренних войск МВД России : в 5 т. М., 2011. Т. 4. Ч. 2. С. 203.
- ¹⁵ Там же. С. 205.
- ¹⁶ ЦАВВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 190. Л. 112.
- ¹⁷ История внутренних войск МВД России. Т. 4. Ч. 2. С. 230–231.
- ¹⁸ Внутренние войска. Исторический очерк. М., 2007. С. 208–209.
- ¹⁹ История внутренних войск МВД России. Т. 5. С. 250.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 738+904+7.032(38.27)+930.253

КОРИНФСКИЕ И ИТАЛО-КОРИНФСКИЕ ВАЗЫ В «КАТАЛОГЕ ДРЕВНОСТЕЙ КАВАЛЕРА ПИЦЦАТИ»

А. Г. Букина

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
E-mail: bukina@genuinepearl.spb.ru

В Архиве Государственного Эрмитажа хранится «Каталог знаменитой коллекции древних итало-греческих ваз, стекла, терракот и бронз, принадлежащих Господину Кавалеру Пиццати». Рукопись составлена около 1833 г. выдающимся неаполитанским антикваром и знатоком античного искусства Р. Гарджуло. Статья посвящена анализу каталожных карточек, в которых описаны коринфские и итало-коринфские вазы. Они представляют собой один из самых ранних примеров интерпретации сосудов указанных групп в европейской специальной литературе.

Ключевые слова: каталог античных ваз, коринфские расписные вазы, итало-коринфские расписные вазы, Рафаэле Гарджуло, Антонио Пиццати, Государственный Эрмитаж.

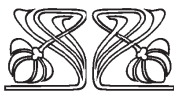
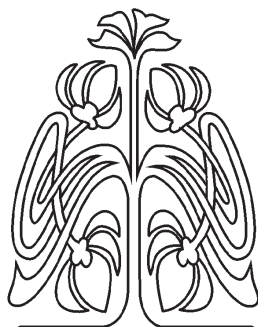
Corinthian and Italo-Corinthian Vases in the «Catalogue of Classical Antiquities Possessed by Cavaliere Pizzati»

A. G. Bukina

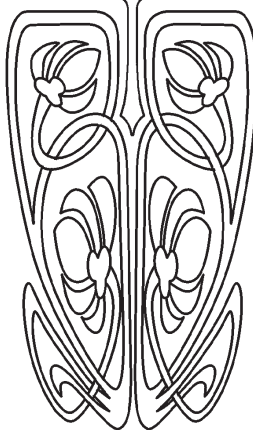
This article deals with one manuscript in the archive of The State Hermitage museum. It is entitled "Catalogo della cospicua collezione de'Vasi antichi Italo-greci, de' vetri, delle terre cotte e de' bronzi di proprieta del Sig. Cav. Pizzati". The piece has been written ca 1833 by the outstanding Neapolitan antiquarian and connoisseur Raffaele Gargiulo. The author of present article considers the entries on the Corinthian and Italo-Corinthian vases. These texts give us an idea, how the pieces of this kind have been described and interpreted during the early period of its collecting and study.

Key words: catalogue of ancient vases, Corinthian, Italo-Corinthian, Raffaele Gargiulo, Antonio Pizzati, The State Hermitage museum.

В Архиве Государственного Эрмитажа (АГЭ) недавно была исследована рукопись, поступившая туда, по-видимому, около 1850 года. Это «Каталог знаменитой коллекции древних итало-греческих ваз, стекла, терракот и бронз, принадлежащих Господину Кавалеру Пиццати»¹. В каталоге описано собрание произведений античного художественного ремесла (около тысячи расписных и чернолаковых глиняных ваз и около тысячи других памятников – глиняных светильников, терракот, мелких бронз и сосудов из алебаstra). Оно было приобретено русским Кабинетом в 1834 г., когда владелец доставил его из Неаполя в Петербург. В начале 1830-х гг. доктор Джузеппе Антонио Пиццати служил личным врачом при русском посланнике в Риме² и Неаполе³ графе Н. Д. Гурьеве. Кроме того, судя по сохранившимся документам и мемуарам, в Италии Пиццати поддерживал знакомства среди высокопоставленных русских путешественников и дипломатов⁴. Очевидно, эти связи в конце концов способствовали тому, что коллекция Пиццати переместилась в Петербург. Она стала первым крупным собранием подобного рода, ввезенным в Россию, и впоследствии, с организацией публичного художественного музея в здании Нового Эрмитажа, была помещена там. Вазы Пиццати составили основу экспозиции в «Зале раскрашенных ваз»⁵ и эрмитажного собрания античных ваз в целом⁶. Из этой коллекции поступили многие ценнейшие экспонаты, значительная часть лучших аттических и южно-италийских расписных ваз и этрусских сосудов группы буккоро.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Кроме того, сейчас в Эрмитаже хранится около четырех десятков принадлежавших Пиццати коринфских и итало-коринфских ваз VII–VI вв. до н. э., о которых и пойдет речь в нашей статье.

Каталог собрания представляет значительный интерес прежде всего в практическом отношении. По содержащимся в нем описаниям мы смогли идентифицировать ряд экспонатов, которые за последние полтора столетия утратили свою идентичность в отношении происхождения. Велика также общая историографическая ценность рукописи. В той части, которая касается расписных ваз, она представляет собой один из самых ранних в европейском искусствоведении специализированных вазовых каталогов. Характерные для этого документа манера описания и общее представление о греческих вазах – и специально о вазах, которые сейчас определены как изделия коринфской и итало-коринфской групп, – весьма показательны в том смысле, что дополняют наши знания о начальном этапе изучения этих групп античной керамики.

Коринф как центр гончарного производства был исключительно знаменит в древности. Во второй половине VIII–VI в. коринфяне изготавливали огромное количество разнообразных глиняных сосудов высокого качества, так что их изделия присутствуют (если не доминируют в числе) среди греческой керамики, которую находят при раскопках повсюду в древнем Средиземноморье⁷. Сосуды из коринфских гончарных мастерских можно расценивать как первый в истории Средиземноморья настоящий пример массовой художественной продукции, рассчитанной на экспорт⁸. У античных авторов вообще трудно найти сведения о глиняных изделиях, однако римский энциклопедист Гай Плиний Секунд записал предания о коринфских гончарах (Бутаде родом из Сикиона, который первым стал лепить изображения из глины⁹, и о мастерах-лепщиках, которые около середины VII в. до н. э. переехали в Италию и работали в области Лаций¹⁰). Современные археологические исследования позволяют составить более конкретную картину производства глиняных сосудов как в Коринфе¹¹, так и в Италии, где популярные на рынке коринфские вазы воспроизводили местные ремесленники¹².

В первой трети XIX века – на фоне значительного интереса к собиранию античных расписных ваз, прежде всего краснофигурных, которые затем были определены как аттические и южно-италийские V–IV вв. до н. э., – представления о более ранних греческих вазах только начинали складываться. Эти вазы (коринфские и итало-коринфские в том числе) уже присутствовали в коллекциях, но не находили должной оценки. Крупные музейные собрания античных ваз в рассматриваемое время находились на стадии формирования, и их каталоги были делом будущего, тем не менее традиция научного описания и каталогизации ваз уже считывала около ста пятидесяти лет¹³. Она пред-

полагала прежде всего объяснение изображений. Для автора, описывавшего экспонаты коллекции, в которой были вазы, важнее всего было раскрыть историко-литературные аллюзии, которые могли бы вызвать изображения на них, и затем показать общую эстетическую ценность изучаемых предметов. Неудивительно, что коринфские сосуды, в значительной степени украшенные анималистическими фризами или орнаментами, привлекали к себе не самый большой интерес. В отношении изучения «визуализированных мифов, сохраняющих статус поэзии, воплотившейся в живопись»¹⁴, они несомненно уступали краснофигурным сосудам со сложными сюжетными композициями. Именно такие вазы интересовали исследователей и коллекционеров прежде всего. Показательно в этом отношении одно обстоятельство, которое мы замечаем при чтении каталога коллекции Пиццати. В ряде случаев в нем указано, что фигуры в росписи черные, но никогда не отмечено, если речь идет о краснофигурной росписи. Это последнее, очевидно, разумеется само собой.

Тем не менее, как сказано выше, ранние греческие вазы, коринфские в том числе, уже имелись в собраниях – их тоже находили при раскопках в Италии и Греции и они обращались на европейском антикварном рынке. Впрочем, в коллекции Пиццати на более чем девять сотен расписных ваз приходилось около сорока коринфских и итало-коринфских. Вероятнее всего, эти предметы не представляли специального интереса при составлении коллекции и попали в нее по случаю.

Специальный интерес, по крайней мере к коринфским вазам, кажется, впервые проявился у знатоков в 1805 году. Тогда стало известно, что английский путешественник купил выдающийся по художественному качеству сосуд из светлой глины с характерной чернофигурной росписью, с сюжетным изображением, найденный в некрополе близ Коринфа¹⁵. Правда, еще и через пятьдесят лет в своем образцовом каталоге мюнхенского вазового собрания О. Ян отмечал лишь, что «Коринф доставляет до сих пор только сосуды древнейшего стиля со звериными фигурами и орнаментами или, редко, с мифологическими изображениями»; Ян упомянул одно собрание «коринфских ваз» – в Парижской библиотеке¹⁶. Наконец, уже в 1892 г. Э. Вилиш перечислил несколько известных ему коллекций (коринфских ваз или, в некоторых случаях, ваз, собранных на территории Коринфа и в его округе): в Афинах (Национальный музей и собрание Археологического общества при Политехникоме), в Париже (расширившееся собрание Парижской библиотеки), а также в Лондоне (Британский музей), Мюнхене и Берлине. Вилиш также сообщил, что общее число найденных в окрестностях Коринфа ваз к 1844 г. оценивалось в две тысячи¹⁷. Иными словами, приобретение коллекций ваз из коринфских раскопок и рост осознанного интереса к коринфским вазам как

таким происходили в европейской музейно-коллекционерской среде параллельно на протяжении XIX столетия. И то и другое отставало от аналогичных процессов в собирании аттических и италийских ваз более чем на полтора столетия.

Понимание того обстоятельства, что чернофигурные коринфские вазы (как с анималистической росписью, так и с сюжетными изображениями) производили в древности именно в Коринфе, было воспринято («почти без возражений»¹⁸) не ранее 1837 г. – после публикации работы Г. Крамера¹⁹. В момент написания каталога собрания Пиццати (очевидно, его следует датировать 1833 г., когда экспонаты были перевезены из Неаполя в Петербург) итальянские знатоки, исследователи и коллекционеры о коринфских глиняных сосудах в целом почти ничего не знали. Господствовало общее представление о «наиболее ранних вазах», «вазах древнейшего стиля», которые, в отличие от лучших чернофигурных и всех краснофигурных, производились не в Италии, а возможно, даже в Греции. Это положение можно проследить в эрмитажном документе.

Если мы обратимся к системе дат и центров производства ваз, отраженной в этом сочинении, то нужно отметить, что она имеет разительное сходство с соответствующей системой в книге неаполитанского антиквара и коллекционера, сотрудника Королевского музея, члена-корреспондента Археологического института в Риме со дня его основания Р. Гарджуло²⁰. И в самом деле, на первой странице эрмитажной рукописи можно прочесть: «NB Вазы настоящей коллекции были разделены согласно эпохам Профессором Гарджуло, в соответствии с его сочинением, опубликованным в 1831 году ...». Упомянутая книга называется «Краткие сведения о способах нахождения глиняных итало-греческих ваз, их изготовлении, наиболее выдающихся мастерских и развитии и упадке вазового искусства»²¹. Эта работа вышла в свет в 1831 г. в Неаполе. Таким образом, Гарджуло был автором эрмитажного каталога и, возможно, участвовал в формировании коллекции, которую Пиццати привез для продажи в Петербург, в качестве антиквара и реставратора. Добавим, что стилистические описания в эрмитажном документе очень схожи с аналогичными местами в личных письмах автора, опубликованных в последнее время и датированных 1830-ми годами²².

В книге Гарджуло суммированы доступные и распространенные в его время представления об античных вазах. Между прочим, автор основывается на том, что черно- и краснофигурные вазы производили в Южной Италии, и только наиболее древние и примитивные привозили, возможно, из Греции²³. Впрочем, вероятно, что и эти сосуды, коль скоро они найдены в Италии, в древности изготавливали из привозной глины на побережье Сицилии, Базиликаты и Этрурии, где позже возникли мастерские по производству ваз с черными фигурами²⁴. Те наиболее древние вазы

«первой эпохи», писал Гарджуло, «грубы по форме, и с изображениями почти только животных и в редчайших случаях с фигурами, обычно известны под именем египетских»²⁵. И в другом месте: «Высказано мнение, что, должно быть, это искусство в Греции было получено в наследство от Египта или Финикии, и мы оставляем за первой эпохой те разновидности ваз, которые обычно известны под именем египетских ваз»²⁶. Вот и в эрмитажном каталоге о чаше лаконского производства с изящным чернофигурным изображением всадника²⁷ сказано: «Еще чаша (tazza) или патера с высокой ножкой. Изображение древнее, исполнено в графитно-черном цвете, и, собственно, относится ко времени сразу после так называемых египетских ваз...»²⁸.

Если оставить теперь эту архаичную хронологическую и атрибуционную систему, нельзя не признать, что любая карточка из вазовой части каталога коллекции Пиццати демонстрирует исчерпывающую (именно с современной точки зрения) полноту и исключительную практическую направленность. Автор истолковывает сюжет, только когда считает изображение особенно ценным в отношении иконографии, а в остальных случаях описывает декор кратко, но с необходимыми подробностями. Материал представлен в виде таблицы, включающей графы с порядковым номером, описанием, размерами, указанием места находки, датировкой (распределение по «эпохам» производства), а также примечаниями, в которых описано состояние сохранности и отмечены особые стилистические или иные достоинства и приметы вазы (степень ее редкости, дефекты и несколько раз – известные автору аналогии).

Характеристика каждого памятника начинается с указания его формы. Термины, которые использованы для этого, соответствуют, в целом, итальянской терминологической традиции первой трети XIX в. и значительно отличаются от современных²⁹. Современная традиция, заложенная Т. Панофкой³⁰, требует применять к греческим вазам квазидревнегреческие слова, которые современные исследователи на тех или иных основаниях выводят из античных письменных источников³¹. Итальянская терминология, зафиксированная в каталоге коллекции Пиццати, очевидно, прямо происходит от профессионального словоупотребления местных антикваров. В этом случае в основном используются итальянские и латинские слова, есть и древнегреческие, перешедшие в латынь еще в античное время; встречаются многословные описательные обороты.

В первой карточке мы можем прочесть о вазе формы «lancella»³². Это коринфская чернофигурная амфора конца VII – начала VI в. до н. э. с анималистическим фризом на тулове³³. В каталоге декор сосуда представлен следующим образом: «Изображены в горизонтальной полосе, которая обегает вазу, пять животных, черным цветом, из них четыре четвероногих и одна птица». Нужно

отметить, что, кроме этого фриза, ваза также украшена полихромным узором из пурпурных и белых лепестков на плечиках; кроме того, во фризе, помимо фигур, имеется плотный заполнительный орнамент из розетт и других растительных элементов, однако орнаменты совершенно не важны для автора каталога. В двух следующих графах даны высота и «диаметр» вазы; используются неаполитанские меры первой трети XIX в. – «ладонь» (ок. 26,3 см) и «унция» ($\frac{1}{12}$ ладони)³⁴. Высота нашей амфоры – $\frac{9}{12}$, а «диаметр» (вернее, наибольший размер по горизонтали) – $\frac{7}{12}$. Затем указано, что ваза найдена в Ноле, известнейшем археологическом центре в Кампании, где в то время раскопки античного некрополя постоянно приносили огромное количество памятников вазописи всех «эпох». Далее следует датировка; Гарджуло относит амфору к первой эпохе. Наконец, в заключительной графе сказано, что «эта ваза была разбита, и произведена умеренная реставрация». В самом деле, недавние реставрационные исследования показали, что ваза была склеена из множества частей, части дополнены и поверхность ее была покрыта записями, чтобы замаскировать повреждения и склейку.

В тридцать второй карточке описана еще одна коринфская амфора (тоже «lancella»)³⁵. Это чернофигурная ваза³⁶, на каждой стороне которой в трапезиевидном клейме помещено по одной спокойной стоящей фигуре сирены с распахнутыми крыльями. В каталоге так и сказано, хотя и без упоминания клейм: «... с каждой стороны, Сирена или гарпия». Отметим, что, в отличие от предыдущей, в связи с этой амфорой ничего не сказано о том, что декор исполнен черной краской. Более подробно, чем роспись, не имеющая явного сюжета, охарактеризованы состояние сохранности амфоры и ее технологические особенности: «Лак частично покраснел от обжига, и ваза реставрирована». Эти детали важны потому, что они являются и индивидуальными приметами экспоната, и его качественными характеристиками, которые могут повлиять на коммерческую оценку.

Примечательно, что среди памятников интересующих нас групп, описанных Гарджуло, есть также две «anfoga»³⁷. В настоящее время такие сосуды называют амфорисками. Это небольшие парфюмерно-косметические вазы с более узкой, чем у амфор, нижней частью и с такими же, как у амфор, двумя ручками от горла до плечиков. Автор сообщил, что на одном из амфорисков изображены два четвероногих существа, две птицы и две гарпии³⁸, а на другом – три лебедя³⁹. Обе вазы относятся к первой эпохе, отмечены размер и хорошая сохранность предметов.

Сохранность следующего предмета определена как «прекраснейшая»⁴⁰. По форме это «чаша с единственной ручкой»⁴¹. В самом деле, речь идет о низкой широкой чаше с выпуклыми стенками, которые, загибаясь внутрь сосуда, сначала перекрывают сверху часть его вместительности, а затем

образуют небольшой прямой свес. Чаша имеет одну горизонтальную ручку-петлю с выступами по бокам, в целом напоминающую очертаниями прописную букву «ω». Для современных исследователей «сосуды такого типа раньше носили наименование кофон или племохоя. И. Шайблер удалось отождествить сосуды этой формы и их изображения в росписях ваз с описанием древнего лексикографа Поллукса, относящимся к сосуду под названием эксалейптрон»⁴². По сообщению Гарджуло, на сосуде изображены «восемь четвероногих животных»⁴³. Мы можем узнать здесь эксалейптрон, на котором сверху вокруг устья изображены в чередовании три фигуры козлов, четыре пантеры и бык⁴⁴.

Описывая те сосуды, которые сейчас называют пиксидами⁴⁵, Гарджуло различал несколько их разновидностей. Нельзя сказать, чтобы он был строго последователен в применении разных вариантов обозначения формы, но они таковы: «горшок», «горшочек», «горшок без ручек» («olla», «piccola olla»⁴⁶, «olla senza manichi»⁴⁷), «чаша с крышкой» («tazza con suo coverchio»), «ваза для снадобий» («vaso per pozione»), «урна», «урна с крышкой» («urna», «quasi urna con suo coverchio»). Наиболее подробное описание составлено для крупной коринфской пиксиды с округлыми стенками, тяжелым венчиком и кольцевым поддоном⁴⁸. Это, по сообщению автора, «почти урна с крышкой». Ваза украшена чернофигурной росписью с изображением льва и пантеры, которые стоят по сторонам от соединенных между собой четырех цветков лотоса; фон росписи заполнен большими розетками. В данном случае описание анималистической росписи в коринфском стиле более развернуто, чем в любом другом месте каталога: «Два тигра и разные арабески»⁴⁹. Причиной тому послужила, очевидно, основная орнаментальная композиция, которая занимает около четверти поверхности сосуда и которую в силу размеров автор счел важной приметой сосуда.

В трех карточках каталога представлены сосуды для питья. Один – «чаша с горизонтальными ручками. Изображены пять птиц в полосе, которая обходит вазу кругом»⁵⁰ – это котила, находящаяся уже более полувека в собрании Национального музея в Ереване; в Эрмитаже она считалась коринфской. Другой – «чаша с приподнятым устьем» («tazza con labro sporto in fuori»). В полосе, обтекающей вокруг вазы, изображены восемь птиц⁵¹ – это коринфский килик, по-прежнему хранящийся в Эрмитаже⁵². Наконец, в «чаше», на которой изображены четвероногое животное и птица⁵³, легко узнать эрмитажную коринфскую котилу с изображением козла и лебедя⁵⁴. Как и предыдущий экземпляр, она не отличается хорошей сохранностью и тщательно реставрирована. Тем не менее в соответствующей графе значится: «Целая». Иными словами, в данном случае, как и в целом ряде других, объективность эксперта уступила коммерческим соображениям антиквара,

но точность описания иных параметров экспоната (фигур в росписи, размеров, формы) не дает нам ошибиться при его идентификации.

Семь раз в рукописи упомянуты вазы коринфского и итало-коринфского производства, которые представляют собой крупные кувшины. Для автора они относятся к разряду «nasiterno». Это современные ойнохои – кувшины для вина и воды с особым трехлопастным венчиком. Шесть таких ваз можно идентифицировать как этрусско-коринфские или этрусские сосуды, украшенные орнаментом из поясков. Указано, что роспись нанесена черной краской⁵⁵. Седьмой памятник – одна из лучших ваз эрмитажной коллекции, чернофигурная ойнохоя с изображением битвы, в которой участвуют два всадника и два пеших воина, а также изображен слуга или пленник одного из них, припавший на колено⁵⁶. Все фигуры перечислены; форма обозначена как «большая ойнохоя» («*Nasiterno più grande*»)⁵⁷. Так же как в случае с упомянутой выше котилой, подробности тщательной реставрации вазы (склейки, грунт и сплошная запись на второстепенных частях, мелкие поновления на фигурах) от будущего покупателя в каталоге скрыты, ваза охарактеризована кратко: «Целая».

Все дальнейшие описания купленных у Пиццати ваз интересующих нас групп (всего около половины этих сосудов) относятся к небольшим контейнерам для благовонного масла. Скорее всего, в древности такие сосуды (их сохранилось много тысяч экземпляров, и это львиная доля известных изделий гончарных мастерских Коринфа) вывозили в Италию, заполнив благовониями⁵⁸. Коринфская косметика славилась в античной Греции и в колониях⁵⁹. В Италии коринфские сосуды парфюмерных форм имитировали, как и прочие. В коллекции Пиццати было несколько коринфских и итало-коринфских арибаллов, алабастров и лекифов. Для обозначения всех этих форм автор употребляет два основных термина – «унгвентарий» (*unguentario*, лат. от «мазь») и «бальзамарий» (*balsamario*, лат. от «бальзам»). При необходимости он уточняет эти слова, добавляя к ним определения.

Просто унгвентариями⁶⁰ названы три лекифа особой аттицизирующей формы. Все они датированы первой эпохой, то есть, по мысли Гарджуло, их следует считать древнейшими вазами, возможно, даже привезенными из Греции. Каждый лекиф украшен чернофигурной росписью. Изображения размещаются на тулове в прямоугольном клейме напротив ручки. Гарджуло сообщает, что на первом сосуде⁶¹ «с одной стороны изображены Иппогрифы и лебедь»⁶². Другой⁶³ – «той же формы, что и предыдущий. С одной стороны изображены две Сфинги и птица»; и в примечании сказано: «Целый, но покраснел от огня при обжиге»⁶⁴. То, что третья ваза⁶⁵, описанная через две страницы, должна быть рассмотрена вместе с двумя предыдущими, указано специально: автор отметил, что этот унгвентарий

подобен первому из описанных. Других настолько конкретных перекрестных ссылок в каталоге нет. Действительно, сейчас полагают, что все три вазы являются коринфскими изделиями, возможно, даже относятся к продукции одной мастерской. При этом последний сосуд уникален, поскольку до сих пор среди опубликованных коринфских аттицизирующих лекифов нет памятников с изображением людей, а здесь представлены танцовщики-комасты («четыре бегущие фигуры»⁶⁶). Наконец, особый интерес представляет состояние сохранности этой вазы. В каталоге сказано кратко: «Реставрирована». В действительности недавние технико-технологические исследования показали, что ваза была восстановлена с необычным мастерством. Весь сосуд склеен из мелких частей, и две из четырех фигур выполнены не средствами античной керамической технологии, а нарисованы в Новое время красками на основе органического связующего по толстому гипсовому грунту. Тем не менее на глаз, без помощи современных технических средств, определить, какие части росписи и самого сосуда древние, а какие относятся к XIX в., невозможно. Мастерство итальянского реставратора, его чувствование визуальных особенностей античной керамики и способность их имитировать поразительны. В связи с этим необходимо вспомнить, что Гарджуло был одним из самых значительных реставраторов античных ваз в Неаполе первой половины XIX столетия, если не основным авторитетом в этой области. Он начал подобную деятельность в 1801 г., шестнадцать лет от роду, когда поступил на Королевскую фарфоровую фабрику под начало мастера Б. Финати (по собственному выражению Гарджуло, «изобретателя реставрации этих ваз»)⁶⁷. Позже Гарджуло занимал ключевое место в «Мастерской по реставрации этрусских ваз» при неаполитанском Королевском музее, успешно совмещая это как с антикварной торговлей, так и с работой в качестве художника-керамиста. Иными словами, ничто не мешает предполагать, что реставрацию лекифа с комастами выполнил сам автор эрмитажного каталога.

Описанные далее шесть «унгвентариев пирамидальной формы»⁶⁸ – это аналогичные по форме и декору этрусско-коринфские вазы среднего размера (алабастры) с анималистическим декором⁶⁹. Как «унгвентарии без подставки» обозначены три других алабастра – такого же размера, как предыдущие, с «двумя иппогрифами»⁷⁰ – и два меньших (с изображением лебедя⁷¹ и с орнаментом из поясков⁷²). Остальные – небольшие флакончики-арибаллы. Пять арибаллов раннего типа с конусообразным туловом⁷³ описаны как «унгвентарии с самой маленькой базой». Кратко охарактеризован их декор: «рыбья чешуя»⁷⁴ (орнамент с гравированными по лаку чешуйками, каждая из которых дополнена красной или белой точкой в центре) и «несколько орнаментов»⁷⁵ (пояски и лепестки). Одиннадцать более поздних

арибаллов можно отождествить с «унгвентариями почти сферической формы», украшенными разными орнаментами и изображениями⁷⁶.

Описывая арибаллы со сферическим туловом и алабастры, Гарджуло сделал интересные для нас атрибуции. Некоторые из этих предметов не датированы, а причина тому, очевидно, указана в самих описаниях. Так, об одном сказано: «Ваза, называемая унгвентарием, сферической формы. Нарисованы три птицы, ... подражание (ad imitazione antica)»⁷⁷. Это этрусское изделие, созданное в самом деле в подражание коринфскому⁷⁸. В следующей карточке мы читаем: «Ваза той же формы, что и предыдущая, но без фигур, тоже подражание (ad imitazione antica)»⁷⁹. Этот предмет путем исключения всех других, более узнаваемых по описанию сосудов идентифицируется с этрусским арибаллом, украшенным поясками⁸⁰. Еще в одном месте: «Ваза, называемая унгвентарием, в подражание, написаны орнаменты из точек и полосы»⁸¹. Это также этрусско-коринфский алабастр⁸².

Размышляя над подобными констатациями автора, мы отмечаем, что основным критерием определения «имитации» для него, по-видимому, служила небрежность росписи, примитивность манеры исполнения декора. Также и в работе Гарджуло, опубликованной в 1831 г., мы читаем о последней эпохе производства – эпохе упадка вазового искусства: «Среди этих ваз встречаются подражания (l'imitazione) вазам первой эпохи с изображениями животных в варварском стиле и из глины, отличающейся от глины оригиналов»⁸³. В этом Гарджуло, как ни парадоксально, методически был чрезвычайно близок к современным исследователям. Среди них широко принято суждение, что снижение графического качества – это признак упадка, а значит, более позднего времени изготовления сосуда⁸⁴ или вторичности произведения, выполненного копиистом-подражателем. Кроме того, Гарджуло сделал верное наблюдение относительно разницы в характере глины, из которой изготавливали коринфские вазы и их италийские копии. Все эти представленные в эрмитажном каталоге копии (среди прочих – этрусско-коринфский алабастр⁸⁵, который Гарджуло описал в следующей карточке каталога) изготовлены из глины бледного коричневатого оттенка, так называемого орехового, со специфическими примесями. Она сильно отличается от светлой желтовато-розоватой глины, которая характерна для изделий из Коринфа. О декоре алабастра Гарджуло пишет: «Изображены, также в подражание, два Тигра, которые объединены головами, из которых представлена только одна»⁸⁶. Манера выполнения росписи с двумя пантерами, объединенными в фигуру-симплегму, настолько специфична, а графическое качество росписи в этой группе этрусских ваз настолько уступает синхронной по времени коринфской вазописи, что глаз знатока, художника и реставратора про-

сто не мог этого не отметить. Наконец, в своей теории о «подражаниях», которую он изложил в книге 1831 г., Гарджуло, если и неверно с современной точки зрения, поместил эти вазы позже всех прочих, однако вполне правомерно исходил из того, что они изготовлены в Италии, то есть, в современных терминах, являются памятниками итало-коринфской группы.

Таким образом, мы должны отметить, что несколько десятков описаний коринфских и итало-коринфских ваз, приведенных в Каталоге коллекции Пиццати и составленных Р. Гарджуло, ясно отражают восприятие этих ваз в среде коллекционеров, антикваров, да и большей части профессиональных ученых, которые обращались к памятникам античной вазописи в 1830-е годы. В целом можно сказать, что произведения этих групп не выделялись из обширного корпуса наиболее ранних «египетских» ваз, к которым относили все, что выглядело более архаичным, чем лучшие аттические чернофигурные, все краснофигурные вазы и италийские сосуды с полихромным декором IV в. до н. э. Датировка, которой Гарджуло снабдил многие рассмотренные памятники («первая эпоха»), показывает, что он причислял наши коринфские сосуды именно к числу «египетских», то есть допускал, что местом их производства была Греция. Очень важно также, что он интуитивно определил целый ряд сосудов как имитации, не включив в их число ни одной настоящей коринфской вазы. Гарджуло исследовал в своем описании коллекции Пиццати, по существу, все те же позиции, которые считаются необходимыми для вазового каталога в наши дни, хотя коринфские и итало-коринфские сосуды представлены в его работе закономерно скромнее других, более эффектных произведений вазописи.

Примечания

- ¹ Архив Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 1. Оп. VI. Е-1. Д. 5–6. *Catalogo della cospicua collezione de' Vasi antichi Italo-greci, de' vetri, delle terre cotte e de' bronzi di proprietà del Sig. Cav. Pizzati.*
- ² См.: *Baillière J. B., Méral F. V., Lens A. J. de. Dictionnaire universel de matière médicale et de thérapeutique générale. Vol. 6. Paris, 1834. P. 1026; Annali di medicina ompiopatica per la Sicilia. 1845. Vol. 7–8. P. 67.*
- ³ См.: *Федорченко В.* Императорский Дом : выдающиеся сановники : в 2 т. : [Энциклопедия биографий]. М., 2003. Т. 2. С. 361.
- ⁴ См.: Российская национальная библиотека, отдел редких рукописей. Ф. 542. Архив Оленина. Д. 275 ; Российский государственный исторический архив. Ф. 472. О. 13, 1833. Д. 427. Л. 28об. См. также: *Maravigna C.* Relazione del viaggio in Francia al Congresso Scientifico di Clermont-Ferrand nell'anno 1838, traversando il Regno di Napoli, la Romagna, la Toscana, l'alta Italia, il Piemonte, la Savoia e la Svizzera. Napoli, 1840. P. 64 ; *Despine Ch. H. A.* Observations de médecine pratique faites aux bains

- d'Aix-en-Savoie. [S. l.], 1838. P. 142 ; Briefe von Moritz Hauptmann, Kantor und Musikdirektor an der Thomasschule zu Leipzig, an Franz Hauser. Bd. 1. Wiesbaden, 1871. S. 236–237.
- ⁵ См. о проектировании экспозиции в Зале раскрашенных ваз: Павлова Ж. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. СПб., 2010. С. 145–146.
- ⁶ Waagen G. F. Die Gemäldesammlung in der kaiserlichen Ermitage zu St. Petersburg nebst Bemerkungen über andere dortige Kunstsammlungen. Munich, 1864. S. 351.
- ⁷ Jacobsen J. K. Greek Pottery on the Timpone della Motta and in the Sibaritide from c. 780 to 620 BC. Reception, distribution and an evaluation of Greek pottery as a source material for the study of Greek influence before and after the founding of ancient Sybaris : Proefschrift ter verkrijging van het doctoraat in de Letteren aan de Rijksuniversiteit Groningen. Groningen, 2007. P. 18.
- ⁸ Benson J. L. Corinthian Kotyle Workshops // *Hesperia*. 1983. Vol. 52. P. 311.
- ⁹ Плиний Старший. Естественная история. XXXV.43.151–152.
- ¹⁰ Там же. XXXV.16.152.
- ¹¹ Amyx D. A. Corinthian Vase-Painting of the Archaic Period. Berkeley ; Los Angeles, 1989 ; Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. XX: Corinth, the centenary, 1896–1996 / ed. by Ch. K. Williams, N. Bookidis. Princeton (N. J.), 2003.
- ¹² Szilágyi J. Gy. Campano-Corinthian Figured Vase-Painting : the Pontecagnano School // ΕΥΜΟΥΣΙΑ. Ceramic and Iconographic Studies in Honour of Alexander Cambitoglou / ed. by J.-P. Descœudres. Sydney, 1990. (Mediterranean Archaeology Suppl. 1) P. 141–146 ; *Id.* Ceramica etrusco-corinzia figurata. Parte I. 630–580 a.C. Firenze : 1992. (Monumenti Etruschi 7) ; *Leinster A. C.* The Prochoros and Beyond : A Study of Corinthian Influence in Southern Italy in the 7th and 6th Centuries BC / Doctoral Thesis. Brown University. 1993. P. 22–23 ; *Szilágyi J. Gy.* Ceramica etrusco-corinzia figurata. Parte II: 590/580–550 a. C. Firenze, 1998. (Monumenti Etruschi 8) ; *Denoyelle M., Jozzo M.* La céramique grecque d'Italie et de Sicilie. Productions coloniales et appartenées du VIIIe au IIIe siècle av. J.-C. Paris, 2007. P. 66–69.
- ¹³ См. обзор публикаций до середины XIX века: *Birch S.* History of ancient pottery in two volumes. Vol. 1. Egyptian, Assyrian, and Greek. L., 1858. P. 215–217.
- ¹⁴ Lyons C. L. Nola and the historiography of Greek vases // *J. of the History of Collections*. 2007. Vol. 19, № 2. P. 244.
- ¹⁵ *Wilisch E.* Die Altkorinthische Thonindustrie. Leipzig, 1892. S. 3–5.
- ¹⁶ *Jahn O.* Beschreibung der Vasensammlung König Ludwigs in der Pinakothek zu München. München, 1854. S. XXIV.
- ¹⁷ *Wilisch E.* Op.cit. S. 4.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 13 (см. по поводу тогдашней дискуссии там же).
- ¹⁹ *Kramer G.* Über den Styl und die Herkunft der bemalten griechischen Thongefässe: eine kunstgeschichtliche Abhandlung. Berlin, 1837. Относительно ваз протокоринфского периода до 1930-х гг. господствовало мнение, что их производили в другом центре. См.: *Wilisch E.* Op. cit. S. 6–13 ; *Johansen K. F.* Les vases sikyoniens. Paris, 1923.
- ²⁰ *Milanese A.* Per il “decoro del Paese” o per il “lustro del Real Museo”? Il controllo delle esportazioni e del commercio d'arte e d'antichità a Napoli nella prima metà dell'Ottocento, tesi di dottorato // Scienze archeologiche e storico-artistiche, Università di Napoli Federico II. Napoli, 2007. P. 169–206 ; *Id.* Raffaele Gargiulo (1785 – après 1870) restaurateur et marchand d'antiquités. Notices sur le commerce des vases grecs à Naples dans la première moitié du XIXe siècle // El vaso griego en el arte europeo de los siglos XVIII y XIX, atti del convegno (Madrid, 14–15 febbraio 2005), Madrid, [2007]. P. 59–77.
- ²¹ *Gargiulo R.* Cenni sulla maniera di rinvenire i vasi fittili Italo-Grechi, sulla loro costruzione, sulle loro fabbriche piu distinte e sulla progressione e decadimento dell'arte vasaria. Napoli, 1831.
- ²² *Montanaro A. C.* Ruvo di Puglia e il suo territorio: le necropoli : i corredi funerari tra la documentazione del XIX secolo e gli scavi moderni. Roma, 2007. (Studia archeologica, Vol. 160). P. 642.
- ²³ *Gargiulo R.* Op. cit. P. 34.
- ²⁴ *Ibid.* P. 30.
- ²⁵ *Ibid.* P. 33: «Другие в том же роде, но более ранние, не известны, вследствие чего этим нужно дать первое место в истории искусства древней вазописи. Вазы этого вида грубы, росписи обычно изображают не родных для Италии животных, также и глина, из которой они сформованы..., и не очень блестящая краска изображений – всем этим они совершенно несхожи с другими вазами, изготовленными позже, что утверждает нас во мнении, что эти или были принесены греками в Италию, или материал их был привезен, и они изготовлены, когда те пришли, чтобы обосноваться на нашей территории: поэтому мы считаем справедливым отнести этот вид ваз к первой эпохе.»
- ²⁶ *Ibid.* P. 30.
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-1. Д. 5–6. [Cat.] I.62.
- ²⁹ Ср. первое подобное сопоставление: *Jahn O.* Op. cit. S. LXXXIX–XC.
- ³⁰ *Panofka Th.* Recherches sur les veritables noms des vases grecques. Paris, 1829.
- ³¹ *Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. L., 1974. P. 184–192.
- ³² АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-1. Д. 5–6. [Cat.] 1.
- ³³ *Stefani L.* Corinthian Vase-Painting. L., 1970. Nr 6.
- ³⁴ *O'Brien G.* The use of simple geometry and the local unit of measurement in the design of Italian stringed keyboard instruments : an aid to attribution and to organological analysis. URL: http://www.claviantica.com/Geometry_files/Italian_geometry.htm (дата обращения: 25.09.2011).
- ³⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-1. Д. 5–6. [Cat.] 32.
- ³⁶ *Stefani L.* Op. cit. Nr 80.
- ³⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-1. Д. 5–6. [Cat.] 7, 13.
- ³⁸ *Stefani L.* Op. cit. Nr 196.
- ³⁹ *Ibid.* Nr 194.
- ⁴⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-1. Д. 5–6. [Cat.] 6.
- ⁴¹ Там же. [Cat.] 6.
- ⁴² *Борисковская С. П.* Коринфский сосуд мастера Фьезоле в собрании Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2001. Вып. LIX. С. 34.

- ⁴³ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 6.
- ⁴⁴ *Stefani L.* Op. cit. Nr 171; *Payne H. G. G.* *Necrocorinthia*. Oxford, 1931. P. 314; *Amyx D. A.* Op. cit. P. 352.
- ⁴⁵ Это глиняные коробочки с крышками, иногда утраченными.
- ⁴⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] I. 197. *Stefani L.* Op. cit. Nr. 1415.
- ⁴⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 12. *Stefani L.* Op. cit. Nr. 204; *Борисковская С. П.* Этруско-коринфская керамика в собрании Эрмитажа // Тр. Государственного Эрмитажа. 1984. Т. XXIV. Кат. 28.
- ⁴⁸ *Stefani L.* Op. cit. Nr. 172; *Amyx D. A.* Op. cit. P. 158, no 23.
- ⁴⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] I. 177.
- ⁵⁰ Там же. [Cat.] 4.
- ⁵¹ Там же. [Cat.] 5.
- ⁵² *Stefani L.* Op. cit. Nr 182; *Amyx D. A.* Op. cit. P. 253, cat. 37
- ⁵³ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 9.
- ⁵⁴ *Stefani L.* Op. cit. Nr 197.
- ⁵⁵ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] I. 205–210.
- ⁵⁶ *Payne H. G. G.* Op. cit. P. 325, no 1397.
- ⁵⁷ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 31.
- ⁵⁸ *Boardman J.* *Early Greek Vase Painting: 11th–6th Centuries BC: a Handbook*. L., 1998. P. 85, 179.
- ⁵⁹ Плиний Старший. Естественная история. XIII, 2.
- ⁶⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 2, 3, 29.
- ⁶¹ *Stefani L.* Op. cit. Nr 154; *Amyx D. A.* Op. cit. P. 328, A-8bis.
- ⁶² АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 2.
- ⁶³ *Stefani L.* Op. cit. Nr 150; *Amyx D. A.* Op. cit. P. 328, A-6bis.
- ⁶⁴ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 3.
- ⁶⁵ *Payne H. G. G.* Op. cit. № 1367.
- ⁶⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 29.
- ⁶⁷ *Milanese A.* Op. cit. (2007).
- ⁶⁸ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] I.178–183.
- ⁶⁹ *Stefani L.* Op. cit. Nr. 173, 179, 180, 185–187; *Борисковская С. П.* Указ. соч. (1984). Кат. 30–35.
- ⁷⁰ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 21. *Stefani L.* Op. cit. Nr.188; *Борисковская С. П.* Указ. соч. (1984). Кат. 29.
- ⁷¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 10. *Stefani L.* Op. cit. Nr. 177.
- ⁷² АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 23. *Stefani L.* Op. cit. Nr 193; *Борисковская С. П.* Указ. соч. (1984). Кат. 13.
- ⁷³ *Stefani L.* Op. cit. Nr 195, 196, 199, 1413; *Борисковская С. П.* Указ. соч. (1984). Кат. 4, 17.
- ⁷⁴ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 11, 14.
- ⁷⁵ Там же. [Cat.] I. 194, 195. *Stefani L.* Op. cit. Nr.1420, 1421.
- ⁷⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] I. 176, 189–193, 205–210.
- ⁷⁷ Там же. [Cat.] 19.
- ⁷⁸ *Stefani L.* Op. cit. Nr. 173; *Борисковская С. П.* Указ. соч. (1984). Кат. 35.
- ⁷⁹ АГЭ. Ф. 1. опись VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 20.
- ⁸⁰ *Stefani L.* Op. cit. Nr 1414; *Борисковская С. П.* Указ. соч. (1984). Кат. 18.
- ⁸¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 17.
- ⁸² Там же. [Cat.] 22. *Stefani L.* Op. cit. Nr 1506; *Борисковская С. П.* Указ. соч. (1984). Кат. 15.
- ⁸³ *Gargiulo R.* Op. cit. P. 39.
- ⁸⁴ См., напр.: *Blomberg M.* *Observation on the Dodwell Painter*. Stockholm, 1983. (*Medelhavsmuseet Memoir* 4)
- ⁸⁵ *Stefani L.* Op. cit. Nr. 191.
- ⁸⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. VI, Е-И. Д. 5–6. [Cat.] 18.

УДК 94(437) |8/14|

СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ МОРАВИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

А. А. Лебедева

Саратовский государственный университет
E-mail: Lebedevaannas@mail.ru

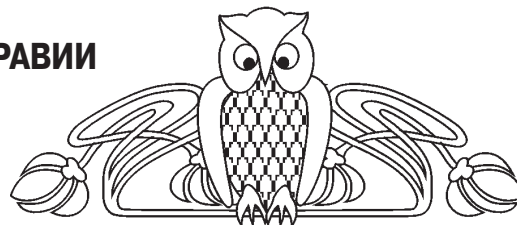
В данной статье рассматриваются основные вехи изучения городов Моравии в отечественной славистике и обосновывается вывод о необходимости их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: средневековые города, Моравия, историография, публикации источников.

The Native Historiography of Medieval Moravian Cities Development: the history and the Prospects of Studying

А. А. Lebedeva

The article describes the tradition of studying Moravian cities in native Slavonic studies and concludes the necessity of further researching this issue.

Key words: medieval cities, Moravia, historiography, publications of sources.

Моравия представляет собой историческую область, входящую в состав современной Чешской Республики. Однако до настоящего времени она сохраняет немало черт самобытности и рассматривается как особое культурно-историческое явление. В названиях многих исторических трудов прошлого и настоящего Чехия и Моравия соединяются союзом «и»¹. Закономерностью представляется следующая особенность истории Моравии: чем дальше в прошлое, тем сильнее проявляется степень моравской самобытности. Поэтому история Моравии в качестве предмета самостоятельного исследования таит в себе наибольшую возможность научных открытий

именно на материале Средневековья. Из всех исследовательских сюжетов средневековой истории Моравии важнейшим является история ее городов, поскольку именно в ней, как нам представляется, наиболее полно и многогранно отразились основные вехи моравской истории.

Изучение истории Моравии имеет достаточно давнюю традицию в отечественной науке. При этом внимание исследователей распределяется не очень пропорционально по отношению к различным периодам моравской истории. Наибольшее внимание неизменно уделялось и уделяется Великой Моравии – раннесредневековому государству IX – начала X в., которое с полным основанием считается колыбелью славянской культуры.

Изучение истории Великой Моравии в отечественной исторической науке берет свое начало в XIX в. Одним из первых к истории этого средневекового государства обратился Константин Яковлевич Грот². В 1881 г. в типографии Императорской академии наук было напечатано его исследование «Моравия и мадьяры с первой половины IX до начала X в.». Область своего интереса историк определяет так: достижение моравскими славянами во второй половине IX в. значительной политической силы, их ожесточенная борьба с немцами за национально-политическую и церковную независимость, вторжение мадьяр со всеми его последствиями как развязка этой борьбы³. На страницах исследования не остались без внимания и города Великой Моравии. Не пытаясь сколько-нибудь глубоко проникнуть в суть этой проблемы, К. Я. Грот, тем не менее, дает определение великоморавскому городу. По мнению К. Я. Грота, города («грады», по терминологии источников) были укрепленными от нападения местами, в которых находилась княжеская резиденция, центрами сосредоточения политических и религиозных функций, а также торговых отношений. Великоморавскими городами, со вмещавшими в себе все эти функции, историк называет Велеград, Девин и Нитру⁴.

Другой выдающийся русский историк XIX в., Федор Иванович Успенский, прославившийся своими трудами по истории Византии, подробно рассматривает историю Великоморавского государства в своей ранней работе⁵. Для него города Великой Моравии представляют явление как бы само собой разумеющееся, не требующее специального изучения и осмысления. Города выступают здесь, как и в работе К. Я. Грота, как центры политической и духовной жизни. Значительное место Ф. И. Успенский в своей работе отводит освещению религиозной деятельности Кирилла и Мефодия. В этом исследователе был не одинок. Основное внимание отечественной историографии до-революционного периода привлекала деятельность в Великой Моравии святых братьев Кирилла и Мефодия, причем в подавляющем большинстве исследований этого времени рас-

сматривались вопросы, связанные с историей церкви и созданием славянской письменности⁶.

В советский период исследования по истории Великой Моравии по преимуществу были направлены на изучение политической истории Великоморавского государства, в частности его отношений с Восточно-Франкским королевством.

В 60-х гг. XX в. в связи с успехами чехословацкой археологии внимание отечественных исследователей начинает привлекать развитие городов Великой Моравии. П. Н. Третьяков на основании материалов проведенных чехословацкими археологами раскопок пришел к выводу, что городские центры Великой Моравии возникали не на пустом месте, градообразовательный процесс протекал, по его мнению, постепенно и занял не менее одного-двух столетий⁷. Важным и новым для науки является вывод о высокой степени концентрированности городских образований на сравнительно небольшой территории Великой Моравии. По мнению П. Н. Третьякова, они являлись производственными ремесленными центрами, а также центрами международной торговли⁸. К сожалению, эти важные положения известного историка и археолога не получили дальнейшего развития.

С 80-х гг. XX в. одним из важных моментов, на котором заостряют в это время свое внимание исследователи, является вопрос о деятельности святых братьев Кирилла и Мефодия на территории славянских стран. Этому способствовала предстоявшая годовщина смерти святого Мефодия. В 1985 г. вышел в свет сборник научных работ «Великая Моравия, ее историческое и культурное значение»⁹, который, по признанию авторского коллектива, приобрел в связи с этим событием юбилейный характер. В сборнике значительное место заняли работы чехословацких и советских авторов, касающиеся литературной деятельности святых братьев в Великой Моравии и ее исторического значения¹⁰. Значительная часть материалов сборника была посвящена различным вопросам, имеющим отношение к политической и экономической жизни Великоморавского государства, а также вопросам историографического и источниковедческого характера.

Вторым по степени внимания отечественных славистов периодом истории городов Моравии являются XIII–XV вв. При этом в центре внимания находилась история гуситского движения и его предпосылки.

Города Моравии рассматривались в марксистской историографии советского времени. При этом интерес к ним был обусловлен по преимуществу несходством судеб Чехии и Моравии в гуситскую эпоху. Если в Чехии восторжествовали сторонники гусизма, то в Моравии католическая церковь сохранила свои позиции. Этот факт не могли обойти и отметили авторы общих работ о гуситском движении¹¹. При этом сколько-нибудь полного убедительного объяснения такого не-

сходства судеб Чехии и Моравии дано не было. Наибольшее внимание истории городов Моравии уделено в исследованиях А. И. Озолина. Он является единственным из отечественных славистов, обратившим внимание на редкую остроту борьбы ремесленников и патрициата в городах Моравии в XIV в. Однако причины этого явления остались в трудах А. И. Озолина без рассмотрения, как и его последствия. Для изучения истории моравского города большое значение имеет статья А. И. Озолина по новейшей на 1975 г. историографии городов Чехии в предгуситское время. В рамках этой статьи под внимание попадают и города Моравии в эпоху Средневековья. В основном речь здесь идет о социально-экономическом состоянии некоторых, прежде всего крупнейших моравских городов, таких как Брно, Йиглава¹².

Этот период средневековой истории Чешского государства освещен в общих работах по истории Чехословакии¹³. Во втором томе «Истории Европы» социально-экономическому и политическому развитию городов Центрально-Европейского региона отведен отдельный раздел. Внимание к моравскому городу здесь обращается исключительно лишь в контексте городской истории Чешского государства.

В последнее время ряд работ по истории чешского города опубликовал А. Н. Галямичев¹⁴. Но вопрос о специфике развития городов Моравии не был в них поставлен. Между тем немецкая колонизация, которая сыграла огромную роль в судьбе городов Чешского королевства, началась в моравских землях раньше, чем в собственно чешских, и проходила с большей интенсивностью. Думается, что подробное рассмотрение истории моравских городов XIII–XV вв. во многом поможет приоткрыть завесу тайны над остающимися неизученными вопросами.

Наименее изученным является тот период истории городов Моравии, который приходится на время между гибелью Великой Моравии и началом немецкой колонизации. В этот период времени Моравия рассматривается в общем контексте истории Чешского государства, соответственно и моравским городам уделяется внимание лишь как одной из составных частей городской истории Чехии.

В XIX в. историей средневековой Чехии занимался А. Н. Ясинский¹⁵. К городам Моравского региона историк обращался редко, рассматривая их в рамках Чешского государства. По мнению А. Н. Ясинского, чешские города возникали под влиянием опасности военного вторжения соседних государств, в связи с этим города выполняли роль места, защищающего от нападения население. Город делился на две составные части: во-первых, место, окруженное стенами, собственно город, и во-вторых, посад (*suburbium*), где проживало торговое и промышленное население¹⁶. Основной причиной упадка городов с середины XII в. А. Н. Ясинский называет снижение уровня

опасности, исходившей от соседних славянских государств¹⁷.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо всестороннее рассмотрение целостной картины истории моравского города как одного из вариантов городского развития в Европе. Эта задача не представляется невыполнимой. Во-первых, имеется богатый фонд источников – письменные источники и постоянно прибывающий археологический материал.

Все основные письменные источники по истории Великоморавского государства были собраны учеными Чехословацкой Республики в пятитомном издании «*Magnae Moraviae fontes historici*»¹⁸. Пятьсот источников были помещены в пять томов, издававшихся с 1966 по 1977 г. В свою очередь, каждый том содержит источники нескольких видов. Так, первый том включает в себя анналы и хроники, а также несколько исторических карт, составленных чешским историком Л. Гавликом; второй том – тексты агиографического характера, среди которых биографии, жития, литургические тексты; третий том содержит грамоты, послания, трактаты и полемические сочинения, тексты проливающие свет на этнографическую и географическую составляющие Великой Моравии, записки отдельных лиц и данные календарей; в четвертом томе помещены законодательные акты церковных и светских феодалов; в пятом томе мы находим сведения справочного характера, которые дают возможность разобраться в материале предыдущих четырех томов¹⁹.

Письменные источники, в том числе и источники по истории городов Моравского региона, содержатся в изданной в 1855 г. Карлом Яромиром Эрбеном «*Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*»²⁰ и охватывают 600–1253 гг. Дело Эрбена положило начало дальнейшему изданию источников. Так, к 2005 г. появились еще четыре части, доводя материал до 1355 г.²¹

Наиболее обстоятельным изданием чешских и моравских грамот можно считать «*Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*»²². Выпускать этот свод письменных памятников начал с 1907 г. видный чешский историк Густав Фридрих. Первые два тома были подготовлены и увидели свет еще при жизни ученого, третий том вышел уже после его смерти. Первый том содержал в себе грамоты до 1197 г., второй том – документы до 1230 г. До настоящего времени в этой серии вышло шесть томов, сведения которых заканчиваются 1283 г.²³

Сведения по истории городов Моравии также содержатся в издании «*Fontes rerum Bohemiarum*»²⁴. Восемь томов издания выходили в свет с 1873 по 1932 г. и несли в себе богатый фактический материал по истории Чешского государства. Главным образом в них представлены хроники, но также здесь можно встретить и жития святых, жизнеописание великих людей.

С XX в., в дополнение сведений, содержащихся в письменных источниках о городах Великой Моравии, появляется археологический материал. Археологические раскопки ведутся на территории бывших великоморавских поселений, таких как Микульчице, Старе-Место, Бржецлав и др. Некоторые итоги исследований, подведенные чехословацкими историками, были опубликованы и на русском языке²⁵. Прежде всего археологические открытия чехословацких историков дают ответы на вопросы, касающиеся социально-экономического развития городов доколониционной эпохи вплоть до XIII столетия. Следует отметить, что в последнее десятилетие внимание чешских археологов все больше привлекает история X–XIII вв.

Во-вторых, еще в XIX в. сложилось особое направление в чешской исторической науке, которое ставило своей главной задачей осмысление специфики моравской истории. В первой половине XIX в. эту задачу поставил перед собой моравский историк Антонин Бочек. Им были изданы с 1836 по 1846 г. пять томов письменных источников по истории Моравии²⁶. Четыре последних тома издания вышли в свет в то время, когда Бочек занимал должность земского архивариуса. Однако в своем патриотическом стремлении Бочек столкнулся с обвинением в фальсификации исторической действительности²⁷.

В издательскую деятельность «Кодекса Бочек» был вовлечен чешско-немецкий историк Бертольд Бретхольц. Его исследовательский интерес был направлен на историю Моравии. При этом Б. Бретхольц ставил перед собой задачу исторически обосновать право немецкого народа на моравские земли.

В числе выдающихся историков – патриотов Моравии следует назвать Беду Дудика. В 1859 г. он был назначен на должность моравского историографа. Так же как и его предшественник Антонин Бочек, Дудик успешно справился с задачей, поставленной перед ним по долгу службы, по написанию истории Моравии²⁸. Историком было опубликовано девять томов моравской истории. Научное значение исследовательская деятельность Дудика приобретает еще и потому, что он рассмотрел «темные» для истории Моравии века со времени венгерского нашествия до периода немецкой колонизации.

Традиция изучения своеобразия пути исторического развития Моравии в значительной мере прервалась в 1947 г., когда в Чехословакии были ликвидированы исторические области (в том числе и Моравия) и введено новое административно-территориальное деление страны. Думается, однако, что рассмотрение региональных особенностей развития средневековых городов Моравии способно пролить новый свет как на проблемы истории славянского средневековья, так и на историю славянского урбанизма.

Примечания

- 1 См. напр.: *Palacký F. Dějiny národy českého v Čechách a v Morave.* Praha, 1848; Чехия и Моравия. СПб., 1871; *Поп И. И.* Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI вв. М., 1978; *Озолин А. И.* Землевладение королевских городов Чехии и Моравии в предгуситское время // Славянский сборник : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1978. Вып. 2 и др.
- 2 См.: *Грот К. Я.* Моравия и мадьяры с первой половины IX до начала X века. СПб., 1881.
- 3 Там же. Предисловие (страницы предисловия в книге не пронумерованы).
- 4 Там же. С. 106.
- 5 См.: *Успенский Ф. И.* Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872.
- 6 См.: *Ягич И. В.* Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской письменности. СПб., 1885; *Он же.* Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии. СПб., 1885; *Витте Е. В.* Святые первоучители славянские Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России. СПб., 1908; *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий. СПб., 1868; *Он же.* Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1868; *Лавровский П. А.* Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им историею церковных несогласий между Востоком и Западом. Харьков, 1863; *Голубинский Е. Е.* Кирилл и Мефодий, главнейшие источники для истории святых Кирилла и Мефодия. Киев, 1878 и др.
- 7 *Третьяков П. Н.* Новые данные о Великоморавском государстве // *Вопр. истории.* 1961. № 5. С. 77.
- 8 Там же. С. 78.
- 9 См.: *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение.* М., 1985.
- 10 См.: *Верещагин Е. М.* Великоморавский этап развития первого литературного языка славян : становление терминологической лексики // *Великая Моравия, ее историческое и культурное значение.* М., 1985; *Вечерка Р.* Письменность Великой Моравии // Там же; *Рогов А. И.* Великая Моравия в письменности древней Руси // Там же; *Турилов А. А.* К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян // Там же; *Флоря Б. Н.* К оценке исторического значения славянской письменности в Великой Моравии // Там же; *Щапов Я. Н.* «Номоканон» Мефодия в Великой Моравии и на Руси // Там же.
- 11 См.: *Озолин А. И.* Из истории гуситского движения. Саратов, 1962; *Рубцов Б. Т.* Исследования по аграрной истории Чехии XIV – начала XV в. М., 1963.
- 12 См.: *Озолин А. И.* Новейшая чехословацкая литература о чешском городе предгуситского времени // *Средневековый город : межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 1975. Вып. 3.
- 13 См.: *Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней.* М., 1988; *История Чехословакии : в 2 т.* М., 1956. Т. 1; *История Европы.* М., 1993. Т. 2. С. 387–392.
- 14 См.: *Галямичев А. Н.* Экономическое и социальное

- развитие раннего чешского города (Прага X – начала XIII вв.). Саратов, 1995.
- ¹⁵ См.: Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1865.
- ¹⁶ Там же. С. 107, 110, 125.
- ¹⁷ Там же. С. 125–126.
- ¹⁸ См.: *Magnae Moraviae fontes historici*. Brunae, 1966–77. Т. I–V.
- ¹⁹ См.: Лантева Л. П. Свод источников о Великой Моравии // *Вопр. истории*. 1981. № 10.
- ²⁰ См.: *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*. Pragaе, 1855. P. I.
- ²¹ *Ibid.* Pragaе, 1892–2005. P. II–V.
- ²² См.: *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*. Pragaе, 1904–1907. Т. I. (805–1197); Pragaе, 1942. Т. II. (1197–1230); Pragaе, 1962. Т. III (2). (1238–1240).
- ²³ *Ibid.* Pragaе, 2000. Т. III (3). (1231–1240); Pragaе, 2002. Т. III (4). (1231–1240); Pragaе, 1962. Т. IV (1). (1241–1253); Pragaе, 1965. Т. IV (2). (1241–1253); Pragaе, 1974. Т. V (1). (1253–1264); Pragaе, 1981. Т. V (2). (1265–1278); Pragaе, 1982. Т. V (3). (1253–1278); Pragaе, 1993. Т. V (4). (1253–1278); Pragaе, 2006. Т. VI. (1278–1283).
- ²⁴ *Fontes rerum Bohemiarum*. Praha, 1873–1932. Т. I–VIII.
- ²⁵ См.: Поулик Й. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государственности и культуры. Прага, 1963; *Он же*. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985; *Он же*. Великая Моравия и миссия Кирилла и Мефодия. Прага, 1987.
- ²⁶ См.: *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*. I–V. Olomuch, Brno, 1836–1846.
- ²⁷ См.: Лантева Л. П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848). М., 1985. С. 171.
- ²⁸ См.: *Dudík B. Dějiny Moravy*. Praha, 1875–1884. Díl. 1–9.

УДК 94(44).04 + 929 Фесслер

И. А. ФЕССЛЕР О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФРАНЦУЗСКИЕ «УРОКИ» НЕМЕЦКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Д. В. Горбачев

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitr87@inbox.ru

Статья представляет собой анализ взглядов немецкого мыслителя И. А. Фесслера на Великую французскую революцию. Автор анализирует оценки, данные Фесслером, целям революции, деятельности революционных парламентов, роли широких масс населения. На примере Фесслера рассматривается отношение консервативной части немецкоязычной интеллектуальной элиты к французскому политическому опыту.

Ключевые слова: Французская революция, немецкий консерватизм, Фесслер, парламентаризм, республика, монархия, политическая теория.

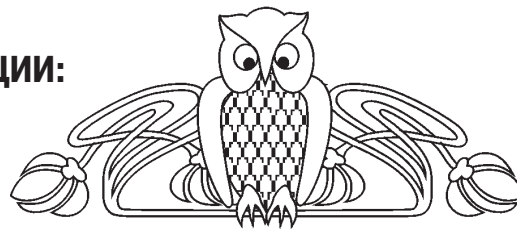
I. A. Fessler about the French Revolution: French «Lessons» of German Conservatism

D. V. Gorbachev

This article is the analysis of the views of German philosopher IA Fessler on the French Revolution. The author analyzes the assessments which Fessler gives to the goals of the revolution, the actions of the revolutionary parliaments, and to the role of the masses. On the example of Fessler, the attitude of conservative German-speaking intellectual elite to the French political experience is examined.

Key words: French Revolution, German conservatism, Fessler, parliamentarianism, republic, monarchy, political theory.

Значение Французской революции выходит далеко за пределы самой Франции. Сложный и противоречивый процесс ломки и трансформации социального и политического устройства одного

из крупнейших европейских государств оказал влияние на историю всего континента, активизировал общественную мысль, продемонстрировав различные типы государственного устройства, выбор между которыми во многом будет определять политический ландшафт последующей европейской истории.

Изучение влияния Французской революции на общественную мысль Европы, ее международного значения имеет давнюю и устойчивую историографическую традицию. Естественно, что и тема «Французская революция и Германия» неоднократно штурмовалась представителями различных национальных школ историографии как в целом, так и по отдельным «вершинам»: только за 1990-е гг. XX в. отечественные специалисты сквозь призму влияния событий во Франции изучали творчество Л. Тика, Х. Ф. Шубарта, А. Л. Шлёцера, Гельдерлина, Шиллера, К. М. Виланда, Гегеля, Гёте, Гейне, Гердера, Форстера¹.

Объектом внимания в данной статье стало отражение Французской революции в сознании одного из известных и популярных писателей и мыслителей того времени Игнатия Аврелия Фесслера (1756–1839 гг.). Этот масонский реформатор и религиозный деятель со временем был подзабыт, но интерес к его фигуре вновь возрождается в европейской и отечественной исторической науке последних десятилетий².

Сам Фесслер, которому довелось долгое время жить и во владениях Габсбургов, и в Пруссии,

и в России, по отношению к бурным событиям конца XVIII в. находился по большей части в роли стороннего наблюдателя. Фесслер не был во Франции и не видел самой революции. Лишь в 1806 г., когда Пруссия была разгромлена в войне четвертой коалиции, Фесслер, проживавший тогда в Бранденбурге, мог воочию наблюдать французскую императорскую армию, которая еще недавно была армией Революции³. Конкретно о непосредственной реакции Фесслера на революцию говорить очень сложно, в последнее десятилетие XVIII в. ему было свойственно дистанцироваться от политики⁴, он занимался чисто литературным творчеством, хотя, конечно, вопросы международной политики не могли совершенно остаться вне его поля зрения: так, в 1798 г. он, например, возражал против участия Пруссии в антифранцузской коалиции, считая, что эта война была бы для нее губительна⁵.

В систематизированном виде взгляды Фесслера на историю революции были изложены им позднее в изданном в 1824 г. философско-публицистическом труде «Результаты своих размышлений и опытов»⁶, который представляет собой сумму воззрений мыслителя на различные стороны жизни, включая также историю и политику. Анализ данного трактата помогает понять, как виделись важнейшие исторические события того времени глазами современника – представителя умеренно-консервативной части немецкоязычной интеллектуальной элиты.

Признавая большую значимость Французской революции как исторического события и ставя её в один ряд с Реформацией как источником богатейшего исторического опыта⁷, Фесслер, однако, сам этот опыт оценивал как негативный. Экономической стороны революции Фесслер совершенно не касался, в политическом же плане она представлялась ему собранием примеров того, как нельзя управлять государством, того, что противоречило всем его идеалам и представлениям о наилучшем правлении.

Следует отметить, что Фесслер считал в принципе недостижимыми сами политические цели французских революционеров, причём не только на якобинском этапе, но и на более раннем и умеренном – конституционалистском.

Первую французскую конституцию 1791 г. Фесслер оценивал как «работу еще неопытного в науке законодательства ученика». В вину конституции ставились «колебания в принципах», «неопределённость в положениях», «очищенность от всей идеальности и метафизики права»⁸ (sic! – Д. Г.). Фесслер, в последние десятилетия своей жизни (когда, собственно, и систематизировал свои взгляды на Революцию) разделявший мировоззрение романтизма⁹, в данном случае следовал тенденциям своего времени, представляя государственное строительство вообще и законодательство в частности не как результат реальной политической обстановки со всеми её сложностями

и компромиссами, а как воплощение в жизнь неких абстрактных философских принципов.

И одновременно эта конституция представлялась Фесслеру слишком возвышенной для французского общества, по его мнению, еще «не доросшего до свободы»¹⁰. Фесслер отрицал за новыми политическими институтами, созданными во Франции революцией, саму возможность создать эффективно действующую систему государственного управления.

Законодательное собрание, которое в 1791 г. пришло на смену Учредительному и приняло на себя обязанность выполнять первую в истории Франции конституцию, представлялось Фесслеру лишь скоплением «крикливых энтузиастов, неистовых фанатиков и дерзких новичков»¹¹. Определяющим элементом в оценке Фесслера деятелей Французской революции было отрицание наличия у них государственной мудрости и способности решать реальные проблемы. Признавая, что революция «возможно <...> вывела на свет определенное количество людей с чрезвычайной силой гениальности и таланта, благоразумия и силы духа, проницательности и знаний», Фесслер, однако, был убежден, что подавляющее большинство людей, которые «направляли общественное мнение, <...> вносили проекты и формулировали постановления»¹², не чувствовало настоящих потребностей общества.

Парламентские органы новой, республиканской власти, провозглашенной в 1792 г., представлялись Фесслеру «играющими в республику детьми», которые «во всем, что требовало ясности идей, разносторонности взглядов, определенности понятий и связности выводов, терялись в суете путаных представлений или общих мест <...> и пытались компенсировать нищету духа многословием и фразерством»¹³.

В глазах Фесслера деятельность революционного парламента, независимо от того господствовали ли в нем конституционалисты, жирондисты или монтаньяры, виделась как цепь попыток отвлечься от решения насущных вопросов, требующих компетентности в государственных делах, путем сосредоточения внимания на всевозможных мелочах, с тем чтобы таким образом замаскировать свою политическую недееспособность и «бессилие духа»¹⁴.

Следует отметить, что Фесслер не пытался проанализировать и раскритиковать конкретные меры Учредительного и Законодательного собрания или Конвента. Его критика носила абстрактно-философский характер и демонстративала, скорее, принципиальное неприятие Фесслером коллективного государственного управления.

Отчетливо проявилось в мировоззрении Фесслера и крайне негативное мнение о роли в политической истории «толпы», широких масс, к которым активно апеллировали деятели революции. Обращение к широкому кругу жителей государства трактовалось Фесслером как «тщеславная

страсть большинства [деятелей революции. – Д. Г.] к одобрению <...> вульгарной парижской чернью»¹⁵. Чрезвычайно важное для французских революционеров умение привлечь внимание публики с помощью ораторских приемов оценивалось Фесслером, скорее, как актерство¹⁶, чем как необходимый элемент политики нового века.

При этом сама пресловутая «толпа» представлялась Фесслеру как сила не только сугубо разрушительная, но и по сути своей пассивная. Французское общество периода революции метафорически виделось ему как «многочисленная толпа громко смеющихся немых и рычащих глухих, которую шайка коварных слепцов подгоняла к страшной пропасти»¹⁷. По сути, Фесслеру была совершенно чужда вера в то, что на том этапе исторического развития широкие массы населения могли как-то внятно сформулировать и представить свои запросы, быть сколь-нибудь самостоятельной политической силой.

Таким образом, отношения в период революции между политиками и народом трактуются Фесслером двояко. С одной стороны, стремление лидеров преобразований получить широкую поддержку, обратившись к массам, вынеся политику из правительственных кабинетов и парламентских залов на площадь, воспринималось немецким теоретиком исключительно как популизм, призванный замаскировать профессиональную некомпетентность и вульгаризирующий само понятие государственного деятеля, заставляющий политика приспособляться к настроениям и желаниям людей, «не доросших», по мнению Фесслера, до свободы. С другой стороны, Фесслер не представлял эти массовые настроения иначе как направляемые самими же «коварными слепцами». То есть революционеры обвинялись Фесслером в том, что следовали потребностям «толпы», а «толпа» – в том, что следовала призывам революционеров. Эта взаимосвязь представляла в теоретических построениях Фесслера как своего рода порочный круг, обусловленный вторжением в политику людей, за которыми немецкий мыслитель не признавал политической зрелости и способности ответственно определять путь развития страны. Революционеры побуждали народ к решительным выступлениям своими речами, а народ, благоволивший к популистским жестам, побуждал тем самым революционеров выступать со всё более радикальными призывами.

Хотя, целиком придерживаясь позиции представителей консервативного политического лагеря, Фесслер и указывает на «коварство» революционных лидеров, он далек от того, чтобы полностью объяснять их поступки «злойским» нравом и не пытается объяснить специфику причин, определявших политику французских парламентариев.

Корень проблем революционной Франции Фесслер видел в том, что «среди присвоивших себе право <...> представителей не было ни од-

ного, который бы осознал и верно понял совокупность своего народа как одну большую индивидуальность»¹⁸. В вину французским политикам было поставлено то, что «каждый хотел измерить целое мелким масштабом собственного круга представлений или людей, в котором он сам вращался»¹⁹. С точки зрения Фесслера, изъян представителей французских сословий состоял как раз в том, что они действовали именно как представители своих социальных групп и политических направлений. В этом политическом разделении Фесслеру виделся своего рода эгоизм, перенесенный из сферы частной жизни на политическую трибуну, поскольку каждый деятель революции «высказывал лишь желания и потребности исходя из собственных особенностей, но не возможных или вероятных желаний нации»²⁰.

Таким образом, нация представлялась Фесслеру не как сложная совокупность различных по своим интересам, потребностям и взглядам групп населения и индивидов, а скорее как некая метафизическая абстракция, «одна большая индивидуальность», существующая вне конкретной исторической практики, обладающая «возможными или вероятными желаниями», которые не исходят из конкретных потребностей, озвучиваемых с трибуны собрания избранных представителей.

Следует при этом помнить, что фактически Фесслер отрицал наличие у французского народа политической сознательности и опыта и, таким образом, «желания нации» также не могли в его представлении определяться желаниями большинства составляющих ее граждан.

Ставя во главу угла национальные интересы, Фесслер при этом трактовал их в абстрактном смысле, исходя в большей степени из идей о «национальном» духе, чем из реальной политической практики Франции конца XVIII – начала XIX в. Не находя в действиях французских депутатов и уличных трибунов «следов всеобъемлющей идеальности»²¹, Фесслер не мог принять их целей даже в теории.

Что касается поиска Фесслером фундаментальных первопричин таких «поучительных событий», обращает на себя внимание тот факт, что, будучи теологом и священником, теоретиком, активно писавшим о роли церкви и религии в современном ему обществе, немецкий мыслитель, тем не менее, искал причины французских политических потрясений по большей части вне религиозной трактовки истории.

Фесслер уделил роли религиозных вопросов в возникновении революции немного внимания в своей «сумме воззрений», однако заключалось оно по большей части в общих сентенциях на тему того, что философия и религия представляют собой «два неразделимых светила вечного мира», затмение которых означает «мрачную ночь» в общественной жизни²², и в гневных филиппиках в адрес французского духовенства, принявшего

участие в чествовании ненавистного Фесслеру Вольтера²³.

Будучи представителем активно развивающейся в Германии в первые десятилетия XIX в. романтической историографии²⁴, Фесслер искал причины исторических событий в сфере метафизических понятий, однако направленность этих поисков была по большей части не религиозной, а национальной²⁵.

Не признавая за французскими революционерами способности представлять интересы французской нации, Фесслер саму эту нацию оценивал чрезвычайно низко. В его представлении французы были народом «сильным лишь в фантазии»²⁶, «великим лишь в остроумничании, моде и этикете»²⁷. Отторгая французскую политическую практику, Фесслер в конце жизни перенес негативное отношение и на Францию в целом. С его точки зрения, основная причина того, что революция вылилась для французов в болезненные потрясения, заключалась в «нехватке силы разума и остроты понимания», что считалось им характерной чертой французского общества в целом²⁸.

В представлении Фесслера французы к концу XVIII в. еще не конституировались в нацию, «базирующуюся на основательной организации и истинной духовности». Славу французов как «законодателей мод» в сфере духовной культуры и идеологии Фесслер считал незаслуженной и отрицал ценность французской философской мысли XVIII в., рассматриваемой как идеологическая база революции.

По мнению Фесслера, развитие теоретической мысли во Франции прекратилось со смертью «последних философов» этой страны, к которым он причислял Декарта, Мальбранша, Фенелона²⁹ и Паскаля³⁰. Таким образом, к концу жизни под влиянием негативного, с его точки зрения, политического опыта Фесслер перешел на позицию жесткой, вплоть до полного неприятия, критики философии французского Просвещения, к которой он сам в молодости проявлял большой интерес. Резким нападкам в сочинении Фесслера подверглись Руссо, идеи которого теперь трактовались немецким мыслителем как апофеоз «темного эгоизма, неспособности к дружбе и любви, энтузиазма к грубой, дикой независимости»³¹, и Вольтер, который стал изображаться Фесслером как «наглый остряк, раболепный княжеский льстец, невежественный хулигатель всего святого»³². Идеология, служившая обоснованием радикальных перемен, воспринимается теперь как изначально морально ущербная, как своего рода показатель заблуждения нации, ее неспособности предложить действительно полезные, с точки зрения Фесслера, политические идеи и философские принципы³³, а революция в таком контексте рассматривается немецким автором как результат этой духовной бесплодности, приписанной им французскому обществу³⁴.

Безусловно, в высказываниях Фесслера позднего периода отчетливо читаются франкофобские

настроения, явившиеся реакцией на революционные потрясения и экспансию времен Наполеоновских войн. Происходит «развенчание» Франции как образцового для Европы государства, ее политическая практика и теория оценивается как не только не пригодная для заимствования другими странами, но и как по природе своей ущербная, основанная на будто бы присущих французам легкомыслии и безответственности.

Авторитет французской нации и культуры Фесслер объявил ложным, основанным «не столько на их моральных ценностях, сколько на недостатке у других народов самосознания и национальной гордости»³⁵. Французское влияние на Европу трактуется как нечто поверхностное, наносное и скоропреходящее, как результат исключительно бездумного подражания французским манерам со стороны «высшего света», «придворных льстецов»³⁶.

С точки зрения Фесслера, европейским нациям того времени не хватало «глубокого национального духа и ясного осознания собственного достоинства», распространение которых, на его взгляд, положило бы конец культу французских нравов и идей и предотвратило бы повторение остальными государствами ошибок Франции³⁷.

На примере размышлений Фесслера можно отчетливо видеть, как немецкая национальная идея эволюционировала в представлениях германских консерваторов под влиянием Французской революции и конфронтации германских государств с Францией в конце XVIII – начале XIX в., явившейся во многом результатом этой революции³⁸. Как реакция на популярный в предшествовавший период космополитизм, все большее распространение получает идея немецкой «нации», противопоставляющая универсалистским идеям Просвещения принцип «национального духа». При этом формулируется этот принцип применительно к Германии во многом через противопоставление Франции, через попытку ликвидировать французское влияние в политической и культурной сферах с помощью радикального и полного отрицания способности французской нации и французского государства к «правильному» с точки зрения немецкой романтической традиции развитию.

Главным «уроком» Французской революции Фесслер считал «лишь новое доказательство старой истины <...> что поверхностно и односторонне представление, что государственное благо и счастье граждан можно основать лишь на формах и словах»³⁹. При этом сами республиканские или представительные формы правления, опробованные в ходе революции, Фесслер считал, по сути, фикцией, именно лишь пустым словом, лишенным реального содержания. С его точки зрения, республик в точном смысле этого слова не существовало никогда и не могло существовать⁴⁰. В принципе отвергая возможность коллективного руководства государством и не признавая способ-

ности представительных органов обеспечивать нормальное функционирование общественного организма, Фесслер всецело полагался на единоначалие, которое представлялось ему универсальным принципом ведения государственных дел как в монархиях, так и в «так называемых республиках»⁴¹.

Примечания

- ¹ Дунаева Ю. В. Французская литература XVIII в. Указатель литературы на русском языке за 1986–1999 гг. // Французский ежегодник. 2000. М., 2000. С. 255–256. Из более ранних работ см.: Деборин А. М. Фихте и Французская революция // Под знаменем марксизма. М., 1924. № 10/11, 12; Копелев Л. Немецкие литературные современники французской революции // Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы. М., 1940. Т. 6. С. 225–242; Мошковская Ю. Я. Георг Форстер – немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961; Она же. Отклики на процесс Бабефа в Германии // Французский ежегодник. 1960. М., 1961. С. 121–135; Волгина Е. И. Творчество Гете 1790-х годов. Гете и Великая французская буржуазная революция : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 1980.
- ² См.: Barton P. F. Ignatius Aurelius Fessler. Wien ; Koeln ; Graz, 1969 ; *Id.* Jesuiten, Jansenisten, Josephiner. Eine Fallstudie zur fruhen Toleranzzeit : Der Fall Inocentius Fessler. Wien ; Koeln ; Graz, 1978 ; *Id.* Erzieher, Erzahler, Evergeten. Ein Beitrag zur politische Geschichte, Geistes- und Kirchengeschichte Schlesiens und Preussens 1786/1788–1796. Fessler in Schlesien. Wien ; Koeln ; Graz. 1980 ; *Id.* Maurer, Mysten, Moralisten. Ein Beitrag zur Kultur- und Geisgeschichte Berlins und Deutschlands 1796–1802. Fessler in Berlin. Wien ; Koeln ; Graz, 1982; *Id.* Romantiker, Religionstheoretiker, Romanschreiber. Ein Beitrag zur Kultur- und Geisgeschichte Deutschlands 1802–1809. Fessler in Brandenburg. Wien ; Koeln ; Graz, 1983 ; Maurice F. Freimaurerei um 1800. Ignaz Aurelius Fessler und die Reform der Grossloge Royal York in Berlin. Tuebingen, 1997 ; Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века : сб. Саратов, 1991 ; Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник : науч. тр. и публикации / под ред. проф. В. Н. Данилова. Саратов, 2002. С. 190–215 ; Горбачев Д. В. И. А. Фесслер в Поволжье : о чем «забыл» автор мемуаров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 88–92.
- ³ См.: Fessler I. A. Rueckblicke auf seine siebzigjaerige Pilgerschaft. Bresslau, 1824. S. 338–343 ; Barton P. F. Romantiker... S. 201–219.
- ⁴ См.: Barton P. F. Ignatius... S. 224.
- ⁵ Fessler I. A. Rueckblicke... S. 316. На позицию Фесслера также могло оказать влияние его увлечение идеями И. Канта, выступившего в 1795 г. с идеей «вечного мира». О кантианстве Фесслера см.: Fessler I. A. Rueckblicke... S. 254–255.
- ⁶ Fessler I. A. Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rueckblicken auf seine 70-jaerige Pilgerschaft. Bresslau, 1826.

- ⁷ Ibid. S. 219.
- ⁸ «Преданная всеобщей огласке первая конституция представляла собой наивысшую отметку тогдашней французской духовной культуры. Несомненно она была делом избранных, которые пользовались авторитетом передовых мыслителей у общественного мнения большого государства, и тем не менее почти каждая глава выдает работу ученика, неопытного в науке законодательства». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 222.
- ⁹ Barton P. F. Romantiker... S. 219–243. Следует отметить, что П. Ф. Бартон придерживался трактовки романтической историографии как сосредоточившейся в первую очередь на исследовании проблем национальности и государственности. Тема «Фесслер и романтизм, национализм, консерватизм» заслуживает отдельного обстоятельного разговора.
- ¹⁰ Fessler I. A. Resultate... S. 222.
- ¹¹ «Сохранение в рабочем состоянии и использование этой конституции, колеблющейся в своих принципах, настолько очищенной ото всей идеальности и метафизики права в ее толковании прав человека, что это делало ее недействительной (sic! – Д. Г.), неопределенной в своих положениях, еще слишком возвышенной для не доросшей до свободы нации, для богатого фантазией и бедного разумом народа, было теперь предоставлено собранию, которое по большей части представляло собой лишь крикливых энтузиастов, неистовых фанатиков и дерзких новичков». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 222–223.
- ¹² Ibid. S. 220.
- ¹³ Ibid. S. 221.
- ¹⁴ Ibid. S. 223.
- ¹⁵ Ibid. S. 220.
- ¹⁶ «Король и народ пожалели, что ждали блага от этих демагогов и актеров». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 220.
- ¹⁷ Ibid. S. 223.
- ¹⁸ Ibid. S. 220.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. Данная «всеобъемлющая идеальность» трактовалась Фесслером как некая способность политического деятеля уловить упомянутые выше «возможные или вероятные желания нации», встав выше «мелких» потребностей своей социальной группы.
- ²² Ibid. S. 223.
- ²³ Ibid. S. 221–222.
- ²⁴ См. основные исторические работы Фесслера: Fessler I. A. Die alten und die neuen Spanier. Die Völkesspiegel. Bd. 1–2. Berlin, 1824 ; *Id.* Die Geschichte der Ungern und ihrer Landsassen. Bd. 1–10. Leipzig, 1815–1825.
- ²⁵ О формировании немецкой национальной идеи и ее связи с философскими концепциями того времени см., например: Клементьев Б. С., Гладышев А. В. Философско-политическая ситуация в Германии конца XVIII – начала XIX вв. и национальный вопрос // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории : материалы междунар. науч. конф. Ставрополь ; Пятигорск ; Москва, 2008. С. 165–174.

- ²⁶ Fessler I. A. Resultate... S. 219.
²⁷ Ibid. S. 223.
²⁸ Ibid. S. 219.
²⁹ Мальбланш (Maleblanche), Николя (1638–1715 гг.) – французский религиозный философ, последователь Декарта. Занимался проблемами морали и гносеологии. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVIII-а. СПб., 1896. С. 495–496; Фенелон (Fenelon), Франсуа (1651–1715 гг.) – французский философ-моралист, писатель и педагог. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXXV. СПб., 1902. С. 455–457.
³⁰ Fessler I.A. Resultate... S. 223.
³¹ Ibid. S. 221.
³² Ibid.
³³ Ibid. S. 223.
³⁴ Ibid. S. 219.
³⁵ Ibid.
³⁶ Ibid. S. 219–220.
³⁷ Ibid. S. 220.
³⁸ На эту тему см., в частности: Epstein K. W. Die Ursprünge des Konservativismus in Deutschland. Der Ausgangspunkt : Die Herausforderung durch die Französische Revolution 1770–1806. Propyläen-Verlag, Berlin, 1973.
³⁹ Fessler I. A. Resultate... S. 225.
⁴⁰ Ibid. S. 226.
⁴¹ «Только эта односторонность могла <...> всерьез утверждать, что республиканская или представительная форма государства превосходит монархическую форму правления; в то время как основательным знатоком истории известно, что на протяжении существования всех народов и государств не существовало республик в полном смысле слова, что в так называемых республиках, как и в монархиях, все так долго идет хорошо, как единственный великий человек хранит и оживляет государственную машину». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 226.

УДК 94(460).088.2

ИСПАНСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ФЛОТ В КАМПАНИИ 1936 ГОДА

Д. М. Креленко

Саратовский государственный университет
E-mail: lary0312@yandex.ru

Структура размещения производительных сил Испании XX в. обусловила зависимость страны от фактора контроля прилегающих акваторий и основных морских коммуникаций. Вспыхнувший в 1936 г. военный мятеж усугубил ситуацию, при этом обеспечил Республике возможность добиться превосходства на море. Однако в первые месяцы гражданской войны ряд неудачных операций республиканского флота и основные политические шаги правительства в Мадриде позволили состояться морской блокаде. Таким образом, мятежники лишили Республику первоначальных преимуществ и в значительной мере предопределили собственный успех в гражданской войне 1936–1939 годов.

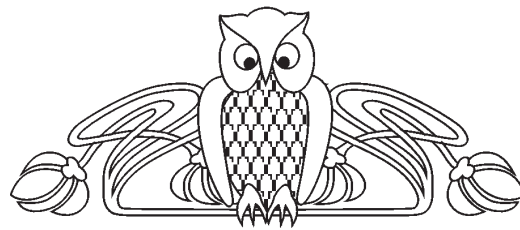
Ключевые слова: Испания, гражданская война, морская война, экономическая география Испании.

Spanish Republican Fleet in 1936 Campaign

D. M. Krelenko

Productive forces placement in Spain in XX c. made the country dependent on the control of the basic naval communications bordering the aquatorium. Military revolt, which broke out in 1936, made the situation even worse. However, it gave the Republic the opportunity to achieve sea superiority. Several failures of the Republican fleet during the first months of the Civil War and government policy of Madrid led to the sea blockade. Thus, the rebels deprived the Republic of the initial advantages and largely predetermined their own success in 1936–1939 Civil War.

Key words: Spain, Civil War, sea war, economic geography of Spain.

Три четверти столетия назад, 17 июля 1936 г. испанские вооруженные силы подняли мятеж. Сложнейший узел экономических проблем и вытекающая из этого социально-политическая напряженность давно разорвали испанское общество пополам. В результате глывшая десятилетие внутринациональная усобица закономерно переросла в масштабное братоубийство.

В свою очередь, созревший планетарный иерархический кризис с соответствующим комплексом межнациональных противоречий привел к интернационализации гражданской войны на Иберийском полуострове. Внутриспанский конфликт превратился в крупнейшее вооруженное противостояние межвоенного периода. Участники и наблюдатели событий организовали пролог и локальную демонстрацию глобального катаклизма, от которого человечество еще отделяли три с небольшим квазимирных года.

Закономерный интерес к прологу и выявлению причинно-следственных связей в рамках предвоенных и непосредственных процессов Второй мировой определил исследовательскую активность. В последние полвека испанская тематика обрела популярность. Однако познаваемый пласт испанской истории XX в. и ее ярчайшей страницы столь обширен, что считать круг вопросов основательно изученным преждевременно.

Например, отечественная историография почти не касается проблемы борьбы на морских коммуникациях испанской гражданской войны. Доступная информация на русском языке весьма фрагментарна и скудна. Заинтересованный читатель без знания кастильского наречия может рассчитывать в основном на воспоминания советских волонтеров, чья деятельность в Испании была связана с республиканским флотом. Под номером один в данном списке идут мемуары адмирала Н. Г. Кузнецова¹. Далее следуют интересные, но предельно лаконичные заметки адмиралов Н. Питерского, С. С. Рамишвили и А. В. Крученых².

К менее доступным источникам относится находящаяся на спецхранении или на положении библиографической редкости оперативная ознакомительная продукция генштаба РККА. В СССР по горячим следам испанских событий было выпущено 27 отчетов, систематизировавших извлеченный опыт. Четыре памятки посвящены борьбе на море³. Кроме того, некоторое представление о битве в акваториях гражданской войны дают воспоминания военных специалистов, добравшихся на театр военных действий морем, но для этих людей транзитный процесс остался любопытной деталью, и только.

Специальных аналитических работ по морской тематике в России всего три. Единственная специализированная была опубликована в 2003 году⁴.

Следующая работа, А. В. Шталя, представляет лекционный курс, читаемый в военно-морских вузах СССР чуть позже свершившихся событий⁵. Труд военспеца интересен стремлением увязать боевые действия и проблемы испанской экономики, но создавался он оперативно, с опорой на материалы СМИ, что предопределило ряд неточностей. Кроме того, непосредственно морской войне уделен минимум внимания. Очевидно, человек морской закалки, награжденный орденами от Св. Станислава до Трудового Красного Знамени, все же угодил в струю сугубо континентального советского военного мышления, присущего тридцатым годам.

Внимание военно-морским аспектам гражданской войны уделил Ю. Е. Рыбалкин в монографии, анализирующей советско-испанское сотрудничество⁶. Впрочем, автора в основном интересовали объемы поставок, но не меры по обеспечению таковых.

Кроме вышеперечисленных авторов, упоминания заслуживают статьи Н. В. Митюкова, который вместе с испанскими коллегами подготовил ряд публикаций о кораблях испанских ВМС⁷.

Этим списком перечень специализированных работ на русском языке, собственно, исчерпывается. Положение несколько исправляют фрагменты текстов из исследований общего характера и бурно прогрессирующая в последние два десятилетия испанская военно-историческая мысль.

Тем не менее российскому читателю по-прежнему нелегко разобраться в теме. Между

тем разобраться стоит. Существующая сегодня геополитическая модель мира с господством атлантических социумов построена на идее океанизма. Именно владение основными планетарными коммуникациями, пролегающими через голубые пространства геоида, является стержнем мироустройства. Контроль коммуникаций осуществляется в том числе, и в основном, с опорой на морскую мощь. Военно-морской потенциал определяет иерархию миропорядка.

Сегодняшнее положение вещей стало следствием изменения в двух бифуркационных точках хронологии. Эти точки находились в 1945 и 1991 гг. В первый из указанных моментов завершилась Вторая мировая война, победу в которой закономерно одержала сторона, имевшая в числе прочего господство на море. Интересно, что в прологе к 1945 г. произошло то же самое. Испанские националисты победили в 1939 г. во многом потому, что увереннее и эффективнее действовали на морских путях. Общность победных технологий позволяет счесть тему морского аспекта гражданской войны в Испании вполне актуальной, коль скоро знакомство с нею интересно в контексте глобального моделирования.

Беглого взгляда на физическую карту Иберийского полуострова достаточно для подтверждения фундамента концепции А. Т. Мэхэна. Береговая черта Испании протяженная и изобилует удобными бухтами. Выходы в море не закрыты естественными препятствиями, замерзающих акваторий нет. Ландшафт обуславливает абсолютное доминирование морских внутренних и ведущих вовне коммуникаций над сухопутными. Так что великое прошлое первой океанической империи предопределялось природой. Объективно уже в XV в. трудности, опасности и время трансатлантического вояжа и сухопутного путешествия из Барселоны в Севилью были сопоставимы. Именно это обстоятельство затормозило развитие внутреннего рынка и выплеснуло кастильскую энергию вовне. По той же причине империя, раскинувшаяся от Филиппин до Чили, не сумела оплодотворить богатствами разобнесенные просторы метрополии. Отсутствие единого рынка труда исключило реализацию его излишков за пределами Испании, как следствие – механизм эксплуатации колоний оказался слишком примитивным. Экспроприированные за океаном богатства осели там, где национальные экономики были сомкнутыми и целеустремленными. Испанское наследство досталось новому мировому центру на Британских островах. Закономерно уступив тем, кто распределил по планете труд, а не мерился силой, Кастилия и окраины остались на бобах, встретив империалистическую эпоху в качестве европейской страны второго эшелона. Соответственно выглядела и экономика, загнанная в узкий периметр национального пространства. Ее функцией стало дополнение лидерских систем.

В 30-х гг. прошлого века 50% испанского экспорта приобретала Великобритания, поставлявшая на рынок партнера 17% импортных товаров⁸. Такой баланс можно считать превосходным, если бы 50% не состояли исключительно из продовольствия и сырья, а 17 – только из продукции машиностроения, высокотехнологических образцов и лицензий. Сходная картина наблюдалась в товарообороте с Францией и Аргентиной, каковыми список партнеров с позитивным торговым балансом и исчерпывался. В обмене с США, Германией, Италией и прочими странами дела обстояли как раз наоборот, причем США извлекали из испанского оборота все заработанное на англичанах и французах. Так или иначе, следует отметить исключительную роль Великобритании и Франции в испанской торговле, именно они позволяли Мадриду сводить концы с концами.

Что фигурировало в испанском экспорте? Во-первых, продовольствие и пробка; во-вторых, продукция горнодобывающей промышленности. В этом важнейшем разделе лидерские позиции занимала железная руда, причем именно рудный экспорт делал Испанию незаменимым партнером для англичан. Дело вот в чем: испанская руда весьма богата железом, которого в ее составе находится 46–49%⁹. Это означает, что в процессе плавки из тонны руды можно получить почти 0,5 т железа. Большая доля металла имела только в рудниковых запасах Швеции, СССР и США, причем статистика использовала усредненный результат, складывая полезное содержание всех месторождений. Но англичане для своих многочисленных потребностей брали не общеиспанскую смесь, а конкретную руду из месторождения близ Бильбао. В этом случае качество сырья возрастало до «шведского» значения в 60 долей железа на единицу. Черная металлургия, работающая на таком сырье, имела высочайшую степень эффективности.

Однако привлекательность рудников Басконии и Валенсии не ограничивалась уровнем концентрации. Руда из Страны Басков отличалась исключительно низким содержанием вреднейших фосфорных и серных примесей. Валенсийские рудники давали продукцию с серьезной долей марганца. В обоих случаях сырье позволяло получать чугун превосходного качества, пригодный для производства высокопрочных сталей. Сталь, вырабатываемая из испанского железа (продукция Бильбао была предпочтительнее), отличалась редкостными свойствами. Она была пластичная и выдерживала некоторое растяжение.

Именно такой материал подходил для постройки кораблей. Корабельные корпуса, призванные выдерживать огромные нагрузки на океанской волне, в Англии собирали из конструкционных сталей, имевших испанское происхождение. Основной конструкционный материал самого мощного военного и торгового флота на планете – сталь марки DC, как и ее предшественников¹⁰, –

Англия вырабатывала из испанского сырья. То же сырье годилось для брони и артиллерийских стволов, что ставило Испанию в исключительное положение среди торговых партнеров Британской империи. Вероятно, в английских колониях могли отыскаться собственные источники чего-то похожего, но практичных британцев подкупали близость испанских рудников и возможность переложить бремя обладания традиционной отраслью, а значит, и связанные с ней риски конъюнктурных колебаний на чужие плечи. Именно особые экономические отношения бывших и настоящих мировладельцев были источником радостей и бедствий в испанской экономике.

С одной стороны, Лондон был вынужден прощать Мадриду некоторую независимость в торговой политике, например тот факт, что деньги, зарабатываемые на англичанах, испанцы тратили, покупая машины, электротехнику и химическую продукцию в США и Германии. Тем самым реализовывалось суверенное право Испании искать, где дешевле и лучше. С другой стороны, Испания действительно подставлялась под удар капризной конъюнктуры мирового рынка. Динамика выглядела так. В начале века состояние ориентированной на ресурсный экспорт испанской экономики было стабильно неважным. Покупая чужой труд и интеллект за природные дары, Испания скудела, но медленно и равномерно. В годы Первой мировой тотальный дефицит всех видов продукции в воюющих державах внезапно вознес нейтральное хозяйство Испании на гребень волны. Любой испанский товар стал ликвидным, и экономика росла как на дрожжах.

В 1921 г. процветание закончилось. Возвращение англичан и французов к своим пашням и станкам ввергло подросший испанский потенциал в жестокий кризис. Только что построенные заводы закрывались, распаханное пространство возвращалось к целинному состоянию, банковские кредиты повисали в воздухе. Попытка вернуть экономику от экспорта продуктов переработки к сырьевому особого успеха не имела. Испанцев подвел основной партнер, не сумевший совладать с иерархическим кризисом. В 1922 г. в Вашингтоне завершилась знаменитая конференция, где США, спеша закрепить достигнутый паритет с Британией в деле контроля океанских коммуникаций, добились ограничения морских вооружений. Объявленные каникулы в военном кораблестроении снизили спрос на испанские железную и полиметаллические руды. Наиболее развитые зоны добычи экспортных товаров начали приходить в запустение. Но главная беда пришла позже, когда экономический кризис 1929–1933 гг. окончательно обрушил спрос на продовольствие и сырье. В 1933 г. рудники Бильбао и Картахены работали на 10% мощности¹¹. Та же участь постигла угольные копи Астурии, медные под Севильей, свинцовые близ Линареса и прочие горные предприятия, извлекающие марганец, цинк и ртуть.

Все происходившее в 20–30-е гг. XX в. стоило Испании установления военной диктатуры М. Примо де Ривера и ее падения в 1930 году. Далее следовали буржуазная революция 1931 г. и установление режима Второй Республики, функционировавшего в условиях перманентного социально-экономического кризиса. Улучшение наметилось лишь в 1935 г., когда Англия и Франция начали готовиться ко Второй мировой, что резко увеличило спрос на железо и легирующие материалы. Окончательное выздоровление экономики сырьевого придатка могло наступить в 1936 г., когда Великобритания приняла новую судостроительную программу, включавшую строительство 187 кораблей общим водоизмещением 870 000 т¹². Но сделанные в апреле 1936 г. ассигнования запоздали, экономический кризис необратимо расколол испанское общество.

Все вышеприведенное изложено с одной целью – для демонстрации ключевой роли британского сегмента в структуре испанской торговли и доходов. Притом Великобритания находится на острове и иных путей, кроме морских, до ее домен и мартенов не имелось. Упомянутое обстоятельство обязывало Испанию к обладанию заметным военным и торговым флотом. Торговый флот был необходим, дабы не все комиссионные доходы от транспортировки доставались партнерам. Военному надлежало защищать каботажные и скромной протяженности внутриимперские маршруты от посягательств третьих держав, а равно прикрывать массу выдвинутых к морю экономически важных объектов.

Экспортная ориентация испанской экономики и ее открытый морской характер очевидны при первом взгляде на карту размещения производительных сил. Крупнейшим городом страны всю первую половину XX в. являлся не столичный континентальный Мадрид, но портовая Барселона. Самый населенный регион той эпохи – Баскская провинция Бискайя. Там же, кстати, отмечалась высочайшая концентрация индустриального производства и капитала.

Транспортная система страны была и вовсе примечательной. Железородная Страна Басков и угледобывающая Астурия не были связаны магистральной железной дорогой. Великолепная баскская руда ориентировалась, видимо, целиком на Альбион, а тот мизер, что переплавлялся дома, проще было перебрасывать вдоль Кантабрийского (Бискайского) побережья на судах¹³.

Кстати, теми же причинами обуславливались сепаратистские тенденции среди басков и каталонцев. В XIX–XX вв. этнокультурные различия этих народов с кастильцами дополнились разностью экономических интересов. Причем если каталонцы, занятые переработкой и нуждавшиеся в кастильском рынке, желали ограниченного суверенитета, то баски мечтали о полной независимости, ибо их главный партнер размещался за беспокойной ширью Кантабрийского моря.

Борьба с энергичным сепаратизмом басков и вялым автономизмом галисийцев нашла выражение в начертании сухопутной транспортной системы. Заправлявшие в Мадриде кастильские националисты проложили основные стальные магистрали с явным централизаторским замыслом. К примеру, чтобы попасть в любую из четырех ключевых точек кантабрийского побережья, приходилось сначала двигаться на юг до Паленсии, где располагался важнейший железнодорожный узел Старой Кастильи и проживали почти исключительно сторонники единой и неделимой. Для внутреннего сообщения между Ла-Коруньей, Хихоном, Сантандером и Сан-Себастьяном оставались лишь редкие узкоколейки и автомагистрали, чего в стране, импортирующей 100% нефти, было явно недостаточно. Второй вариант маршрута был исключительно морским. Схожим образом обстояли дела и в иных частях страны.

Мятеж планировали профессионалы, воспользовавшиеся коммуникационным «наследием» идейных предшественников. В первые дни мятежа транспортная система полуострова попала под контроль мятежников. Утром 19 июля восставшие овладели Паленсией¹⁴. В тот же момент генерал Кабанельяс удачно объявил военное положение в Сарагосе, «оседлав» северо-восточные железные дороги¹⁵. В Севилье и Кордобе, регулирующих стальные коммуникации Андалусии, мятежники раньше начали, но позже завершили процесс. Генерал Кейпо де Льяно, опираясь на весьма ограниченные силы и собственную дерзость, поджидал подкрепления из протектората, и лишь получив их к 21 июля, решил судьбу юго-западной транспортной системы¹⁶.

Первичное размежевание страны уже в первые дни мятежа разрушило сухопутное сообщение в республике. Мадридское правительство в конце июля 1936 г. полностью контролировало лишь магистральную железную дорогу по маршруту французская граница – Барселона – Валенсия – Мурсия и ее ответвление Валенсия – Мадрид. Поддерживать связь с изолированным северным анклавом республики можно было лишь через территорию Франции, и то пока в руках республиканцев находился участок рельсов Эндай – Ирун – Сан-Себастьян. Зато в республиканской зоне сосредоточилось до трех четвертей локомотивов и вагонов, а также оказался основной Астурийский угольный бассейн¹⁷. На практике это означало, что возможность продолжения борьбы полностью ставилась в зависимость от обладания прибрежными водами. В противном случае вставали автомобильный транспорт и лишенная сырья экономика.

Морской фактор в момент перерастания мятежа в войну приобрел архиважное значение. Резюмируя расклад сил в конце июля 1936 г., можно констатировать, что республиканцам достались ресурсы человеческие, промышленные и природные. Националисты овладели сухопут-

ными коммуникациями, оптимизировав структуру будущей мобилизации. Военный потенциал сухопутных сил и их материально-технические средства стороны поделили примерно поровну при несравнимо лучшей организации управления в мятежном лагере. Весьма архаичная матчасть ВВС из 270 машин на три четверти осталась у мадридского правительства, как и основная масса кадров технических служб. Зато летный состав на 65% перешел к повстанцам¹⁸.

В условиях возникшего равновесия успех одного из лагерей могла определить позиция флота, тем паче, что самый боеспособный контингент националистов в третьей декаде июля 1936 г. еще пребывал на африканском берегу Средиземного моря.

ВМС Испании, порожденные открытостью экономики и наличием заморских территорий, являлись тем фактором, который поднимал страну над уровнем малых государств Европы. В начале 1920-х по числу боевых кораблей испанский флот занимал четвертое место в Европе и шестое в мире¹⁹, что, правда, объяснялось временным выбыванием из рейтинга германского и русского флота. В середине 1930-х все фигуранты, кроме исчезнувших австро-венгерских ВМС, вернулись в списки и испанцы вновь заняли восьмую и десятую строчки в регламенте мировых морских сил. Еще лучше обстояли дела с транспортным флотом, заковой насчитывал более 880 судов общим водоизмещением свыше 1,15 млн т и уступал лишь восьми торговым флотилиям мира²⁰.

В составе испанских ВМС числились два дредноута, «Эспанья» и «Хайме I». Сам факт обладания линкорами был необычен для малых европейских флотов, но обеспечивал, скорее, моральное преимущество. Серия испанских линкоров относилась к типу дредноутов, стоявших у отправной точки эволюции данного класса кораблей. Причем даже в этой категории испанцы не блистали. Проект «Эспанья» был разработан британцами исходя из основополагающей потребности в дешевизне. Англичане постарались и втиснули дредноутные параметры в водоизмещение и габариты броненосцев предшествующей эпохи. Корабли оказались действительно дешевыми, но при этом самыми слабыми из когда-либо построенных. Декларативная испанская пара (третий корабль серии погиб на камнях в 1923 г.) имела посредственную артиллерию, зачаточную систему управления огнем, скромные динамические характеристики, тонкую броню и, главное, конструктивно слабые корпуса с неудовлетворительной подводной защищенностью²¹. К 1936 г. дредноуты устарели морально и изрядно поизносились, но за неимением лучшего по-прежнему считались главными боевыми единицами армады.

Крейсерские силы включали пять кораблей в строю и два достраиваемых. Функционирующая пятерка состояла из двух серий. Первая включала два несколько отличных друг от друга скаута (эскадренных разведчика) типа «Мендес

Нуньес». Выше поименованный крейсер и почти идентичная «Республика», позже переименованная националистами в «Наварру», ничем не выделялись из длинной линейки подобных кораблей, построенных накануне и в годы Первой мировой. Оба крейсера были банальны по параметрам, полезны в повседневной службе флота и изрядно изношены, что усугубляло моральное старение проекта и концепции применения²².

Вторая серия («Либертад», «Адмирал Сервера» и «Мигель Сервантес») воспроизводила первую пару разведчиков на качественно новом уровне. Впитав стандарты межвоенного периода, эти корабли в целом отвечали требованиям эпохи к легким крейсерам. Тип «Либертад» лишь на одну эволюционную ступеньку уступал новейшим кораблям передовых флотов²³.

Находившиеся накануне готовности на феррольских верфях тяжелые вашингтонские крейсера «Канариас» и «Болеарес» обещали стать и стали прорывом испанского флота в современность. Оба корабля имели сбалансированные параметры, высокий уровень функциональности, обусловленный английским происхождением проекта, и артиллерию, стрелявшую дальше любых других пушек испанского флота. Вдобавок конструкция подразумевала совершенную систему управления огнем, которую, впрочем, Вторая Республика так и не смогла оплатить, тем самым задержав постройку крейсеров до кануна мятежа²⁴.

Кроме тяжелых единиц армада располагала 12 эсминцами типа «Чуррука» (еще два строились в Картахене), вполне отвечавшими требованиям момента. Как и все испанские корабли, эти эсминцы имели в основе английский проект, но строились в Испании с установкой лицензионного оборудования²⁵. Подобными миноносцами тогда в основном комплектовались все флоты мира, и испанские образцы считались вполне конкурентоспособными. Вне данной серии существовало еще три миноносца типа «Ласага», старых, но пригодных, а также несколько совсем древних номерных миноносок.

Подводные силы армады состояли из дюжины субмарин, поровну представлявших типы «В» и «С»²⁶. Первая серия была постарше и предназначалась для действий в прибрежных водах. Вторая имела задатки подводных крейсеров и гипотетически могла оперировать в океане. Однако обе группы субмарин вооружались ненадежными итальянскими торпедами, а кроме того, к 1936 г. изрядно обветшали. Революционные настроения личного состава армады препятствовали должному уходу за механизмами. Между тем если на надводных кораблях техническая исправность определяет победу или поражение, то на подлодках – буквально жизнь или смерть, в свете чего большой пользы от подводного флота ожидать не приходилось.

Кроме перечисленного армада формально располагала разукomплектованным гидроавиатранспортом «Дедало», ожидавшим разделки

в барселонском порту²⁷. Сверх того имелись 16 канонерских лодок для колониальной службы и пресечения контрабанды, а также ряд судов обеспечения. В Эль-Ферроле строились 4 современных больших минных заградителя²⁸. Морская авиация располагала 60 гидросамолетами²⁹.

Республиканское руководство, комитеты политических группировок и даже обыватели знали о планируемом мятеже. Мадрид принял меры – по завершении маневров у Канарских островов корабли получили приказ следовать в метрополию, ни в коем случае не задерживаясь в базах протектората (Марокко). Республика гасовала кадры, но нейтрализовать сочувствующих националистам можно было лишь совсем убрав с кораблей командный состав. Этого по понятным причинам не сделали. Пришлось вступать в контакт с корабельными комитетами, коим приказали «быть начеку». Радиограммы руководства накануне восстания стали достоянием судовых комитетов, внимательно изучавших оперативные приказы на предмет лояльности Республике. Мера сработала. В начале мятежа группы офицеров-заговорщиков оказались беспомощными. Попытки выполнить приказы повстанческого руководства в большинстве случаев заканчивались арестом всей кают-компания.

Учитывая, что наибольшее политическое влияние в кубриках имели анархисты, склонные к прямым политическим действиям, за арестом комсостава обычно следовали казни. Причем уничтожение классово чуждых происходило вне зависимости от подробностей эксцессов и наличия попыток вооруженного насилия со стороны участвовавших или подозреваемых в мятеже.

К 21 июля флот разделился в соответствии с логикой событий. Активные единицы достались правительству, ремонтируемые или достраиваемые попали в руки восставших гарнизонов.

На стороне правительства к действиям готовились линкор «Хайме I», легкие крейсера «Либертад» и «Сервантес», 15 эсминцев и все подводные лодки³⁰. Позже к эскадре присоединился оставивший колониальную службу крейсер «Мендес Нуньес». Все корабли были боеспособны, но не имели командных кадров, истребленных либо отстраненных в ходе подавления попыток мятежа. Националисты сумели захватить содержимое феррольских верфей. Им достался разукомплектованный перед модернизацией линкор «Эспанья»³¹. Мятежную эскадру дополнили проходивший профилактику крейсер «Адмирал Сервера» и старый эсминец «Веласко». Со временем двухцветные флаги мятежа могли поднять готовый, но имевший лишь часть вооружения тяжелый крейсер «Канариас» и его собрат «Балеарес», завершавшийся постройкой³². Там же националисты раздобыли 2 боеготовых сторожевика и серию минзагов, работы на которых стоило довести до конца. В Кадисе мятежникам повезло с подготовленным к утилизации крейсе-

ром «Республика». Состояние корабля оставляло желать много лучшего, но дефицит боевых единиц заставил националистов реанимировать его³³. В Марокко и на юго-западе метрополии мятежники заполучили три канонерские лодки типа «Дато» в рабочем состоянии и одну строившуюся.

Вспомогательные суда и торговый флот распределились в соотношении примерно 70 к 30 в пользу правительства. Весьма важным в сложившейся ситуации обстоятельством стало деление нефтеналивного флота. Из 11 танкеров импортера-монополиста концерна CAMPSA националисты довольствовались только двумя³⁴. Зато республиканская девятка вынужденно сменила поставщиков, поскольку традиционные партнеры в США уже в июле переориентировались на мятежников.

Следует констатировать, что летом 1936 г. республиканские ВМС имели подавляющее превосходство над мятежным флотом из крейсера, эсминца и пяти судов прибрежного действия. Республика владела настоящим армадой, зато националисты определяли перспективу – кроме недостроенных, т. е. новейших кораблей им принадлежала флотская инфраструктура. База в Эль-Ферроле концентрировала основные флотские запасы и возможности судостроения и ремонта. В Кадисе дислоцировались учебные центры и артиллерийский арсенал Сан-Карлос, производивший боеприпасы основных корабельных калибров и сами пушки. Оба порта имели современную береговую оборону и опекали соответствующие морские округа. Ферроль прикрывал Ла-Корунью (вывоз железной руды). Кадис господствовал над узостью Гибралтара и районом Альхесираса и Уэльвы (вывоз медной руды)³⁵. Республиканский флот заполучил единственную базу в Картахене. До войны этот пункт использовался лишь для базирования эсминцев и подлодок и был оснащен соответствующими верфями и доками. Картахенская гавань имела ограниченные размеры. Арсенальные запасы имелись лишь для легких кораблей. Все это затрудняло базирование основных сил флота. В Картахенский округ до войны входили якорные стоянки у Аликанте, Балеарских островов и Малаги. База отвечала за прикрытие крупных торговых портов Барселоны, Таррагоны и Валенсии³⁶. Круг задач республиканского флота виделся весьма широким, возможности снижались отсутствием руководства. Истребление или изгнание офицерского корпуса обрекало достаточно мощные силы на примитивные действия, к тому же скверно исполняемые. Мятежникам не доставало кораблей и команд. Экипажи комплектовались кем придется и перемещались с корабля на корабль.

В условиях провала мятежа и начала гражданской войны флот приступил к реализации своих возможностей. Наиболее боеспособная часть мятежной армии находилась в протекторате. Переброска Африканской армии в метрополию могла

сломать примерный паритет сил правительства и восставших. Но между «африканцами» генерала Франко и Испанией пролегал Гибралтарский пролив. Стратегия действий была настолько очевидна, что даже дезориентированное руководство в Мадриде верно определило приоритетную задачу. Эскадре следовало запретить пролив. Судовые комитеты подчинялись ввиду очевидности цели.

22 июля сосредоточенный в Малаге флот начал блокадные действия, причем контролем акватории республиканский флот не ограничился. В первый день операции крейсера «Либертад» и «Сервантес» обстреляли Альхесирас и Ла-Линеа. Хаотичная пальба по площадям позитивного результата не дала, зато появились жертвы и разрушения. Пропаганда националистов отметила готовность противника к братоубийственным действиям. Командующий флотом М. Миер, проанализировав результаты операции, отказался исполнять обязанности и был арестован как заговорщик³⁷. Республиканские ВМС возглавил М. Буиса, продолживший активные действия. Неделью флот энергично изнашивал стволы главного калибра, расстреливая Сеуту и Мелилью. Франкисты на свой страх и риск отправляли через Гибралтар одиночные транспорты с войсками. Блокада всякий раз оказывалась неэффективной. Авантюры националистов удавались. На бомбардировку портов националисты отвечали ударами авиации. Поначалу эпизодические боевые вылеты малочисленных самолетов националистов результата не приносили. Но бомбежки подняли проблему полного отсутствия средств ПВО на республиканских кораблях. Второй проблемой стало отсутствие оперативной базы для действий флота. Малага находилась слишком далеко от пролива, и республиканцы избрали для передышек и пополнения топливных запасов Танжер.

Администрация международного порта поначалу закрывала глаза на происходившее, но последовал протест Франко, подкрепленный переброской к границе свободной зоны частей испанской армии в Марокко. Угроза захвата привела к разрыву сотрудничества танжерских властей и республиканцев. Последние вынужденно перенесли оперативную базу в Малагу³⁸. Блокадная линия республиканского флота стала еще более проницаемой. 30 июля в мятежную Марокко прибыли первые 9 итальянских бомбардировщиков SM-81, выделенные в помощь набиравшему политический вес генералу Ф. Франко. Тогда же на марокканские аэродромы по одному начали приземляться немецкие Ju-52, отправленные Гитлером³⁹. Оба типа машин могли использоваться в качестве транспортных самолетов и бомбардировщиков. Крепнущая авиация националистов начала челночные грузовые рейсы на полуостров, перебрасывая над проливом войска и оружие⁴⁰. Блокада стала бесполезным и очень опасным мероприятием, поскольку те же самолеты, отвлекаясь от обслуживания первого в

истории воздушного моста, могли безнаказанно бомбить республиканские корабли. В новых обстоятельствах националисты решились на проводку крупного конвоя. 5 августа Сеуту покинули пять транспортов с войсками и артиллерией под охраной канонерки «Дато» и сторожевика. В воздухе дежурили звенья бомбардировщиков. Два дозорных республиканских эсминца поочередно и безрезультатно атаковали конвой, получили повреждения и отошли. «Конвой победы», как позже именовали акцию франкисты, состоялся. В Альхесирас прибыло 3 тысячи солдат мятежников.

Республиканский флот ответил ударом по пункту высадки. Утром 7 августа линкор «Хайме I» прибыл в Альхесирасскую бухту, единственной защитой которой была канонерка «Дато». Бой дредноута с весом бортового залпа примерно в 3 тонны и канонерки, отвечавшей единовременным выбросом 40 кг металла, был краток, но показателен. «Дато» пошла ко дну, но флага не спустила. Затем настал черед сторожевика «Яд Керт», миноносца № 19 и стоявших в порту транспортов, расстрелянных линкором и подошедшим ему на помощь крейсером «Либертад». Канонада была эффективной, но не слишком эффективной. За десять часов стрельбы республиканцы выпустили значительную часть дефицитного боекомплекта, израсходовали ресурс стволов и обеспечили себе дипломатические проблемы по причине серьезного повреждения голландского судна «Демпо»⁴¹. При этом мятежный десант потерь не понес. Осуществив акцию, крупные единицы флота отошли на базы, где и оставались в связи с невозможностью пополнить боезапас. Легкие силы и подлодки, продолжившие дежурство в проливе, подвергались систематическим ударам с воздуха и несли потери. Блокада превращалась в фикцию. 13 августа серьезное бомбовое попадание получил «Хайме I», стоявший в Малаге. Линкор отвели в Картахену. Затем оперативная обстановка потребовала переориентации флота в восточном направлении.

Каталония, обретшая на революционной волне, возникшей в республиканском лагере, фактическую независимость, приступила к укреплению своих геополитических позиций. Подчинившиеся Хенералидаду и левому каталонскому объединению силы в начале войны вторглись в Арагон, превратив регион в колонию Барселоны. Затем настала очередь Балеарских островов, значение которых в средиземноморской политике не подлежало переоценке. В начале августа без согласования с мадридским правительством каталонцы сформировали десант для захвата островов. Самостоятельная операция началась 5 августа, когда десант овладел островами Форментера и Ибица и нацелился на Майорку, занятую мятежным гарнизоном. Разобравшись в обстановке, центральное правительство вмешалось в события, отправив из Валенсии собственную десантную группу. 16 августа главный остров архипелага был атакован сепаратистами. День спустя чуть в стороне

десантировались республиканцы. Координация отсутствовала, более того, республиканские группировки открыто конкурировали. Мадрид явно не желал каталонцам успеха. Операция затянулась. Мятежники получили подкрепление и блокировали плацдармы. Каталонцы затребовали поддержку с моря. Республиканская эскадра во главе с линкором вышла к Майорке, но опоздала – националисты контратаками поставили десант в критическое положение. Вместо поддержки наступления флоту пришлось прикрывать беспорядочную эвакуацию десанта. 4 сентября «каталонская авантюра» свернулась. Колонна Байо, бросив тяжелое вооружение, вернулась в Барселону. Флот израсходовал очередную долю боекомплекта и драгоценное топливо. Перевалочная база между Италией и мятежниками осталась в руках националистов⁴².

Между тем положение республики ухудшилось. Форсировавшая пролив Африканская армия, пройдя через Эстремадуру, объединила мятежные зоны полуострова в единое целое и повернула на восток, к Мадриду. 3 сентября пала Талавера. Последняя позиция, преграждавшая путь к Мадриду, была потеряна. До истечения тех же суток стратегические изменения произошли на севере. Одна из колонн генерала Солчаги отобрала у республиканцев г. Ирун⁴³. Баскония, Сантандер и Астурия, тем самым, теряли железнодорожную связь с Францией, последнюю и не слишком надежную нить, объединявшую две части республиканской Испании.

В Мадриде сменилось правительство. 5 сентября 1936 г. сформировался «кабинет победы» во главе с социалистом Х. Ларго-Кабальеро. Портфель министра флота и авиации получил Индалесио Прието⁴⁴. «Правительству победы» следовало теперь избежать немедленного поражения. Требовались мобилизация, подразумевавшая восстановление экспортных возможностей страны, и поиск источников военных поставок. Следовало консолидировать фронты, упрочить международное положение республики, унифицировать военные усилия регионов. Немалым препятствием в данных условиях становилась морская блокада мятежниками Кантабрийского побережья. Ценой лихорадочных усилий в августе 1936 г. франкистам удалось создать собственный флот. В него вошли крейсер «Сервера», эсминец «Веласко» и частично отремонтированный линкор «Эспанья», имевший половину штатной артиллерии⁴⁵. Тем не менее эти весьма скромные силы, подкрепленные вооруженными гражданскими судами, сумели блокировать кантабрийские порты и, воздействуя на приморские фланги противника, обеспечить падение Ируна и Сан-Себастьяна. Фактическая изоляция севера подтолкнула сепаратистские процессы. Страна Басков, управляемая буржуазным националистическим правительством, фактически обрела независимость и приступила к формированию собственной государственности.

Экономической основой новоявленных институтов стали не обремененные более посредничеством Мадрида торговые контакты с англичанами. Испанские суда, скованные блокадой националистов, стояли в портах. Зато активничали демократии. Прибывший в сентябре в Басконию Н. Г. Кузнецов констатировал: «Английские и французские транспорты вывозят руду, но не привозят оружия и даже продовольствия. Владельцы рудников отправляют свою продукцию, а капиталы оставляют в Лондонском банке»⁴⁶. Такое положение весьма импонировало Лондону и удерживавшей власть баскской буржуазии, но делу Республики в целом никак не содействовало. Баскская игра была беспроигрышной. В случае победы Республики де-факто обретенная независимость трансформировалась в широкую автономию. В случае успеха националистов респектабельное, лишенное красного оттенка баскское государство взывало к британскому посредничеству. В случае неудачи баскская элита благополучно перебиралась на благословенный остров, поближе к капиталам, отложенным на черный день.

Между тем в Мадриде оценили обстановку. Новый министр флота дон Инда (Индалесио Прието), несмотря на сугубо социалистические убеждения, слыл сторонником единой и неделимой. Кроме того, министр неплохо разбирался в экономических и геополитических шарадах эпохи. Очевидно, логика Прието была следующей: главные рудные богатства Испании следовало обратить на общее благо. Безальтернативную для англичан зависимость от испанских поставок надлежало превратить в благожелательность к Республике в целом. Бегство капиталов надо было остановить, формирующийся франкистский флот уничтожить.

21 сентября 1936 г. собранный в Малаге республиканский флот (линкор, 2 крейсера и 6 эсминцев) вышел в поход на север. Началась самая спорная и, возможно, самая важная морская операция межвоенного периода. Северный поход республиканского флота считается величайшей военной ошибкой. Адмирал Н. Г. Кузнецов на страницах не слишком толстой книги воспоминаний трижды порицает Прието за исторический маневр⁴⁷. В одном случае Прието обвиняется даже в политиканстве, ибо, будучи депутатом кортесов от Бильбао, министр якобы пошел на популистский шаг ради электоральной поддержки⁴⁸. За Николаем Герасимовичем мнение об ошибочности передислокации флота повторили многие серьезные исследователи проблематики⁴⁹. В упрек Прието ставятся фактическое прекращение блокады Гибралтара, концентрация флота в портах, не приспособленных для ремонта кораблей, не имеющих необходимых запасов, лишенных средств ПВО и т. д.

Между тем блокада пролива в августе 1936 г. явно утратила смысл. Основные силы мятежников

уже действовали на полуострове и добивались существенных успехов. Причем далее Марокко могла обеспечивать Франко лишь маршевым пополнением, ибо дальнейший вывоз войск угрожал потерей контроля протектората.

Способность северных портов организовать базирование кораблей мало чем отличалась от потенциала Картахены. Доков подходящих размеров, системы ПВО, пунктов базирования не было ни там, ни там. Что касается запасов, то и здесь однозначного мнения быть не может. Астурия, во всяком случае, располагала обширными запасами угля. Именно этот вид топлива потребляли котлы «Хайме I»⁵⁰. Уголь был пригоден для обеспечения экономического хода крейсера «Мендес Нуньес»⁵¹, хотя именно этот крейсер остался на юге, тогда как на северный театр прибыли нефтяные «Либертад» и «Сервантес». Тут безусловно имеет место ошибка, но не стратегическая, а оперативная. В данном случае виноват не де Прието, а комфлота Буиса. Что касается боеприпасов, то их единственным источником для республиканского флота был завод в Рейносе, выпускавший снаряды 12” и 6”⁵². Завод как раз на севере и находился, так что элементарная задача пополнения боекомплекта линкора и крейсеров требовала визита в Сантандер или Хихон. По большому счету переход флота на север был необходим просто по техническим причинам. Маневр прошел удачно, 25 сентября корабли прибыли на рейд Хихона, выгрузили оружие и двинулись дальше, в Сантандер и Бильбао. Блокады северных портов франкистами более не существовало. Эскадра националистов, получившая в те дни новый мощный крейсер «Канариас», боя не приняла и, в свою очередь, перебазировавшись на юг. В районе Гибралтара «Канариас» и «Сервера» окончательно устранили республиканские дозоры. Был потоплен республиканский эсминец. Однако стратегическая обстановка от этих действий поменялась незначительно.

Возврат северного экономического потенциала в общую копилку Республики стоил больше, чем устойчивые коммуникации франкистов между полуостровом и опустевшим протекторатом. Теперь для консолидации Республики следовало провести политическую унификацию регионов, поровну разделив мобилизационное бремя. Но этого не случилось. В первый день октября правительство Кабальеро вынесло на обсуждение в кортесах статут автономии Страны Басков. Прения по архиважному вопросу заняли несколько минут⁵³. Статут Страны Басков, подкрепленный фактической изоляцией региона, «похоронил» возможность экономической интеграции Республики. Богатейший край окончательно обособлялся от общей борьбы. Англия получала долгожданного мелкого и покладистого торгового партнера, а равно и возможность расширять «политику невмешательства», ограничив свое участие лишь контролем рудной артерии.

Прочие северные провинции поэтапно пришли к политике кантонализма, подрывавшей единство военных усилий. Республиканские районы дистанцировались друг от друга. Возможность увлечь демократии общеиспанскими проблемами была упущена. С этого момента пребывание республиканского флота на севере действительно стало ошибкой. У Республики осталось единственное платежное средство – золото – и единственный надежный партнер – СССР. Готовясь прикрыть возникающую коммуникационную линию, республиканский флот пошел обратно в Картахену. Защита средиземноморского маршрута до Картахены являлась делом сложным и требовала концентрации усилий: на севере оставили всего два эсминца и ветхие подлодки, что привело к быстрому восстановлению франкистской блокады⁵⁴. Флот проиграл третью стратегическую операцию 1936 года. Франкистские ВМС окрепли, и время для реализации возможностей флота было упущено. События потекли по известному историческому руслу.

Примечания

- 1 См.: Кузнецов Н. Г. На далеком меридиане. М., 1966.
- 2 См.: Питерский Н. Под военно-морским флагом испанской республики // Проблемы испанской истории. М., 1971; Крученых А. В. Операция маятник // Мы интернационалисты. М., 1975; Рамшвили С. С. Морские ворота республики // Там же. М., 1975.
- 3 См.: Война в Испании. Морской флот в гражданской войне. М., 1938; Война в Испании. Вып. 1–17. М., 1937–1938 (Вып. 11: Организация и боевые действия республиканского морского флота на севере Испании. 1938; Вып. 15: Действия морского флота на коммуникациях. 1938; Вып. 16: Действие авиации на море. 1938).
- 4 См.: Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. // Военно-морское соперничество и конфликты 1919–1939. Минск, 2003.
- 5 См.: Шталь А. Малые войны 1920–1930-х годов. М., 2003.
- 6 См.: Рыбалкин Ю. Операция «X». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000.
- 7 См.: Митюков Н. В., Фернандес Р. Линкоры типа «Эспанья» // Морская коллекция. № 12(69) и др.
- 8 См.: Томас Х. Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. М., 2003. С. 199.
- 9 См.: СССР и капиталистические страны: стат. сб. М., 1939. С. 156.
- 10 См.: Чаусов В. Н. Артиллерия и броня // Линкоры Второй Мировой. М., 2006. С. 239.
- 11 См.: Thomas H. La guerra civil española: 1936–1939. Barcelona, 1985.
- 12 См.: Военно-морское соперничество и конфликты 1919–1939. Минск, 2003. С. 499.
- 13 Представление об испанской инфраструктуре РПС и транспорта дает карта в статье «Испания», приведенная

- в Большой советской энциклопедии. Т. 29. М., 1935. Ст. 428.
- ¹⁴ См.: *Aznar M.* Historia military de la gerra de España. Madrid, 1958. P. 361.
- ¹⁵ См.: *Vigon J.* General Mola. Barselona, 1957. P. 123–125.
- ¹⁶ См.: *Casas de la Vega R.* Franco militar. Madrid, 1995. P. 355.
- ¹⁷ См.: *Сория Ж.* Война и революция в Испании 1936–1939 : в 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 99.
- ¹⁸ См.: *Зефилов М.* Асы Второй Мировой. Союзники Люфтваффе. М., 2002. С. 475.
- ¹⁹ См.: *Анка Аламильо А., Митюков Н. В.* «Мендес Нуньес» и другие. Крейсера – скауты испанского флота // Морская коллекция. 2003. № 9(57). С. 2.
- ²⁰ См.: Военно-морское соперничество и конфликты 1919–1939. Минск, 2003. С. 325.
- ²¹ См.: *Митюков Н. В., Фернандес Р.* Указ. соч. С. 5–18.
- ²² См.: *Анка Аламильо А., Митюков Н. В.* «Мендес Нуньес» и другие. Крейсера – скауты испанского флота. С. 4–13.
- ²³ См.: *Garsia Flores D.* Buques de la Gerra Civil Española. Acorados y Cruseros. Madrid, 2002. P. 37.
- ²⁴ См.: Крейсера Второй Мировой. Охотники и защитники. М., 2007. С. 132–133.
- ²⁵ См.: *Балакин С.* С оглядкой на «законодателей моды» // Моделист-конструктор. 2002. № 1. С. 31.
- ²⁶ См.: *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 62.
- ²⁷ См.: *Анка Аламильо А., Митюков Н. В.* Гидроавиатранспорт «Дедало» // Морская коллекция. 2008. № 6(105). С. 32.
- ²⁸ См.: Флоты Второй Мировой. М., 2009. С. 532.
- ²⁹ См.: Военно-морское соперничество и конфликты 1919–1939. С. 324.
- ³⁰ См.: *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 68.
- ³¹ См.: *Митюков Н. В., Фернандес Р.* Указ. соч. С. 23.
- ³² См.: *Garsia Flores D.* Op. cit. P. 81.
- ³³ См.: *Анка Аламильо А., Митюков Н. В.* «Мендес Нуньес» и другие. Крейсера – скауты испанского флота. С. 18
- ³⁴ См.: *Розин А.* Советские моряки в гражданской войне в Испании. URL: <http://alerozin.narod.ru/SovietSpain1.htm> (дата обращения: 04.07.2011).
- ³⁵ См.: *Шталь А.* Указ. соч. С. 240.
- ³⁶ Там же. С. 241.
- ³⁷ См.: *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 70.
- ³⁸ См.: Военно-морское соперничество и конфликты 1919–1939. С. 339.
- ³⁹ См.: *Абросов С.* Воздушная война в Испании. М., 2008. С. 28.
- ⁴⁰ См.: *Casas de la Vega R.* Op. cit. P. 353.
- ⁴¹ См.: *Митюков Н. В., Фернандес Р.* Указ. соч. С. 29.
- ⁴² См.: Военно-морское соперничество и конфликты 1919–1939. С. 343.
- ⁴³ См.: *Aznar M.* Op. cit. P. 230–235.
- ⁴⁴ См.: URL: <http://www.navy-memory.ru/ml/t71.html> (дата обращения: 04.07.2011).
- ⁴⁵ См.: *Митюков Н. В., Фернандес Р.* Указ. соч. С. 23–24.
- ⁴⁶ *Кузнецов Н. Г.* Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁷ Там же. С. 77, 79, 152.
- ⁴⁸ Там же. С. 79.
- ⁴⁹ См.: Война и революция в Испании 1936–1939. М., 1968. С. 414.
- ⁵⁰ См.: *Митюков Н. В., Фернандес Р.* Указ. соч. С. 10.
- ⁵¹ См.: Крейсера Второй Мировой. М., 2007. С. 137.
- ⁵² См.: *Митюков Н. В., Фернандес Р.* Указ. соч. С. 11.
- ⁵³ См.: Война и революция в Испании 1936–1939. С. 39.
- ⁵⁴ Война в Испании. Вып. 11 : Организация и боевые действия республиканского морского флота на севере Испании. 1938. С. 9.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94:329.055.3

К ВОПРОСУ О ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВНИКАХ СССР В ВОЗМОЖНОЙ ВОЙНЕ В 1920-Х ГОДАХ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье рассматриваются международные отношения СССР с потенциальными противниками в межвоенный период, производится систематизация дипломатических актов антисоветской направленности и группировка государств исходя из степени враждебности их международной политики по отношению к СССР в 1920-е годы.

Ключевые слова: межвоенный период, международные отношения, военная политика СССР.

The Question of the USSR's Potential Enemies in Potential War in 1920s

V. G. Tsyplin

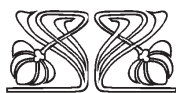
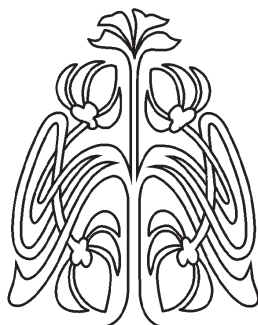
The article examines Russian relations with potential adversaries in the interwar period. The author systematizes a number of diplomatic Anti-Soviet Acts and the ranking of states threatening the USSR's foreign policy during 1920s.

Keywords: interwar period, international relations, USSR defense policy.

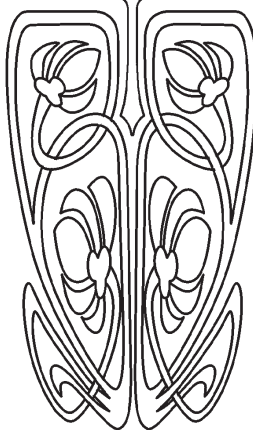
Военно-политические реалии сегодняшних дней вполне обоснованно выдвигают в качестве острых проблемы внешней безопасности России, которые своими корнями уходят в прошлое. В связи с этим большое значение приобретает исследование военной политики в отношении стран, которые считались потенциальными противниками СССР.

Детальный анализ внешнеполитических шагов руководителей СССР и мероприятий по совершенствованию вооруженных сил, предпринятых в нашей стране в 1920-х гг., в начальный период подготовки к возможной войне, не менее важен, чем изучение реакции на эти действия руководителей крупных мировых держав, имевшей далеко идущие исторические последствия. Но исследование тех представленных моделей, которые лежали в основе важнейших политических и стратегических решений СССР, принимаемых в рассматриваемый период, является преобладающим. Именно поэтому так важно выяснить, какой представлялась грядущая война руководителям СССР на протяжении 1920-х гг., когда началась масштабная реконструкция вооруженных сил, которая была активно продолжена в 1930-х гг. Это позволило бы выстроить факты событийной истории в целостную картину, уточнить логику принимаемых решений.

Бесспорно, что анализ исторического опыта отношений России, особенно со странами Европы, в 1920-е гг. представляет не только дипломатический интерес. Советское государство сразу, с момента основания, стало объектом и участником жесткого экономического, социального и политического противостояния двух систем. Подавляющее большинство государств мира с ненавистью отнеслось к революции. Вместе с тем в различных слоях общества капиталистических стран крепла надежда на успех невиданного в истории эксперимента, росла поддержка страны Советов. Одним из проявлений этого процесса стало то, что после революции Советскую Россию, а затем СССР посещали десятки различных делегаций из разных стран мира. По приблизительным подсчетам, в 1920-е гг. нашу страну посетило около 50 тыс.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

иностранцев, т. е. примерно 5 тыс. человек в год, или 13–14 человек ежедневно¹. Но в то же время начинает просматриваться общая картина военно-политической подготовки западных сопредельных стран к войне с СССР. Об этом свидетельствует ряд международных договоров и соглашений, направленных против СССР. Советское правительство, в свою очередь, летом 1926 г. предлагает каждой стране в отдельности (Польше, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии) заключить договор о ненападении и нейтралитете. Несмотря на контрмеры Польши и длительный процесс решения этой проблемы, советской дипломатии удалось склонить к подписанию договоров сначала правительства Литвы, а затем и Латвии, чему в немалой степени способствовало охлаждение отношений между Польшей и Литвой, а также Польшей и Латвией. К тому же Финляндия и Эстония вынуждены были отказаться от польских условий заключения договора с СССР².

В 1927 г. Наркомат обороны СССР принял решение о начале строительства укрепрайонов вдоль западной границы на наиболее важных стратегических направлениях, начиная с Северо-Западного укрепрайона на Карельском перешейке³.

В 1928 г. штаб РККА, исходя из международного положения СССР, все капиталистическое окружение условно подразделял на четыре группы государств:

1) явно враждебные по отношению к СССР: Англия, Франция, Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва; сюда же можно причислить и Италию, которая из соображений своей общей политики готова поддержать антисоветские планы Англии;

2) могущие примкнуть к антисоветскому фронту, какие сами, какие после определенной обработки их ведущими странами Запада: Германия, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Югославия, Греция, Бельгия, Япония и США;

3) не заинтересованные в войне с СССР в силу своего географического положения или по другим причинам: Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Австрия, Албания, Персия и страны Латинской Америки;

4) дружественные по отношению к СССР: Турция, Афганистан, Китай, Индонезия, Индия, Монголия⁴.

Представляется, что деление государств на 4 группы является весьма условным, так как в ходе боевых действий политика многих государств имела разные оттенки по отношению к СССР в сравнении с мирным периодом. Тем не менее подобная градация является вполне достаточной для общей ориентировки и для определения основных вариантов войны против СССР в 1920-е годы.

Характеризуя группировки государств с точки зрения их участия в боевых действиях против СССР, необходимо отметить, что наиболее враждебную политику против Советского государства проводило консервативное прави-

тельство Великобритании, которое можно назвать инициатором антисоветских комбинаций. После бурного подъема, связанного с дипломатическим признанием 1 февраля 1924 г. правительством лейбористской партии правительства новой России, переговорами и подписанием Общего договора и договора о торговле и мореплавании между СССР и Великобританией, в двусторонних отношениях начался резкий спад. Реакционные силы, от консерваторов (У. Черчилль, О. Чемберлен) до либералов (Д. Ллойд Джордж, Г. Асквит и др.), объединились в общей борьбе за аннулирование подписанных договоров. В начавшейся избирательной кампании оппозиция не побрезговала прибегнуть к антисоветской фальшивке – так называемому письму Коминтерна, подписанному якобы Г. Е. Зиновьевым и призывавшему к антигосударственному перевороту в Великобритании. Несколько лет спустя было точно установлено, что «письмо Коминтерна» было изготовлено в Берлине по заказу британской разведки⁵. В наши дни английские официальные лица подтвердили, что «письмо Коминтерна» было изобретением британских спецслужб. А тогда Форин оффис направил на имя поверенного в делах СССР Раковского ноту, в которой расценил указанную фальшивку «как прямое вмешательство извне во внутренние дела Великобритании»⁶.

В октябре 1924 г. лейбористское правительство распустило парламент и назначило новые выборы, на которых потерпело поражение. Победу одержала консервативная партия. Новое, консервативное правительство во главе с С. Болдуином отказалось представить на ратификацию договоры, подписанные с СССР. Антисоветская кампания продолжалась.

Планы Англии в основном сводились, во-первых, к созданию единого антисоветского блока из западноевропейских стран, недовольных новым государством со своеобразной политической системой, во-вторых, к образованию и укреплению военно-политического блока из всех сопредельных с СССР государств (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии), в-третьих, к ослаблению влияния СССР на страны Востока (Турцию, Иран, Афганистан, Китай).

Много сил было затрачено английскими дипломатами на вовлечение в блок Франции, Германии и Италии. Правительство Великобритании предприняло ряд агрессивных открытых выступлений против СССР – налеты на советские представительства в Китае и Лондоне, а также разрыв дипломатических отношений с СССР. Заслуживают внимания и инициативы перед Лигой Наций о создании антисоветского фронта. Подобные дипломатические демарши имели лишь частичный успех, который наиболее заметен в отношении Франции. Во второй половине 1927 г. правительство этого государства стало проводить явно враждебную по отношению к СССР политику. Это проявилось в инциденте с полпре-

дом СССР Раковским, в попытке французского банка присвоить попавшее в Америку советское золото, в торможении франко-советских переговоров, в репрессиях против членов Французской компартии. Фрагментарно антисоветские планы Англии проявились в Италии, где фашистское правительство предприняло ряд антисоветских жестов. Они проявились, например, в утверждении бессарабского протокола, привлекшего «права» Румынии на Бессарабию⁷. Примечательно – что касается Германии, конечно, до прихода Гитлера к власти, то она занималась лавированием между Западом и Востоком, кладя в основу своей политики укрепление собственного международного положения, сохранение всех видов отношений с СССР и вынашивание агрессивных планов на мировое господство. Впоследствии стало ясно, что без германского «звена» блок против СССР вообще был невозможен. В тот период Германии необходимо было разобраться с западными державами и Польшей по основным спорным вопросам – это касалось репарации и плана Дауэлса, военного контроля со стороны союзников, Данцигского коридора и Верхней Силезии⁸. США не препятствовали ведению Англией антисоветской деятельности, но в то же время воздерживались от активного участия в ней.

В 1928 г. просматривается общая картина военно-политической подготовки западных сопредельных стран к войне с СССР. Об этом свидетельствует ряд международных договоров и соглашений, направленных против СССР:

- польско-французская военная конвенция, дополняющая союзный договор 1925 г. и договор 1921 г.;
- польско-румынский союзный договор и военная конвенция, заключенные в 1921 г. и дополненные в 1923–1924 гг.;
- румыно-итальянский договор о дружбе, который дополнен секретным соглашением о военной и политической поддержке Румынии;
- румыно-французский союзный договор и военное соглашение;
- соглашения Польши с Чехословакией и Румынией, Югославией, Венгрией в 1925 г., которые были готовы обеспечить всемерную поддержку против СССР в военное время;
- соглашения Румынии с Чехословакией и Югославией, обеспечивающие ей дружественную поддержку этих государств в случае войны с СССР;
- ряд соглашений Польши с Латвией и Эстонией, с которыми установлено тесное военное и дипломатическое сотрудничество. Это сотрудничество просматривается в польско-балтийских конференциях министров иностранных дел и генштабов, которые проходили через каждые полгода. Совместное выступление этих государств в случае войны Польши и Англии с СССР можно считать наиболее вероятным;
- военно-политический союз Латвии и Эстонии;

- секретные соглашения Румынии, Латвии и Эстонии с Англией, главным образом военного характера.

Напрашивается соответствующий вывод, что в 1920-е гг. был заключен целый ряд весьма серьезных военно-политических договоров, направленных против СССР, которые координировали действия участвующих в договорах государств в случае военного нападения на СССР.

Граничащие с СССР государства по своей политической, экономической и социальной структуре были «разношерстными», во внешней политике преследовали разные цели – это не позволяло им объединиться в единый общий военный союз против СССР.

Среди предполагаемых вариантов войны со стороны объединенных сил капиталистических государств против СССР советское военное командование выделяло три основных.

Первый вариант предусматривал нападение на западные границы СССР вооруженных сил Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии при поддержке материально-техническими средствами со стороны Англии и Франции (их союзников) и обеспеченном нейтралитете Германии.

Согласно второму варианту нападение на СССР должно было произойти вооруженными силами Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии при поддержке вооруженных сил Англии, Франции и других крупных держав Запада.

По третьему варианту нападение на западные, южные и восточные границы СССР должно было произойти при участии вооруженных сил широкого империалистического блока: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии и Англии через территории Турции, Персии, реакционных китайских империалистов и Японии⁹.

В то же время принцип недопущения решительного преобладания одной из международных группировок для СССР не только имел общемировое или общеевропейское измерение, но и был непосредственно связан с проблемами защиты советских границ. Говоря о необходимости «поддержки слабейшего» и враждебности «таким международным акциям, которые в какой-либо мере могут способствовать угнетению одних народов другими или подготовке новых войн»¹⁰, Москва видела в роли объекта международного давления прежде всего себя. Советских руководителей преследовал подлинный «кошмар коалиций» – от миража капиталистической реставрации объединенными силами Франции, Польши, Румынии и Чехословакии при поддержке английского флота и американских капиталов до призрака сговора лапуасцев, пилсудчиков и самураев о расчленении СССР. Едва ли не любая попытка сближения между странами, расположенными в непосредственной близости от советских границ, рассматривалась как попытка антисоветского сговора¹¹.

Несмотря на неизбежность своеобразных черт, проступающих в исторической ретроспективе, на фоне международных отношений межвоенного периода советская внешняя политика выглядела похожей на внешнюю политику любой другой нации, не желающей военных осложнений, стремящейся к расширению отношений с иностранными государствами и лелеющей надежду на наступление, стремящейся исправить ошибки, преодолеть несправедливость и наказать виновных¹².

Принцип «классового подхода», поначалу являвшийся одним из основных элементов советского внешнеполитического мышления, трансформировался в геополитическое видение, согласно которому мир стал состоять из «главных», «ближайших» и «смертельных противников»¹³. Общие установки в целом традиционной политики безопасности и баланса сил не привели к построению концепции в целом, не получилось детального плана укрепления внешнеполитических позиций СССР и достижения им промежуточных и конечных результатов.

В конце 1920-х гг. ряд советских военных специалистов пристальное внимание уделял теории начального периода войны, которая в первую очередь базировалась на опыте Первой мировой войны и означала отрезок времени со дня официального объявления войны и общей мобилизации армии до начала приграничного сражения главных сил, развертываемых на театре военных действий. Основным содержанием этого периода были мобилизация, сосредоточение и развертывание основных сил воюющих сторон¹⁴. Для Германии и Франции начальный период продолжался 16–17 дней¹⁵.

Начальник отдела мобилизации штаба РККА С. И. Венцов, выступая на конференции командного и политического состава Украинского военного округа в декабре 1925 г., обратил внимание на содержание предмобилизационного периода, предлагая его сократить. В качестве мер были рассмотрены «войска завесы», состоящие из конницы, усиленной стрелками и техническими войсками (бронемашины, артиллерия, пулеметные части, авиация), и системы крепостей, отдельных фортов и укреплений¹⁶. Существенный вклад в разработку стадии начального периода войны внес А. А. Свечин. Он ввел в 1926 г. в научный оборот понятия «предмобилизационный период», в который включались подготовительные мероприятия, и «особый период войны», включающий мобилизацию, сосредоточение и развертывание¹⁷.

«Наша иностранная политика не определяется установленной заранее начерченной программой, учитывающей не только, что есть сегодня, но и завтра, быть может, — указывал Х. Раковский в 1927 г., обращаясь к членам ЦК и ЦКК. — Она определяется имперически изо дня в день под влиянием тех или иных событий. И Наркоминдел, и полпреды не имеют плана»¹⁸. Преодолению «имперического подхода» должно

было способствовать периодическое комплексное рассмотрение внешнеполитических проблем на особых заседаниях Политбюро, проект которых Дзержинский планировал вынести незадолго до своей смерти. Шаги в этом направлении были предприняты весной–летом 1927 г., когда Политбюро обсуждало меры по ослаблению внешней угрозы, причем соответствующие решения, «Об Англии», например, охватывали широкий круг деятельности — от работы Осовавиахима до директив дипломатическим миссиям.

Однако с осени 1927 г. по мере минования «военной тревоги» эта практика была свернута. К концу 1920-х гг. политическая обстановка в Европе поменялась в целом. 30 мая 1929 г. на выборах в парламент Великобритании крупную победу вновь одержала лейбористская партия, которая 8 июня сформировала второе лейбористское правительство во главе с премьером Р. Макдональдом и министром иностранных дел А. Гендерсоном. Одним из предвыборных лозунгов лейбористов было восстановление дипломатических отношений с СССР, с которым они связывали возможность расширения экономических связей, что было особенно важно в условиях начавшегося мирового экономического кризиса. Этому предшествовало создание в 1926 г. Англо-русского комитета промышленников. С 25 марта до конца апреля делегация английских промышленников в составе 84 человек побывала в СССР. Она представляла 1500 фирм. Это была самая крупная английская делегация, побывавшая в СССР. Однако под сильным нажимом консерваторов лейбористы медлили с решением этого вопроса. Только 5 ноября палата общин поддержала правительство в его усилиях по восстановлению отношений с СССР, что и было зафиксировано в обмене нотами¹⁹. 12 декабря произошел фактический обмен послами, а 20 декабря 1929 г. Г. Я. Сокольников вручил свои верительные грамоты.

Конечно, все это было известно в Советском Союзе. Советская пропаганда постоянно напоминала о нарастании международного кризиса, предпринимались, как, например, в 1935 г., попытки заключить союз с потенциальными противниками Германии. Но все же импульс предыдущей войны заметно ослабел, мирная жизнь, если можно так сказать о жизни советского общества рубежа 1920–1930-х гг., вступила в свои права. Советская власть оказалась достаточно устойчивой. Подрастали и вступали в сознательную жизнь новые поколения с иным взглядом на мир. Эпоха «призраков войны» уходила в прошлое. Наступила эпоха военной реальности, когда действительно приближавшаяся война порой казалась призрачной.

Снижение остроты ощущения военной опасности отмечали и представители власти. Так, уже в феврале 1929 г. генеральный секретарь Осовавиахима Л. П. Малиновский писал в секретной записке на имя заместителя председателя организации С. С. Каменева, что «несмотря на растущую

и бесспорную угрозу войны, отчасти в связи с известными успехами борьбы Советского Союза за мир, отчасти вследствие сосредоточения усилий на разрешении внутренних задач представление о непосредственной военной угрозе в сознании масс притупилось»²⁰.

Временная утрата статуса великой державы и первостепенность забот об обеспечении безопасности СССР, прочности социально-политического строя, утвердившегося на большей части бывшей Российской империи в 1917–1921 гг., обусловили характерную для советской политики конца 1920-х гг. сосредоточенность на упрочении своего положения в Восточно-Европейском регионе. Общие внешнеполитические установки Советского государства, непризнание легитимности участия СССР в европейских делах привели к тому, что усилия СССР в конце 1920-х гг. были сосредоточены не столько на поиске политического партнерства с теми или иными государствами, сколько на обеспечении безопасности от них.

Примечания

- 1 См.: Лельчук В. С., Пивовар Е. И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.
- 2 См.: История дипломатии : в 3 т. М. ; Л., 1945. Т. 3. С. 358–360.
- 3 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 3. Д. 147. Л. 12–18.
- 4 РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 682. Л. 25.
- 5 См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1963. Т. 7. С. 720.
- 6 Там же. С. 511.
- 7 См.: Советско-румынские отношения. Документы и материалы : в 2 т. 1917–1934. М., 2000. Т. 1. С. 252–255.
- 8 См.: Военно-политические отношения СССР – Германия. М., 2001. С. 79–80.
- 9 РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 682. Л. 26–27.
- 10 Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова. 23.07.1930 // Архив внешней политики РФ. Ф. 0129. Оп. 20. Д. 389. С. 427.
- 11 См.: Howard M. The strategic approach to international relations // Howard M. The causes of war and other essays. 2nd ed. Cambridge (Mass.), 1984. P. 45–46.
- 12 См.: E. Ovey to A. Handerson, 10.3.1931 // Soviet Union Annual report, 1930 – PRO. FO\371\15619\№ 1831.
- 13 Gorodetsky G. The formulation on Soviet foreign policy // Soviet foreign policy 1917–1941 / ed. by G. Gorodetsky. L., 1994. P. 41–42.
- 14 См.: Коротков И. А. История советской военной мысли. Краткий очерк. 1917 – июнь 1941. М., 1980. С. 129.
- 15 Там же. С. 130.
- 16 См.: Соколов Г. Современная завеса и вопросы стратегического прикрытия // Война и революция : в 4 кн. М., 1928. Кн. 4. С. 17.
- 17 Свечин А. Стратегия // Московский военный вестник. 1927. С. 30–31.
- 18 Выступление Х. Г. Раковского. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29.7–9.8.1927. Стенографический отчет (вып.1) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. С. 98.
- 19 Документы внешней политики СССР : Т. 12. С. 598–600, 665–667.
- 20 Цит. по: Никонова О. Ю. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации // Проблемы российской истории. Вып. 5. Магнитогорск, 2005. С. 234–235.

УДК 370.5 (470.44)

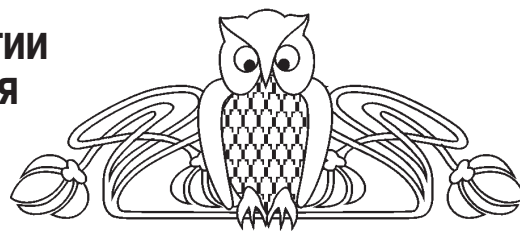
ОТ ДОКТРИНЫ «СДЕРЖИВАНИЯ» К СТРАТЕГИИ «РАСШИРЕНИЯ»: АМЕРИКАНСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОМОЩЬ И «ВЫЗОВЫ НОВОЙ ЭПОХИ» (1992–1994 годы)

Е. А. Афонина

Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterina.afonina@list.ru

Данная статья посвящена изучению изменений в американской внешней политике и природы новых глобальных вызовов в период после окончания холодной войны. Кроме того, в статье анализируется роль американской внешней помощи слаборазвитым странам в контексте Стратегии национальной безопасности, принятой администрацией Клинтона.

Ключевые слова: Агентство международного развития США, Б. Клинтон, стратегия национальной безопасности, развивающиеся страны, иностранная помощь.

From the «Containment» Doctrine to the «Expansion» Strategy : the American Foreign Aid and New Epoch Challenges (1992–1994)

E. A. Aphonina

The article is devoted to the study of the changes in the American foreign policy and essence of new global challenges after the end of the Cold War. Besides the role of the American foreign aid to underdeveloped countries in the context of the Clinton administration's National Security Strategy is also analyzed.

Key words: United States Agency for International Development, B. Clinton, National Security strategy, developing countries, foreign aid.

Внешняя помощь – это один из важнейших элементов политики США на протяжении вот уже шестидесяти лет, а также одна из составляющих «триумvirата» внешнеполитических инструментов национальной безопасности Соединенных Штатов наряду с обороной и дипломатией¹. Применение этого инструмента всегда подразумевало двойную цель². В первую очередь это содействие интересам внешней политики США в развитии рынков сбыта, а во вторую – поддержание глобального лидерства путем вовлечения новых государств в орбиту своих внешнеполитических интересов.

Координатором программ помощи развивающимся странам в начале 1990-х гг. являлось Агентство международного развития США (USAID)³, которое и по сей день продолжает выполнять важнейшую для американской внешней политики миссию. Брайан Этвуд, один из администраторов агентства (в период с мая 1993 г. по июль 1999 г.), подчеркивал, что ведущая роль Соединенных Штатов в оказании помощи развивающимся странам стала важнейшей частью американского лидерства, которое как никогда важно в эпоху наступившую после окончания холодной войны. По его мнению, для США жизненно важно поддержание роли лидера в международном сообществе, и наиболее вероятным достижение этой цели становится при активном использовании «помощи развитию» в бедных странах, ушедших из-под влияния Советского Союза⁴.

В глазах конгресса и общественности США на протяжении почти всей второй половины XX столетия для обоснования предоставления американской внешней помощи развивающимся странам использовались три основные цели: во-первых, защита национальной безопасности в рамках сдерживания коммунистической угрозы; во-вторых, поддержка социально-экономического развития в странах третьего мира; в-третьих, гуманитарная помощь⁵.

С распадом СССР один из главных аргументов за предоставление развивающимся странам американской помощи канул в Лету. Вместе с тем многие страны Азии и Латинской Америки, являющиеся традиционными регионами предоставления американской помощи, улучшили показатели по нормам грамотности, по продолжительности жизни и доходам на душу населения, а в странах Африканского континента, напротив, к 1990 г. ситуация усугубилась по сравнению с 60-ми гг. XX в., что ставило под сомнение актуальность и второй цели. Еще одним фактором, говорящим не в пользу сторонников помощи, стало интенсивное движение частного капитала в развивающиеся страны, к рынкам которых у него появился широкий доступ.

Все это в совокупности увеличивало беспокойство конгрессменов и американской общественности относительно эффективности достижения целей, которые ставились перед

Агентством международного развития США. Эти изменения вызвали вопросы об уместности существования USAID и соответствии иностранной помощи американским интересам на международной арене⁶.

С другой стороны, глобальные подвижки требовали изменения роли Соединенных Штатов в мире. Конец противостояния двух сверхдержав, по мнению части американской элиты, дал США уникальную возможность сформулировать иные цели для американской иностранной помощи, чтобы эффективнее продвигать интересы Америки в условиях быстро изменяющейся глобальной ситуации.

Предвыборная кампания 1992 г. показала, что тема помощи развивающимся странам является настолько острой, что смогла повлиять на результаты выборов. Кандидаты в президенты в своей предвыборной риторике старались обойти «острые углы» данной проблемы и крайне аккуратно выражали свою позицию. Так, кандидат от демократической партии Б. Клинтон утверждал, что «если мы не сильны у себя дома, то мы не сумеем проводить успешную политику и за рубежом», тем самым подчеркивая, что «в сегодняшнем мире внешняя и внутренняя политика неотделимы»⁷.

В кругах аналитиков все громче звучало мнение о том, что «американская система иностранной помощи – устаревшая путаница холодной войны» и после выборов должна быть реформирована, независимо от того кто победит – Дж. Буш-ст. или Б. Клинтон⁸. Некоторые чиновники внешнеполитического ведомства США говорили о том, что претенденты на президентский пост должны вынести на обсуждение «фундаментальную проблему» помощи странам бывшего коммунистического лагеря и дать ясно понять американцам, что когда речь идет об иностранной помощи, это «не альтруистическое предприятие», а комплекс мер, способствующих их собственным интересам⁹.

В ходе предвыборной кампании Б. Клинтон провозгласил лозунг возрождения страны в «эпоху нового мирового порядка» на основе деидеологизированной политики. Смена поколений на Капитолийском холме отразила не только недовольство экономической ситуацией в стране в итоге двенадцатилетнего правления республиканцев, но и изменения в массовом сознании, в предпочтениях избирателей и требованиях, предъявляемых к политическим лидерам¹⁰. Простым американцам было обещано не только кардинально улучшить ситуацию внутри страны, но и активизировать международные усилия США, направленные на повышение их благосостояния, укрепление системы безопасности и развитие демократии за рубежом¹¹.

Так, выступая перед аудиторией Джорджтаунского университета, Б. Клинтон говорил о том, что «защита свободы и демократии во

всем мире не просто отражает наши важнейшие духовные ценности, она играет важнейшую роль в защите наших национальных интересов. Демократия – это мир между народами, свободный обмен идеями и торговля». И в связи с этим «мы имеем полное право обуславливать предоставление помощи и кредитных льгот реальным продвижением в сторону демократии и рыночных реформ»¹².

Приход к власти Б. Клинтона, первого президента после окончания холодной войны, и его политика «новой волны» ознаменовали наступление эпохи прогрессизма. По мнению авторитетного еженедельника «Time», победа Клинтона, названного журналом в 1992 г. «человеком года», давала возможность реального обновления Америки¹³.

Администрация вновь избранного президента выработала новую внешнеполитическую доктрину, которая первоначально нашла отражение в выступлении помощника президента по национальной безопасности Э. Лейка перед аудиторией Университета Джона Хопкинса 21 сентября 1993 года. Вместо «сдерживания враждебных устремлений Советского Союза» была провозглашена стратегия «расширения мирового сообщества свободных рыночных демократических государств»¹⁴. На повестку дня встала основная задача – расширение влияния США, особенно в тех странах, отношения с которыми для Америки наиболее важны с точки зрения «национальных интересов».

Исходя из этого стратегию «расширения» планировалось строить из таких элементов, как «укрепление сообщества крупных рыночных демократических государств, составляющего ядро, вокруг которого и должны быть сосредоточены усилия по расширению этого сообщества»; «помощь в укреплении и консолидации новых демократических государств везде, где только возможно, и в первую очередь в странах, отношения с которыми имеют для США особое значение и где открываются наиболее широкие возможности»; «отпор агрессорам и содействие либерализации стран, отрицающих демократию и рынок»; и, наконец, выполнение гуманитарных задач¹⁵. Все это позднее найдет отражение в конкретных программах помощи развивающимся странам в разных уголках мира в течение всего периода президентства Б. Клинтона.

С учетом смены внешнеполитических условий и настойчивых требований американского общественного мнения прекратить отправку средств налогоплательщиков на «бессмысленную благотворительность» администрация Клинтона сформулировала новые цели и задачи для внешней помощи, которые предстояло воплотить в жизнь обновленному Агентству международного развития США. Основной линией, которую начал проводить в жизнь президент, стала смена ориентиров с поддержки отдельных стран и финансирования национальных программ на решение «транс-

национальных проблем», носящих глобальный характер¹⁶.

«Вызовы времени», ответ на которые предстояло дать новой администрации, нашли свое отражение в Стратегии национальной безопасности США, принятой в июле 1994 года¹⁷. В предисловии к Стратегии Б. Клинтон заявил, что «основным вызовом безопасности страны, существовавшим на протяжении последних 50 лет, являлась угроза коммунистической экспансии, и этот фактор устранен». С другой стороны, «спектр угроз, с которыми мы сталкиваемся сегодня, более широк и разнообразен». По мнению президента, к ним следовало отнести межэтнические конфликты, угрозы, исходящие от «стран-изгоев», распространение оружия массового поражения, а также «широкомасштабное ухудшение состояния окружающей среды, усугубляемое быстрым ростом народонаселения»¹⁸.

«Никогда еще лидирующая роль Америки не была столь необходима для преодоления новых опасностей, угрожающих миру, и использования возникающих в нем благоприятных возможностей», – подчеркивал президент Клинтон, говоря о потенциале Соединенных Штатов и его уникальности, который заключался в военной мощи, динамично развивающейся экономике, в «великих американских идеалах», а самое главное, в народе США. По мнению хозяина Белого дома, Соединенные Штаты могли и должны были «своим участием оказывать влияние на мировые процессы», а степень вовлеченности в них следовало тщательно регулировать, с тем чтобы она отвечала американским интересам и приоритетам¹⁹.

Как уже отмечалось, в своей работе команда президента исходила из того, что «грань между внутренней и внешней политикой все больше стиралась». В этой связи Б. Клинтон подчеркивал, что, «с одной стороны, мы должны оживить нашу экономику, если хотим поддерживать высокий уровень боеготовности вооруженных сил, реализовывать наши внешнеполитические инициативы и расширять влияние США в мире, а с другой – нам необходимо активно действовать за рубежом, если мы хотим открыть для себя иностранные рынки и создать новые рабочие места для американцев»²⁰.

Основываясь на историческом опыте, Клинтон считал, что «для Америки не может быть безопасности в изоляционизме, ни процветания в протекционизме». «Для того чтобы американский народ чувствовал себя в безопасности и использовал расширяющиеся благоприятные возможности, наша страна должна заботиться о том, чтобы сдерживать потенциальных агрессоров, открывать иностранные рынки, способствовать распространению демократии за рубежом, поощрять стабильное экономическое развитие и бороться за укрепление мира», – подчеркивал президент США²¹.

Активное участие в решении международных проблем предполагало, что «американский народ

и конгресс будут готовы платить за сохранение лидерства Соединенных Штатов – в долларах, политических условиях, а иногда и жизнями американцев». Руководство США особо подчеркивало, что «в условиях демократии внешняя политика государства должна служить потребностям народа. Чем прочнее будут позиции демократии, политической и экономической либерализации в мире, особенно в странах, имеющих важное геостратегическое значение для США, тем, вероятно, в большей безопасности будет находиться страна и тем более вероятно процветание нашего народа»²².

Стратегия «расширения и вовлечения» отражала «глобалистские устремления» нового президента и его администрации, по мнению которых «в нынешний период глобальных перемен» становится совершенно очевидным тот факт, что Соединенные Штаты «не могут выполнять полицейские функции во всем мире». Но очевидным становится и то, что «мы должны взять на себя роль мирового лидера» как «мощнейшая мировая держава в экономическом и военном отношении, а также государство, продвинувшееся дальше других в защите демократических ценностей»²³.

По мнению политиков «новой волны», американское лидерство обязывало делать особый акцент на «превентивной дипломатии, посредством проведения таких мероприятий, как поддержка демократии, оказание экономической помощи, снижение напряженности и конфликтов прежде, чем они перерастут в кризисные ситуации»²⁴. Подобные меры являлись «разумным вкладом в национальную безопасность», тем самым давая возможность отвечать на вызовы новой эпохи с наименьшими людскими и материальными потерями.

Место, которое в новой стратегии отводилось внешней помощи США развивающимся странам, было совершенно конкретным и определенным – она должна была стать внешнеполитическим инструментом для продвижения американских интересов в мире и явиться носителем американских ценностей²⁵.

С учетом новых приоритетов национальной безопасности в Вашингтоне был «начат процесс корректировки бюджета путем глубокого пересмотра потребностей национальной обороны и характера использования средств по обеспечению демократии», а также «существенное совершенствование» международных программ помощи²⁶. Все это нашло свое отражение в инициированном администрацией Белого дома законопроекте, направленном на реформирование Агентства международного развития США.

Указанное реформирование подразумевало, что программы по оказанию помощи другим странам должны были разрабатываться с учетом четырех «элементов развития»: всестороннего экономического роста, экологической безопасности, роста народонаселения и уровня здраво-

охранения, а также состояния демократии. При этом стратегия национальной безопасности подчеркивала, что предпочтение необходимо отдавать экологически ориентированным проектам и проектам с наименьшими экономическими рисками²⁷.

Следует отметить, что администрация Клинтона впервые особое внимание уделила таким глобальным проблемам, как защита окружающей среды и быстрый рост народонаселения в развивающихся странах, а также распространению болезней и борьбе с неграмотностью. Обосновывалось это тем, что быстрое нерегулируемое увеличение населения в развивающихся странах является причиной истощения природных ресурсов и ухудшения состояния окружающей среды. По оценкам экспертов, к 2025 г. население Земли составит 8,5 млрд человек, в связи с чем возрастет социальная напряженность, которая, вполне вероятно, приведет к нестабильности в развивающихся странах и повысит уязвимость мирового сообщества из-за возникновения серьезных международных конфликтов²⁸.

Стратегия национальной безопасности провозглашала и основные принципы осуществления содействия в развитии демократии и предоставления помощи. В частности, открыто заявлялось, что «помощь является прагматичной политикой для поддержания свободы там, где она будет в наибольшей степени соответствовать интересам США». Это означало, что Соединенные Штаты должны были сосредоточить свои усилия на оказании помощи тем странам, которые входили в сферу их стратегических интересов, обладали мощным экономическим потенциалом, занимали важное стратегическое положение, обладали ядерным оружием или в которых политическая ситуация могла бы вызвать потоки беженцев. Кроме того, в данном документе отмечалось, что США должны сосредоточивать свои усилия там, где они обладают «наилучшими рычагами влияния». «Наши усилия также должны базироваться на наших потребностях и направляться в помощь тем странам, которые осуществляют реформы или уже закрепили завоевания демократии», – говорилось в стратегии²⁹.

По мнению администрации Клинтона, несмотря на то что угрозы времен холодной войны почти исчезли, США «никогда впредь» не должны позволить себе изолироваться от глобальных процессов. Президент-демократ был глубоко уверен в том, что обновление внутри страны не будет успешным, если Соединенные Штаты не смогут эффективно работать на открытых рынках за рубежом, «способствовать укреплению демократии в ключевых странах и отражать или сдерживать возникающие угрозы»³⁰ при том, что «основным условием оставалось глобальное лидерство США»³¹.

Таким образом, в рамках Стратегии национальной безопасности администрация Б. Клинтона четко обозначила те глобальные угрозы, ответ

на которые ей еще предстояло дать, а также то, какую роль в этом ответе должна была сыграть внешняя экономическая помощь.

Примечания

- 1 Atwood J. B., McPherson M. P., Natsios A. Arrested Development // Foreign affairs. 2008. Nov./Dec.
- 2 This Is USAID [Electronic Resource] // United States Agency for International Development: [official web-site]. URL: <http://www.usaid.gov/press/releases/2000/fs000118.html> загл. с экрана. (дата обращения: 03.06.2009).
- 3 United States Agency for International Development – Агентство международного развития США.
- 4 Atwood J. B. A New Day in Africa [Electronic Resource] // United States Agency for International Development: [official web-site]. URL: <http://www.usaid.gov/press/spe_test/speeches/1998/spch611.htm> – загл. с экрана (дата обращения: 05.06.2009).
- 5 Foreign Economic Aid // Foreign Policy in Focus. 2000. Dec. 1. Vol. 5, Number 41. P. 1.
- 6 Idid.
- 7 Seib F. J. Campaign '92. The Absent Agenda : Neither Candidate Discusses the Need to Reform Foreign Aid in Response to the Cold War's End // Wall Street Journal. 1992. Oct. 8.
- 8 Idid.
- 9 Idid.
- 10 См.: Антонова Л. А. Кампания-92 – прообраз выборов XXI в.? // США : экономика, политика, идеология. 1993. № 2. С. 3.
- 11 Лейк Э. Новая стратегия США : от «сдерживания» к «расширению» // США : экономика, политика, идеология. 1994. № 3. С. 29.
- 12 См.: Бамстед Р. А. Президент Билл Клинтон // США : экономика, политика, идеология. 1993. № 1. С. 11.

- 13 См.: Антонова Л. А. Первые сто дней президента Клинтона // США : экономика, политика, идеология. 1993. № 6. С. 3.
- 14 Лейк Э. Указ. соч. С. 29–38.
- 15 Там же. С. 31–32.
- 16 См.: Шенин С. Ю. USAID в России : взгляд из Америки (90-е гг. XX века) // Новая и новейшая история : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. С. Мирзеханова. Вып. 23. Саратов, 2008. С. 187.
- 17 National Security of Engagement and Enlargement. Wash., 1994.
- 18 Стратегия национальной безопасности США. Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире // США : экономика, политика, идеология. 1994. № 11. С. 153.
- 19 Там же. С. 154.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 155.
- 22 Там же. С. 157.
- 23 Стратегия национальной безопасности США. Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире // США : экономика, политика, идеология. 1994. № 12. С. 116.
- 24 Там же.
- 25 Foreign Economic Aid. P. 5.
- 26 Ibid. С. 117.
- 27 См.: Стратегия национальной безопасности США. Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире // США : экономика, политика, идеология. 1995. № 2. С. 116.
- 28 Там же. С. 113.
- 29 Там же. С. 113.
- 30 Там же. С. 126.
- 31 Там же. С. 116.

УДК [327:355.019.2] (73+470+571) |1991/1999|

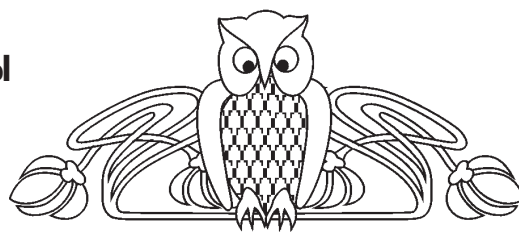
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРОГРАММЫ НАННА – ЛУГАРА В 1990-е годы

Г. В. Томчук

Саратовский государственный университет
E-mail: psycholover@mail.ru

В статье рассматриваются основные этапы формирования и развития программы «Совместное сокращение угроз», ее цели и задачи на каждом этапе, а также анализируются причины и методы, используемые оппозицией в США для сокращения её финансирования.

Ключевые слова: американо-российские отношения, программа Нанна – Лугара, республики бывшего СССР, Сэм Нанн, Ричард Лугар, оборонная политика США, распространение ядерного оружия.

Key Stages in the Development of the Nunn – Lugar Program in the 1990s

G. V. Tomchuk

The article examines the main stages of formation and development of the Cooperative Threat Reduction program, its goal and tasks at each stage, as well as reasons and methods used by the opposition in the USA to reduce its funding.

Key words: American-Russian relations, Nunn – Lugar program, former Soviet Republics, Sam Nunn, Richard Lugar, U.S. defense policy, proliferation of nuclear weapons.

На протяжении последних двадцати лет одним из главных направлений развития российско-американских отношений стало сокращение ядерных вооружений двух стран.

Активная фаза разработки программы взаимного сокращения ядерных вооружений началась после августовских событий 1991 г. в СССР. Тогда визит в Москву убедил сенатора С. Нанна в том, что Вашингтон должен сделать все, что в его силах, чтобы помочь Москве сохранить контроль над её ядерным арсеналом¹. Вскоре он призвал к созданию фонда помощи Советскому Союзу в преобразовании его оборонных комплексов. Он также предлагал проведение военного обмена в качестве меры, способствующей стабильности в Советской Армии и демонстрирующей доброжелательность и поддержку Кремля Вашингтоном в контексте безопасного перехода к постсоветскому миру.

Почти в то же время Л. Аспин, председатель комитета по делам вооруженных сил в палате представителей (House Armed Services Committee), разработал отдельное предложение для предоставления гуманитарной помощи Советскому Союзу. Пакет Аспина был добавлен к уже сформированному фонду в 3 млрд долл., которые были направлены президентом Дж. Бушем правительству Горбачёва ранее, в 1991 г. Аспин предлагал перенаправить 1 млрд долл. оборонного бюджета на 1992 г. для того, чтобы отправить Москве продовольствие, медикаменты и другие виды гуманитарной помощи.

Конгрессмен напрямую связывал эту помощь с проблемой ядерной безопасности. Он утверждал, что «на протяжении всей холодной войны существовала угроза преднамеренной атаки Советов. Сейчас же нам угрожает намного более серьёзная угроза – это хаос в стране, которая имеет тридцать тысяч ядерных зарядов»². По мнению Аспина, инвестирование менее половины процента оборонного бюджета США в стабилизацию самой опасной для Америки страны было единственным и необходимым способом обеспечения национальной безопасности³.

С. Нанн разделял убеждённость Л. Аспина в необходимости предложенных им мер и увидел возможность объединить усилия для продвижения их инициатив в конгрессе. В то время как в комитетах вооружённых сил при сенате и палате представителей шло обсуждение оборонного бюджета на 1992 г., Нанн и Аспин согласились объединить оба своих предложения в одно. Однако в тот момент их проект не получил широкой поддержки⁴.

Почти сразу же после провала поправки Нанна – Аспина её разработчики начали трудиться над новым вариантом. Два фактора способство-

вали продолжению работы над поправкой. Во-первых, это поддержка инициативы со стороны влиятельного сенатора Р. Лугара, который решил объединить свои усилия с С. Нанном для продвижения программы помощи России в обеспечении ядерной безопасности⁵. Вторым фактором стало исследование под названием «Советский ядерный распад: контроль над ядерными арсеналами в разваливающемся Советском Союзе», осуществленное группой видных аналитиков из Гарвардского университета. Отчёт гарвардской группы придал необходимую научную основу идеям С. Нанна, которые он разрабатывал в течение нескольких месяцев, и подтвердил необходимость пересмотра политики в отношении проблем безопасности, возникших в результате политической нестабильности в Советском Союзе⁶.

План Нанна – Лугара был предложен как поправка к не связанному с ним законопроекту. Озаглавленная как «Закон о сокращении советской ядерной угрозы 1991 г.», поправка имела несколько соучредителей и была принята в сенате подавляющим большинством голосов 25 ноября 1991 года⁷.

Всё время, пока шел процесс законодательного оформления программы, её разработчики не сидели сложа руки. Так, в марте 1992 г. Нанн и Лугар совместно с делегацией конгресса совершили поездку по постсоветским республикам, по итогам которой был сформирован отчёт об их состоянии и об условиях контроля ядерного оружия. Рекомендации в отчёте по работе делегации конгресса легли в основу плана помощи реформам в постсоветских республиках. Данный комплекс мер по помощи странам бывшего Советского Союза впоследствии стал «Законом о поддержке свободы», вступившим в силу в октябре 1992 года. В рамках закона программа Нанна – Лугара получила ещё 400 млн долл. и расширила свои полномочия в области конверсии оборонных структур, обмена опытом между военными, защите окружающей среды и размещении уволенных офицеров⁸.

После вступления в должность президента Б. Клинтона ситуация для программы Нанна – Лугара стала развиваться в ещё более позитивном направлении. Это было связано с назначением Л. Аспина министром обороны, а также У. Пэрри – заместителем госсекретаря и Э. Картера – помощником госсекретаря, ответственным за программу «Совместное сокращение угроз» (Cooperative Threat Reduction – CTR)⁹. Всё говорило о том, что новый президент поддерживал начинания С. Нанна и Р. Лугара, сделав программу составной частью деятельности министерства обороны.

Э. Картер создал внутри госдепартамента отдел по ядерной безопасности и противодействию ядерному распространению в бывшем СССР, а также координации деятельности в рамках про-

граммы Нанна – Лугара. Кроме того, для того чтобы системная и долговременная работа программы была более прозрачной, «Совместное сокращение угроз» получило самостоятельное финансирование в оборонном бюджете на 1994 г. Со своим бюджетом и средствами, которые не нужно было переводить из других программ, а также с возможностью долговременного планирования программа Нанна – Лугара получила серьёзную базу для своей реализации¹⁰.

Для эффективной работы программы Нанна – Лугара требовалось создать совершенно новую структуру в американском правительстве. Поэтому была сформирована новая команда, в состав которой вошли практически все те люди, которые принимали участие в разработке программы. Помимо С. Нанна, Р. Лугара, Э. Картера и У. Перри в неё вошли Г. Даффи, С. Кох, Л. Холгейт и Э. Шервуд – все они осуществляли разработку американской стратегии в отношении всего региона бывшего СССР. Их задачей стали определение конкретных целей, а также поиск подходящих предприятий и должностных лиц в странах бывшего СССР, которые могли бы стать партнёрами в реализации программы Нанна – Лугара¹¹.

Министерство обороны США было самым подходящим ведомством для осуществления управления программой, поскольку дело приходило иметь в основном именно с представителями военных ведомств стран бывшего СССР. Более того, проведение необходимой экспертизы для демонтажа оружия невозможно была без участия специалистов министерства.

Однако после того как в конце 1994 г. большинство в конгрессе получили республиканцы, с их стороны активизировались попытки сократить бюджет программы Нанна– Лугара. Уже в феврале 1995 г. программа была урезана на 20 млн долл., а новый закон о расходах на оборону угрожал и вовсе заморозить её финансирование¹². Многие консервативно настроенные политики жаловались, что программа «Совместное сокращение угроз» отклонилась от своих первоначальных целей в сферу задач менее радикальных, таких как финансирование конверсии бывших советских оборонных предприятий. Также многие конгрессмены указывали на то, что эти программы неэффективны и не дают серьёзных результатов. Тем не менее, несмотря на всю критику, программа, по мнению специалистов, была достаточно эффективна в деле уничтожения и переработки советского оружия. Именно поэтому многочисленные попытки противников ликвидировать её не увенчались успехом.

Несмотря на все положительные результаты программы «Совместное сокращение угроз», над её усовершенствованием и дополнением велась непрерывная работа. Сенатором Лугаром в период с 1995 по 1997 г. была проведена серия слушаний, посвящённых вопросам безопасности, на которых всем было очевидно,

что, несмотря на все усилия, Америка всё ещё недостаточно защищена от оружия массового уничтожения¹³. Эти выводы послужили одним из толчков к развитию программы Нанна – Лугара, теперь уже в области «домашней», внутренней безопасности.

Нужно отметить, что эти выводы были сделаны вовсе не на пустом месте. Они подтверждались относительно недавними атаками террористов (взрыв в Оклахоме в 1995 г., взрыв и попытка химического заражения во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке в 1993 г., газовая атака в токийском метро, предпринятая сектой «Аум Синрикё» и т. д.). По словам Р. Лугара, «подобная разновидность террористических атак – это главная угроза безопасности для Соединённых Штатов Америки. Нужно начинать действовать сейчас, чтобы не остаться перед лицом опасности без оборудования, ресурсов и подготовленного персонала, необходимого для защиты невинных жертв»¹⁴.

В конце сентября 1996 г. инициатива под названием «Защита от оружия массового уничтожения», выдвинутая сенаторами С. Нанном, Р. Лугаром и П. Доменичи, стала частью «Закона о санкционировании расходов на оборону на 1996 год». Помимо прочего, инициатива Нанна – Лугара – Доменичи привела к существенному росту финансирования по линии Министерства энергетики США, чья программа (Material Protection Control and Accounting – MPC&A) стала одним из направлений помощи странам бывшего Советского Союза. Изначально финансирование этой программы начиналось с 3 млн долл. в 1993 г. и достигло суммы в 115 млн долл. в 1997 г., а мероприятия в рамках этой программы охватывали теперь уже десятки хранилищ ядерных материалов вместо нескольких в самом начале её реализации¹⁵.

Ситуация сильно изменилась в следующем, 1997 г. Если в предыдущем году сенат единогласно утвердил и расширил программу «Совместное сокращение угроз», то под давлением республиканцев в «Законо о санкционировании расходов на оборону на 1998 год», по сообщению сенатского комитета по вооружённым силам, её финансирование было значительно сокращено¹⁶.

В кратчайшие сроки сенатором Р. Лугаром было написано открытое письмо к сенаторам с просьбой поддержать его поправку о восстановлении должного уровня финансирования программы. Поправка предлагала восстановление финансирования в размере 60 млн долл. непосредственно для программы Нанна – Лугара, 25 млн долл. для сторонних программ по линии MPC&A и 50 млн долл. для международной программы ядерной безопасности¹⁷.

В течение месяца проблема была решена. В июле 1997 г. в сенате поправка Р. Лугара была единогласно принята, и финансирование было восстановлено в полном объёме.

В конце 1998 г. новой сложностью для программы Нанна – Лугара стал финансовый кризис, который вслед за Восточной Азией поразил Россию и распространился на многие другие страны мира. За девальвацией рубля последовала приостановка международной помощи российской экономике, а следовательно, государство было не в состоянии платить зарплату сотням тысяч рабочих, включая гражданский и военный персонал, занятый в оборонной сфере.

Президент Б. Клинтон в своём заявлении в январе 1999 г. предложил ещё одно существенное дополнение к программе Нанна – Лугара, которое он назвал «Расширенная программа сокращения угроз»¹⁸. Новое дополнение, в частности, позволяло увеличить финансирование и ускорить процесс уничтожения российской стороной оружия в рамках договора СНВ-1 и прочих договоров по разоружению, расширить хранилище радиоактивных материалов на заводе «Маяк» до объёма в 12 500 демонтированных боеголовок, расширить возможности исследований гражданского назначения для 40 000 российских учёных, занятых в области вооружений и оказывать помощь России в выполнении условий «Конвенции о запрете химического оружия», а именно в уничтожении хранилищ химического оружия и т. д.¹⁹

Клинтон запросил у конгресса дополнительно 1,8 млрд долл. на нужды программы на следующие 5 лет и пообещал подтолкнуть лидеров Европы, Японии и других союзных стран к тому, чтобы сделать существенный вклад в программы по сдерживанию распространения ядерного оружия. Поначалу конгресс отказался от такого резкого увеличения затрат на программу, но в конце концов одобрил добавочное финансирование на следующие два года для большинства мероприятий в рамках программы сокращения угроз. Однако попытки президента убедить другие государства в необходимости поддержать эти программы не дали существенного эффекта²⁰.

В 1999 г. истек срок первоначального договора по программе СТР и фактически ей грозил серьёзный кризис, поскольку в том же году США и НАТО осуществляли военные действия в Югославии. Россия с самого начала выражала свой протест против этой агрессии, и всё указывало на то, что, скорее всего, Россия не согласится на продолжение программы. Соответственно, Р. Лугар, С. Нанн и другие видные американские политики удвоили свои усилия по работе со своими российскими сторонниками. В итоге 17 июня 1999 г. США и Россия смогли договориться и подписать новый договор сроком на 7 лет²¹.

Таким образом, программа «Совместное сокращение угроз» продолжила свою работу и в новом десятилетии. На протяжении всех 1990-х гг. она сталкивалась с различными трудностями, но, преодолев их, доказала свою состоятельность в деле предотвращения опасности распространения ядерного оружия и повышения уровня безопасности Соединённых Штатов Америки. Её успех с точки зрения американских национальных интересов в 1990-х гг. стал залогом продолжения существования СТР и в начале XXI века.

Примечания

- 1 См.: Поход двух сенаторов. Ядерная бомба в руках террористов. URL: www.nuclearno.ru (дата обращения: 16.11.2011).
- 2 Цит. по: *Bernstein P., Wood J.* The Origins of Nunn – Lugar and Cooperative Threat Reduction. URL: www.ndu.edu. P. 4. (дата обращения: 16.11.2011).
- 3 Ibid.
- 4 См.: *Schmitt E.* Senate Votes Aid to Soviets to Scrap Atomic Arms // The New York Times. 1991. Nov. 26.
- 5 См.: *Bernstein P., Wood J.* Op. cit. P. 6.
- 6 Ibid. P. 6.
- 7 Ibid. P. 8.
- 8 См.: The Freedom Support Act PL 102–511, Section 506, Soviet Weapons Destruction. URL: www.fas.org. (дата обращения: 16.11.2011).
- 9 См.: *Bernstein P., Wood J.* Op. cit. P. 11.
- 10 Ibid.
- 11 Цит. по: *Carter A.* The Origins of Nunn – Lugar Program URL: belfercenter.ksg.harvard.edu. (дата обращения: 16.11.2011). P. 3.
- 12 См.: *Amanda B.* How the GOP Learned to Love the Bomb // Washington Monthly. 1995. Jan. 10. P. 2.
- 13 См.: Security of Russian Nuclear Weapons : Richard Lugar // Congressional Testimony. 1997. Oct. 2. P. 4.
- 14 См.: Witnesses Endorse Nunn – Lugar – Domenici Program // Capitol Hill Press Releases. 1998. April 22. P. 2.
- 15 См.: *Felton J.* The Nunn – Lugar Vision 1992–2002. URL: www.nti.org (дата обращения: 16.11.2011.). P. 10.
- 16 См.: Dear Colleague Letter Urging Restoration of Funds for Nunn – Lugar Cooperative Threat Reduction Program // Capitol Hill Press Releases. 1997. June 19. P. 1.
- 17 Ibid.
- 18 См.: *Felton J.* Op. cit. P. 10.
- 19 Russia : Expanded Threat Reduction Overview. URL: www.nti.org (дата обращения: 16.11.2011).
- 20 См.: *Felton J.* Op. cit. P. 10.
- 21 Ibid. P. 11.

УДК 327.57

РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ: ПОПЫТКА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА (1998–2005 годы)

А. И. Егоров

Дзержинский политехнический институт Нижегородского государственного технического университета

E-mail: dr.egoroff-al2012@yandex.ru

В статье рассматривается динамика российско-германского взаимодействия в конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. Установлено, что отношения между РФ и ФРГ развивались циклично, поскольку в них чередовались фазы подъема и спада. Официальная трактовка двусторонних отношений как стратегического партнерства не может быть признана удачной ввиду наличия конфликтов, порожденных противоречием национальных интересов России и Германии.

Ключевые слова: Россия, Германия, политический диалог, стратегическое партнерство, мультилатерализм, национальные интересы, межгосударственные консультации, конфликты.

Russia – Germany: an Attempt to a Strategic Partnership (1998–2005ss)

A. I. Egorov

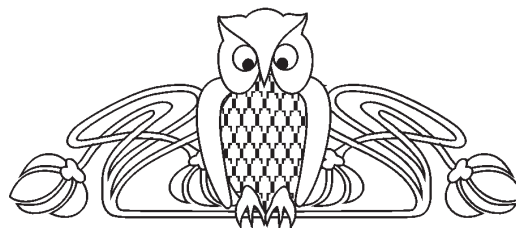
The article presents the dynamics of Russian-German cooperation between the late 1990s and the first half of the 2000s. It is established that the relationship between Russia and Germany have developed in cycles because they had passed the phase of rise and fall. The official interpretation of the bilateral relations as strategic partnership can not be considered successful in view of the conflicts generated by the contradictions in the national interests of Russia and Germany.

Key words: Russia, Germany, political dialogue, strategic partnership, multilateralism, national interest, inter-state consultations, conflicts.

Во второй половине 1990-х гг. в отношениях между РФ и ФРГ обозначилась неблагоприятная тенденция, препятствующая реализации потенциала сотрудничества двух стран.

Германская сторона все чаще стала выражать пессимизм по поводу демократических перспектив в России. В ФРГ было заявлено о том, что политическое мышление Москвы приобретает черты великодержавности и таит угрозу экспансионизма, характерного для советских времен. «Элита России соизмеряет стабильность и величие с владением территориями, а не с внутренней модернизацией», – с тревогой отмечали авторитетные немецкие политологи А. Пар и И. Краузе¹. Будучи членом Североатлантического альянса, Германия также была вынуждена учитывать напряженный характер диалога Российской Федерации и НАТО, сложившийся ввиду расширения последнего и его агрессивных действий против Югославии.

Не способствовали укреплению доверия между Россией и Германией постоянные болезни

президента РФ Б. Н. Ельцина и кадровые перестановки в правительстве, характерные для второго срока его пребывания в должности.

Кроме того, был подвергнут ревизии и последующей критике такой краеугольный элемент взаимоотношений, как дружеские контакты между федеральным канцлером ФРГ Г. Коелем и президентом РФ Б. Н. Ельциным. До последнего момента служившие гарантией стабильности российско-германских отношений, к концу 1990-х гг. они стали восприниматься немецкой политической элитой как исчерпавшие свои возможности. Ушла в прошлое креативность сторон, отсутствовали новые идеи и инициативы, способные сдвинуть российско-германский диалог с мертвой точки, придать ему новое качество.

Стали дезавуироваться утверждения о невозможности построить европейское пространство без участия РФ, характерные для первой половины 1990-х гг. Бывший министр экономики ФРГ О. фон Ламбсдорфф считал, что «в крайнем случае, можно обойтись без нее»².

Политический диалог РФ и ФРГ нуждался в новом сильном импульсе, само появление которого, в свою очередь, зависело от складывания благоприятных объективных и субъективных предпосылок. На рубеже XX–XXI вв. последние начали вырисовываться все более отчетливо.

Во-первых, изменился мировой порядок, в рамках которого Россия и Германия поддерживали двусторонние отношения. Хотя ведущей чертой конструкции международной системы по-прежнему оставалась монополярность со свойственным ей превосходством сверхдержавы над остальными субъектами мирового сообщества во всех сферах, перевес возможностей, который имелся у Соединенных Штатов по сравнению с другими центрами силы в лице стран Евросоюза, Китая и Японии, обнаружил склонность к уменьшению. Иначе говоря, жесткая монополярность уступила место ее мягкому варианту. В экспертной среде получила распространение точка зрения, что США как сверхдержава близки к истощению³. В немалой степени такая позиция нашла подтверждение 11 сентября 2001 г., когда террористы «Аль-Каиды» нанесли удары по Нью-Йорку и Вашингтону. Эти события показали уязвимость США, развеяли миф об их несокрушимой обороне. Соединенные Штаты оказались ослабленными, что сместило баланс сил в пользу Европы, позволив ФРГ и РФ рассчитывать на усиление их международных позиций.

Во-вторых, в период 1998–2000 гг. в обеих странах – как в Германии, так и в России – путем демократических выборов произошла смена национальных лидеров и правящих политических сил.

Начало было положено Германией, где пар-

тия федерального канцлера Г. Коля – Христианско-демократический союз (далее ХДС) – теряла поддержку избирателей. Накануне федеральных выборов она пользовалась поддержкой меньшинства избирателей, о чем свидетельствовали итоги земельных выборов (табл. 1)⁴.

Таблица 1

Результаты ХДС на выборах в ландтаги ФРГ, 1998 г.

Дата выборов	Земля	Результат ХДС, %
1 марта	Нижняя Саксония	35,9
24 марта	Баден-Вюртемберг	41,4
24 марта	Рейнланд-Пфальц	38,7
29 марта	Шлезвиг-Гольштейн	37,2
26 апреля	Саксония-Анхальт	22,0

На федеральных выборах, состоявшихся 27 сентября 1998 г., ХДС и блокировавшийся с ним Христианско-социальный союз (далее ХСС) потерпели поражение, получив лишь 35,1%.

Главный конкурент консервативных сил – Социал-демократическая партия Германии (далее СДПГ) – завоевал поддержку 40,9% избирателей (табл. 2)⁵.

Таблица 2

Итоги федеральных выборов в Германии (27 сентября 1998 г.)

Партия	Количество полученных голосов, %
СДПГ	40,9
ХДС/ХСС	35,1
Союз 90/«Зеленые»	6,7
Свободная демократическая партия (СвДП)	6,2
Партия демократического социализма (ПДС)	5,1

Выборы подвели черту под правлением в ФРГ консерваторов, которое длилось непрерывно с 1982 г. Было сформировано коалиционное правительство СДПГ и партии Союз 90/«Зеленые». Новым федеральным канцлером был избран Г. Шрёдер (СДПГ), а министром иностранных дел назначен Й. Фишер, представлявший союзника социал-демократов по коалиции.

Амбиции новых лидеров Германии на международной арене были предельно большими. Они стремились положить конец дискуссии о «нормальности» своей страны⁶, превратить ФРГ в одного из самых влиятельных субъектов мирового политического процесса, обеспечить устойчивое положение германского государства в многосторонних международных организациях. Выступая 10 ноября 1998 г. в бундестаге с первым правительственным заявлением, Г. Шрёдер сравнил формирование нового кабинета со сменой поколений немецкой нации и дал понять, что намерен подвести черту под послевоенным периодом германской истории. «Мы гордимся нашей страной... Это уверенность в себе взрослой нации, которая не должна чувствовать себя превосходящей или проигравшей. Она помнит историю и свою ответственность, но при этом смотрит вперед», – подчеркнул федеральный канцлер⁷.

Шрёдер отдавал себе отчет в том, что, следуя курсом старой ФРГ – строго в фарватере политики Вашингтона, – Германия не сможет в полной мере достичь поставленных целей. Поэтому, на словах подтверждая преемственность внешнеполитического курса, ориентированного на трансатлантическое сотрудничество, в практической деятельности федеральный канцлер стремился расширить круг партнеров на международной арене. Взаимодействие с ними предполагалось использовать для реализации планов новой правительственной коалиции.

В свою очередь, политическая обстановка в Российской Федерации позволяла создать благоприятные предпосылки для расширения диалога с Германией. 15 мая 1999 г. провалилась попытка импичмента президенту Б. Н. Ельцину; на выборах в Государственную думу (декабрь 1999 г.) 5%-ный барьер преодолели шесть партий, из которых четыре («Единство», «Отечество – вся Россия», «Союз правых сил» и «Яблоко») считались демократическими и признавали свою долю ответственности за продолжение реформаторского курса. Такой итог менял расстановку сил в Думе, где коммунистическая и национально-патриотическая оппозиция потеряла свои лидирующие позиции. Наконец, 16 августа 1999 г. Государственная дума утвердила В. В. Путина председателем

правительства, а 26 марта 2000 г. он был избран президентом России.

Появление Путина во главе Российского государства открыло перед ФРГ новые возможности, расширив свободу маневра германской дипломатии на международной арене.

С личностью российского президента связывались повышенные ожидания. Как известно, В. В. Путин хорошо знал Восточную Германию, поскольку с 1985 по 1990 г. работал в Дрездене. В его пользу говорило владение немецким языком.

Профессиональная деятельность Путина в Комитете государственной безопасности также расценивалась как положительный момент, благоприятствующий российско-германскому диалогу. Проводя исторические параллели, американский профессор У. Смитер вспоминал, что во времена холодной войны ключевые фигуры органов государственной безопасности СССР (Л. П. Берия, Ю. В. Андропов) нередко проводили особую, лояльную политику в отношении Западной Германии⁸.

Оптимизма добавляли встречи немецких политических деятелей и бизнесменов с В. В. Путиным в пору его пребывания на посту председателя Правительства РФ. Российский политик выражал заинтересованность в налаживании контактов с Германией (например, во время встречи в ноябре 1999 г. с федеральным канцлером ФРГ Г. Шрёдером), проявлял компетентность в экономических вопросах, где акцентировал внимание на защите права собственности физических и юридических лиц.

12 марта 2000 г., за две недели до президентских выборов в России, представительная делегация Восточного комитета немецкой экономики посетила Москву и имела беседу с В. В. Путиным. «Сложилось впечатление, что российский премьер – хорошо информированный лидер, мыслит реалистично и прагматично», – описывал впечатление от встречи председатель комитета К. Мангольд⁹.

В. В. Путин столкнулся с серьезной проблемой системного кризиса в стране: было потеряно доверие к институтам власти, процветало беззаконие, большинство отраслей отечественной экономики переживало трудные времена. Россия нуждалась в отсрочке платежей по зарубежным кредитам и притоке иностранных инвестиций, ожидая от ФРГ реальной помощи.

Стало быть, при всей противоречивости ситуации Россия и Германия были вынуждены настойчиво искать точки соприкосновения, что позволило бы им реанимировать политический диалог. Обе державы были заинтересованы в укреплении мягкой монополярности, а в перспективе – в переходе к многополярному мировому порядку, неотъемлемой чертой которого выступал мультилатерализм. В отличие от унилатерализма, т. е. свободных и самостоя-

тельных действий одного государства на мировой арене, мультилатерализм означал глубокую включенность страны в систему многосторонних межгосударственных отношений, прежде всего через международные организации, и ее внешнеполитическую деятельность преимущественно методом многосторонней дипломатии. В целях обеспечения международной безопасности мультилатерализм предполагал ориентацию на широкое использование ООН, НАТО, ЕС, а также акцентировал внимание мирового сообщества на коллективной процедуре принятия решений¹⁰. Последние должны были обеспечить баланс интересов всех заинтересованных сторон.

Как Германия, так и Россия четко обозначили свою приверженность принципу многостороннего решения международных проблем. Власти ФРГ отдавали себе отчет в том, что их односторонние действия способны вызвать опасения мирового сообщества, поэтому стремились обеспечить политическую поддержку везде, где речь шла об укреплении многосторонних сил.

В Концепции национальной безопасности РФ, подписанной президентом В. В. Путиным 28 июня 2000 г., подчеркивалось стремление России к достижению «мультиполярной системы международных отношений, которая реально отражает диверсификацию современного мира с его разнообразными интересами. Мировой порядок XXI в. должен основываться на процессе коллективного решения основных проблем, на преобладании права и на широкой демократизации международных отношений»¹¹.

На почве общей приверженности мультилатерализму Россия и Германия делали шаги навстречу друг другу. Инициатива в этом процессе на первых порах принадлежала немецкой стороне.

20 октября 1998 г. между СДПГ и Союзом 90/«Зеленые» было подписано коалиционное соглашение, где, в частности, предполагалось совершенствовать и укреплять партнерство с Россией, «организационно зафиксированное в Совете Россия – НАТО»¹². Официальные лица в сжатые сроки изложили позицию нового правительства в отношении Российской Федерации. 10 ноября 1998 г. Й. Фишер дал интервью агентству ИТАР-ТАСС, в котором трактовал Россию как «несущую колонну европейского мирного порядка и необходимого партнера для преодоления как всемирных, так и региональных вызовов». От имени федерального правительства министр иностранных дел определил ключевые принципы германской политики в отношении России – обширное включение РФ в международное сотрудничество и всеобъемлющую поддержку структурных рыночных реформ, проводимых демократическим путем. Трудности, испытываемые Россией, считал Фишер, носят временный характер и вполне преодолимы. Делая упор на самостоятельных действиях Москвы, Фишер обещал ей помощь, предлагая использовать такие инструменты, как ОБСЕ, Совместный по-

стоянный совет Россия – НАТО, сотрудничество России с Европейским союзом, а также диалог РФ с «Большой семеркой» (G-7).

В российском направлении политики нового федерального правительства планировались один-два «легких сдвига удара», но никаких фундаментальных перемен. Оценивая текущее состояние российско-германского сотрудничества, Фишер указал на тесные политические отношения, подчеркнув, что экономические контакты более других пострадали от августовского кризиса 1998 г. Для их укрепления было важно, чтобы российское правительство представило убедительную программу, призванную стать инструментом восстановления доверия со стороны иностранных инвесторов и создания благоприятных условий для вложения капиталов¹³.

Германское экспертное сообщество внимательно следило за ситуацией в РФ, в частности дало оценку перспективам преодоления ее последствий кризиса 1998 г. Было отмечено, что экономика крайне нуждается в притоке иностранных инвестиций, однако зарубежные политики и инвесторы ведут себя крайне осторожно. В этой связи весомое значение для России приобретал приезд в Москву Г. Шрёдера в качестве лидера страны, председательствующей в ЕС¹⁴. 18–19 февраля 1999 г. прошли расширенные российско-германские консультации на высшем уровне с участием ключевых министров обеих стран, в ходе которых канцлер обещал содействовать развитию двустороннего инвестиционного сотрудничества. Также Шрёдер заявил о готовности отсрочить выплату Россией Германии советского долга в размере 6,5 млрд немецких марок.

Вместе с тем Россия и Германия по-разному интерпретировали ключевые акции, что отчетливо проявилось в неодинаковой оценке косовских и чеченских событий. Как заявил Й. Фишер на ежегодном собрании Немецко-российского форума 15 февраля 2000 г., «в Косово речь шла о соблюдении элементарных прав человека и безопасности Европы... Однако большинство россиян увидело в западной политике в Косово очередной шаг мнимой стратегии, якобы ставящей своей целью оттеснение России со всех позиций и подрыв ее статуса как великой державы.

В противоположность мы рассматриваем чеченскую войну как политическую и гуманитарную катастрофу, которая абсолютно неприемлема ввиду ее направленности против гражданского населения и несовместимости с европейскими и международными нормами»¹⁵.

Однако в 2000 г. благодаря интенсификации политического диалога, в первую очередь более частым встречам лидеров держав, в российско-германских отношениях произошли позитивные изменения.

Взаимные визиты президента РФ с одной стороны и федерального президента и федерального канцлера ФРГ с другой стали обычным явлением.

За двусторонними встречами закрепился статус межгосударственных консультаций России и Германии на высшем уровне. Их значение заключалось в следующем: прежде всего они были призваны определять стратегические цели развития двустороннего сотрудничества по отдельным направлениям, а также способствовать выходу сторон на договоренности по конкретным вопросам, в связи с чем в этих встречах участвовала большая группа министров с обеих сторон. Как правило, лидеры России и Германии обсуждали на них наиболее трудные проблемы международного характера, а затем заслушивали и одобряли предложения, выработанные на встречах министров. Такие консультации позволили расширить и углубить двустороннее сотрудничество в ключевых сферах.

В ходе государственного визита президента РФ В. В. Путина в ФРГ, состоявшегося 14–16 июня 2000 г., имела место его встреча с федеральным канцлером Г. Шрёдером, в ходе которой стороны обменялись мнениями по широкому спектру вопросов. Президент РФ подчеркнул, что в его стране к Германии относятся как к ядру европейской интеграции.

Также новый российский лидер беседовал с представителями политических кругов Германии – председателем бундестага В. Тирзе, премьер-министром Баварии и председателем ХСС Э. Штойбером, избранной в апреле 2000 г. председателем ХДС А. Меркель, – и обсуждал возможности углубления межпарламентских контактов.

Стороны выразили удовлетворение по поводу грядущего учреждения двусторонней рабочей группы по стратегическим вопросам в области экономического и финансового сотрудничества. Одной из задач группы стало восстановление связей российских организаций с предприятиями бывшей ГДР.

В ходе диалога с руководством германских компаний «Винтерсхалл», «Рургаз» и «Сименс» были подняты вопросы двусторонних отношений в нефтегазовой сфере. Председатель правления «Винтерсхалл» Х. Детхардинг объявил о готовности своей компании участвовать в нефтедобыче на территории РФ. В то же время глава концерна «Рургаз» Ф. Шпэт проявил заинтересованность в сотрудничестве по поставкам газа на длительную перспективу. «Рургаз» гарантировал за собой поставку 1,5 трлн куб. м из России до 2030 г.

В. В. Путин заявил о готовности РФ к продолжению диалога по проблеме перемещенных в годы Второй мировой войны культурных ценностей на основе международного права и национального законодательства.

Обсуждалась текущая политическая ситуация в России. Путин заявил, что перераспределение полномочий между федеральным центром и региональными властями субъектов РФ не направлено на демонтаж демократических завоеваний в сфере гражданских прав и свобод. Эти меры

были призваны сформировать единое правовое пространство в России, так как в то время около четверти законодательных актов, принятых в субъектах Федерации, противоречило Конституции.

В. В. Путин отметил, что «в условиях, когда в стране еще нет устоявшегося гражданского общества, важнейшими элементами которого являются стабильные политические партии, наличие свободной прессы – абсолютно необходимое условие развития государства и общества»¹⁶.

Стремление к развитию сотрудничества между гражданскими обществами привело к учреждению в апреле 2001 г. дискуссионного форума «Петербургский диалог», цель которого состояла в содействии взаимопониманию между Россией и Германией, углублению сотрудничества во всех общественных сферах, противодействию предвзвешенным, определяющим восприятие другой страны, устранению сложившихся стереотипов.

25–27 сентября 2001 г. состоялся визит президента РФ В. В. Путина в ФРГ. Визит был уникален тем, что первый раз в истории двусторонних отношений глава Российского государства выступил в бундестаге с речью на немецком языке. Президент РФ назвал Германию хорошим западным соседом, который воплощает для россиян европейскую культуру, технический интеллект и коммерческую жилку. Говоря о Европе как едином регионе, Путин, тем не менее, акцентировал внимание на Германии, заявляя, что «наши народы (российский и немецкий. – А. Е.) очень хорошо понимают менталитет друг друга... Сегодня Германия – это самый важный экономический партнер России, крупнейший кредитор, один из основных инвесторов и внешнеполитических собеседников»¹⁷.

Повестка дня очередных межгосударственных консультаций (9–10 апреля 2002 г.) оказалась особенно насыщенной. Был найден взаимоприемлемый подход в отношении долгов, накопленных Россией в ходе торговли с бывшей ГДР. Решение этой проблемы до сих пор осложнялось разногласиями сторон, имевших неодинаковые точки зрения по поводу того, какие сделки стояли за российскими долгами, а также по какому курсу следует делать перерасчет долгов. Российское правительство обязалось выплатить Германии 500 млн евро, две трети этой суммы предполагалось внести до конца 2002 г., а остаток – несколькими платежами в течение последующих двух лет.

В свою очередь, федеральное правительство повысило объем поручительств компании «Гермес» в отношении торговли с Россией до 1 млрд евро (до сих пор этот объем составлял 500 млн евро). Повышенное поручительство имело большое значение для предприятий малого и среднего бизнеса Германии, получивших доступ к относительно дешевым кредитам.

Вместе с тем канцлер занял твердую позицию по поводу долгов Российской Федерации в отношении стран – кредиторов Парижского клуба.

ФРГ настаивала на безусловной выплате Москвой всей суммы долга¹⁸.

2–5 сентября 2002 г. Россию с государственным визитом посетил президент ФРГ Й. Рау. Важно, что он приехал накануне федеральных выборов. Политическая обстановка в Германии в этот момент была весьма напряженной, и визит можно было расценивать как показатель значения для официального Берлина отношений с Россией.

На встрече В. В. Путин заявил, что «все проблемы в российско-германских отношениях закрыты, и их можно в будущем развивать “с чистого листа”». В частности он напомнил о достигнутых договоренностях по вопросам, которые считались «проблемными, трудноразрешимыми, в том числе в кредитно-финансовой сфере». Прежде всего это касалось решения вопроса долговых обязательств. Как отметил президент Путин, Россия проплатила ранее Германии 175 млн евро и, не дожидаясь конца года, произвела оплату в ускоренном порядке еще 175 млн евро в августе 2002 г.¹⁹

Осенью того же года в Германии состоялись очередные парламентские выборы, принесшие победу социал-демократам, которые вновь оформили коалицию с партией Союз 90/«Зеленые», причем федеральным канцлером опять стал Г. Шрёдер. Руководствуясь принципом преемственности, правительство выдвинуло в отношении России две программные цели. С одной стороны, Германия как член НАТО и ЕС стремилась к расширению прочного и длительного партнерства в области безопасности между Россией и этими организациями. С другой стороны, ФРГ желала способствовать развитию политического, экономического и культурного диалога, чтобы сделать реформы в Российской Федерации необратимыми.

17 февраля 2003 г. в Берлине прошли заседания, посвященные десятилетию основания Немецко-российского форума. Стороны обозначили обширную повестку дня, в рамках которой обсудили ключевые аспекты мирового развития, в том числе укрепление многостороннего инструментария для защиты мира и безопасности в ОБСЕ, Совете Европы и ООН и совместную борьбу с организованной преступностью и незаконной торговлей наркотиками²⁰.

Насыщенность диалога дала официальным лицам основание заговорить о новом этапе российско-германского сотрудничества, главной чертой которого провозглашалось стратегическое партнерство. Последнее в общем виде характеризовалось общностью или близостью интересов и долгосрочных целей сторон. Как справедливо отмечали И. Б. Братчиков и Д. Е. Люблинский, показателями стратегического партнерства выступали: прагматичные, свободные от бремени крупных нерешенных проблем отношения; способность политического руководства обеих стран мыслить перспективно, в исторической взаимосвязи, избегать сиюминутных соблазнов во

имя достижения далеко идущих целей; глубокое знание и уважение друг друга, равноправие, доверие, взаимопомощь²¹.

С официальной точки зрения основания для подтверждения факта стратегического партнерства между Россией и Германией заключались в следующем.

Берлин признал РФ государством с демократическим режимом, находящимся в процессе становления. Данная установка была рекомендована к применению не только правительственным, но и неправительственным организациям, действующим на территории России. Немецкая сторона инвестировала крупные средства в содействие процессу демократизации РФ. В свою очередь, Москва оказывала дипломатическую поддержку стремлению Германии получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН²².

Было налажено тесное взаимодействие в области обеспечения двусторонней и многосторонней безопасности. Как известно, наряду с распространением оружия массового уничтожения, региональными конфликтами и организованной преступностью серьезным вызовом безопасности обеих стран стал международный терроризм. Президентом РФ В. В. Путиным и федеральным канцлером ФРГ Г. Шрёдером было подписано Совместное заявление о борьбе со всеми формами терроризма в соответствии с Уставом ООН и обязательствами, закрепленными в резолюциях Совета Безопасности этой организации²³. Особую роль играли координация и активизация усилий для предотвращения приобретения или разработки террористами ядерного, химического и биологического оружия, средств его доставки, а также связанных с ним материалов, оборудования и технологий.

Развернулось многоаспектное сотрудничество в вопросах обеспечения безопасного уничтожения ядерного оружия. Только с Германией у России был подписан полный комплект договоров в рамках программы глобального партнерства в этой области. Германия выделила финансы на уничтожение списанных, отработавших свой срок российских ядерных подводных лодок²⁴, предоставила средства для обеспечения условий безопасного хранения топлива, оказала помощь в деле уничтожения химического оружия²⁵.

Важную роль Российская Федерация отводила развитию энергетического сотрудничества с Германией, в том числе разработке крупного проекта по строительству Североевропейского газопровода, который должен был стать принципиально новым маршрутом экспорта российского газа в Европу. Реализация проекта позволяла диверсифицировать экспортные потоки, напрямую связать газотранспортные сети России с общеевропейской газовой сетью. Особенностью проекта являлось отсутствие на пути следования российского газа транзитных государств, что было призвано снизить страховые риски и стоимость транспортировки.

Большое внимание уделялось задачам активизации производственной и научной кооперации, сотрудничеству в сфере высокотехнологичных отраслей. Так, в ходе российско-германских межправительственных консультаций, проходивших 8–9 октября 2003 г. в г. Екатеринбурге, обсуждалось сотрудничество в авиакосмической сфере; предусматривалось расширение транспортной кооперации²⁶.

11 апреля 2005 г. в Ганновере В. В. Путин и Г. Шрёдер подписали Совместное заявление о стратегическом партнерстве между РФ и ФРГ в области образования, научных исследований и инноваций. Стороны заявили о намерении через создание максимально благоприятных условий в рамках сети стратегического взаимодействия всемерно поощрять сотрудничество между российскими и германскими государственными, общественными и частными институтами, учреждениями и организациями, специализирующимися на совместных проектах в области образования, науки и инноваций. К основным направлениям сотрудничества были отнесены: научные исследования и инновации; повышение квалификации руководящих кадров и молодых руководителей для экономики и структур управления ею; профессиональное совершенствование руководящих кадров для государственной службы и оказание консультативного содействия.

Элементами сети партнерства объявлялись совместные группы экспертов и долгосрочные соглашения о партнерских связях между высшими учебными заведениями, научными институтами, исследователями и учеными.

В интересах содействия становлению и развитию сотрудничества по каждому основному направлению определялись представители руководящего уровня соответствующих российских и германских министерств и ведомств. Назначаемые сторонами координаторы сопровождали подготовку и реализацию мероприятий в рамках «Инициативы о стратегическом партнерстве России и Германии в области образования, научных исследований и инноваций»²⁷.

Завязался устойчивый диалог между гражданскими обществами, в рамках которого активно функционировал форум общественности «Петербургский диалог», прошли российско-германские культурные встречи в 2003–2004 гг., постоянно росло число городов-побратимов. Было заключено межправительственное Соглашение об облегчении взаимных поездок граждан Российской Федерации и граждан Федеративной Республики Германия.

На международной арене Россия и Германия стали активными участниками антивоенного альянса, выступившего в пользу мирного урегулирования ситуации вокруг Ирака. До последнего момента стороны предостерегали от использования силы, считая ее крайним средством решения проблемы²⁸.

Однако ход событий в середине 2000-х гг. дал основание считать, что о стратегическом партнерстве между двумя странами говорить преждевременно. Подводя итоги выборов в Государственную думу, состоявшихся в декабре 2003 г., немецкая сторона подвергла критике российскую политическую систему. В сжатом виде претензии Германии в частности и Запада в целом к России сформулировал А. Рар, отмечавший: «Демократия сворачивается... По всей стране создается система “регулируемой демократии”, а “гражданское общество” трансформируется в “национальное согласие”»²⁹.

Новый виток напряженности доказал цикличность развития российско-германских отношений, в которых фазы подъема и спада сменяли друг друга. Такая закономерность была порождена совокупностью конфликтов, протекавших в двух формах, латентной и открытой. Как указывал И. Ф. Максимычев, «конфликты делятся по своей природе, грубо говоря, на многосторонние, в которых ФРГ участвует в качестве члена западных объединений, и на специфические германо-российские конфликты». К первой категории относилось, например, активное участие германских политических деятелей и средств массовой информации в кампании по шельмованию российской внутренней политики и лично президента В. В. Путина. Здесь в качестве направленных антироссийских пропагандистских ударов можно было назвать дело ЮКОСа, мнимый «зажим» свободы печати в России, антитеррористическую операцию в Чечне³⁰. Конфликтом второго порядка выступал «калининградский вопрос», обострившийся в октябре 2004 г., когда более 70 депутатов бундестага, входящих во фракцию ХДС/ХСС (среди них А. Меркель) подписались под обращением к федеральному правительству с требованием определиться с позицией по «экономическому будущему Кенигсбергской земли»³¹.

Можно говорить о закономерностях протекания таких конфликтов. В период экономического ослабления и ориентации России в ее государственном строительстве на западную модель конфликты приобретали латентный характер и на первый план для Германии выходило недопущение обострения обстановки в РФ. Контроль ситуации в России в данном случае мог осуществляться в форме кредитования ее экономики и лояльного отношения к политическому руководству.

Однако стабилизация внутреннего положения в России и попытки активизации ее внешней политики воспринимались политическими силами Германии в качестве угрозы национальным интересам, что, в свою очередь, способствовало превращению латентных конфликтов в открытое политическое противостояние.

Несмотря на тесное взаимодействие президента РФ и федерального канцлера ФРГ имидж российского лидера в Германии не приобрел

демократической окраски. Напротив, некоторые меры, предпринятые с одобрения В. В. Путина государственными органами в области внутренней политики, в том числе подготовка изменений в законодательстве о некоммерческих организациях, были расценены как антидемократические, направленные на подрыв суверенитета гражданского общества в РФ³².

Тем не менее российская сторона пристально следила за избирательной кампанией 2005 г. в Германии, рассчитывая на успех социал-демократов. Занятая официальной Москвой позиция объяснялась высокой степенью предсказуемости политического диалога В. В. Путина и Г. Шрёдера, а также перспективностью нескольких совместных проектов, прежде всего Североевропейского газопровода (позднее проект получил наименование «Северный поток»).

Оппозиция в лице консервативного блока ХДС/ХСС вела предвыборную кампанию жестко, допуская резкие выпады в отношении России и ее политического руководства. Критике подверглась ситуация с правами человека и СМИ в РФ, а также в отрицательном свете была представлена ситуация в Чечне. Помимо этого христианские демократы подчеркивали свое стремление выстраивать германо-российские отношения, учитывая интересы соседних стран. Речь шла в первую очередь о Польше, чье руководство выразило свое отрицательное отношение к строительству Североевропейского газопровода.

Фактическое поражение социал-демократов на сентябрьских выборах в бундестаг³² и последовавшее за этим завершение политической карьеры Г. Шрёдера подвели черту под попыткой строительства отношений между Россией и Германией в формате стратегического партнерства. В решающей степени к такому результату привел конфликт интересов двух стран.

Примечание

- ¹ Цит. по: Rußland – ein abgeschriebener Partner? / Buchkritik von D. Bingen [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1995. № 11. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_1995/November_1995/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- ² *Lambsdorff O. von.* Eine stabile Instabilität. Russische Wirtschaftskrise und deutsche Politik [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1997. № 10. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_1997/oktober_1997/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- ³ *Bierling St.* Supermacht ohne Führungskraft. Amerikanische Außenpolitik im neuen Zeitalter [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1996. № 5. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_1996/mai_1996/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009); на эту тему см. также: *Lieber R., Adrift E.* American Foreign Policy at the End of the Century. N. Y., 1996. 336 p.

- 4 Bundeskanzler – «Die Ära Kohl» 1982–1998. URL://<http://helmut-kohl.kas.de/dokumentenubersicht.html> (дата обращения: 30.07.2009).
- 5 См.: Павлов Н. В. История современной Германии. 1945–2005 : курс лекций. М., 2006. С. 440.
- 6 О проблеме «нормальности» Германии см.: Gross J. Begründung der Berliner Republik. Deutschland am Ende des 20. Jahrhunderts. Stuttgart, 1995. 176 S. ; Habermas J. Die Normalität einer Berliner Republik. Kleine Politische Schriften VIII. Frankfurt-am-Main, 1995. 188 S.
- 7 Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder, abgegeben am 10. November 1998 vor dem Deutschen Bundestag in Bonn [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. № 12. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_1998/dezember_1998/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 8 Smyser W. R. Putin spielt die deutsche Karte [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2001. № 10. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2001/oktober_2001/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 9 Mangold K. Wirtschaftsfaktor Russland. Die deutsche Wirtschaft hat. Anlass zur Hoffnung [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2000. № 5. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2000/mai_2000/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 10 Федоров Ю. Е. США и Европа в меняющемся мире : конфликт или взаимодополняемость стратегических культур? [Электронный ресурс] // Европейская безопасность. 2002. № 6. URL: <http://www.inion.ru/product/eurosec/st5v6.htm> (дата обращения: 9.08.2011).
- 11 Das Konzept für die Außenpolitik der Russischen Föderation, vom russischen Staatspräsidenten, Wladimir Putin, am 28. Juni 2000 gebilligt [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2001. № 10. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2001/oktober_2001/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 12 Koalitionsvereinbarung zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und Bündnis 90 / Die Grünen, unterzeichnet am 20. Oktober 1998 in Bonn [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. № 12. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_1998/dezember_1998/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 13 Interview des Bundesministers des Auswärtigen, Joschka Fischer, zu den deutsch-russischen Beziehungen mit der Nachrichtenagentur ITAR-TASS am 10. November 1998 [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 1998. № 12. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_1998/dezember_1998/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 14 С 1 января 1999 г. Германия в соответствии с очередностью исполняла обязанности государства – председателя Евросоюза.
- 15 Rede des deutschen Außenministers, Joschka Fischer, bei der Jahresmitgliederversammlung des Deutsch-Russischen Forums am 15. Februar 2000 in Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2000. № 5. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2000/mai_2000/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 16 Staack M. Handelsstaat Deutschland. Deutsche Außenpolitik in einem neuen internationalen System. Paderborn, 2000. S. 502.
- 17 Rede des russischen Staatspräsidenten, Wladimir Putin, vor dem Deutschen Bundestag am 25. September 2001 in Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2001. № 10. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2001/oktober_2001/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 18 Mitteilung über die fünften Deutsch-Russischen Regierungskonsultationen von Bundeskanzler Gerchard Schröder und Präsident Wladimir Putin am 9. und 10. April 2002 in Weimar [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2002. № 10. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2002/oktober_2002/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 19 Путин провозгласил новую эру в российско-германских отношениях. URL: <http://palm.newsru.com/arch/russia/03sep2002/grossgerman.html> (дата обращения: 8.08.2011).
- 20 См.: Rede des Staatssekretärs im Auswärtigen Amt, Klaus Scharioth, zum 10. Jahrestag der Gründung des Deutsch-Russischen Forums am 17. Februar 2003 in Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2003. № 4. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2003/april_2003/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 21 См.: Братчиков И. Б., Люблинский Д. Е. Россия и Германия // Международная жизнь. 2002. № 3. С. 19–26.
- 22 См.: Лавров С. В. Россия и Германия : стратегическое партнерство на новом этапе // Рос. газ. 2005. 13 сент.
- 23 См.: Это нападение на нашу страну [текст] : [подб. ст.] / В. В. Путин, Г. Шредер // Российская Федерация сегодня. 2004. № 18. С. 2–5.
- 24 О российско-германском соглашении по утилизации АПЛ. Эксклюзивное интервью с заместителем министра РФ по атомной энергии Сергеем Антиповым. URL://<http://nuclearno.ru/text.asp?7064> (дата обращения: 8.08.2011).
- 25 Krause J. Russisches Waffenplutonium. Heißes Eisen für die Rot-Grüne Koalition [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2000. № 9. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2000/september_2000/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).
- 26 См.: Верлин Е. Немцы дошли до Урала // Независимая газета. 2003. 10 октября.
- 27 Совместное заявление о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия в области образования, научных исследований и инноваций. URL: http://archive.kremlin.ru/interdocs/2005/04/11/2050_type72067_86579.shtml?type=72067 (дата обращения: 9.08.2011).
- 28 См., например: Gemeinsame Erklärung Russlands, Deutschlands und Frankreichs zu Irak vom 10. Februar 2003 [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2003. № 3. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2003/märz_2003/documentation.htm (дата обращения: 14.08.2009) ; Письмо Постоянных

представителей Германии, Российской Федерации и Франции при Организации Объединенных Наций от 24 февраля 2003 г. на имя Председателя Совета Безопасности. URL: <http://un.org/russian/whatnew/docs/03-214.htm> (дата обращения: 9.06.2011); Gemeinsame Erklärung der Außenminister Russlands, Frankreichs und Deutschlands zu Irak, abgeben in Moskau, Paris und Berlin am 15. März 2003 [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2003. № 4. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2003/april_2003/documentation.htm (дата обращения: 14.08.2009).

²⁹ Rahr A. Der kalte Frieden. Putins Russland und der Westen Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2004. № 3. URL: http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang_2004/märz_2004/documentation.htm (дата обращения: 30.07.2009).

³⁰ Максимычев И. Ф. О состоянии российско-германских отношений. URL: www.zlev.ru/53_71.htm (дата обращения: 8.08.2011).

³¹ Трегубов И. Германия хочет воссоздать «Пруссию». URL: rbedaily.ru/2004/10/18/industry/61776 (дата обращения: 8.08.2011).

³² Подробнее см.: Erler G. Russland kommt. Putins Staat – der Kampf um Macht und Modernisierung. Freiburg ; Basel ; Wien, 2005. 190 S.

³³ Сводную таблицу итогов выборов см.: Павлов Н. В. Указ. соч. С. 486.

УДК [94+327](55)2000/2011]

ПАЛЕСТИНСКИЙ ФРОНТ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Баранов А. В.

Саратовский государственный университет
E-mail: baranovav@mail.ru

В статье анализируется «палестинский» трек во внешней политике Исламской Республики Иран. Исследуются инициативы Тегерана в разрешении «палестинского конфликта» и реакция на них со стороны арабского мира. Также рассматривается трансформация внешнеполитической структуры региона Ближнего Востока, вызванная политикой Израиля и США на палестинских территориях после операции «Литой свинец» 2009 года.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, Израиль, США, израильско-палестинский конфликт.

Palestinian Front of the Islamic Revolution

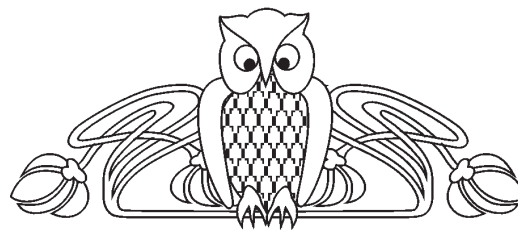
A. V. Baranov

In the article analyzes the «Palestinian» track in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran. It's studying initiatives of Teheran in resolving of «the Palestinian conflict» and reaction to them from the Arabian world. Also consider the transformation of foreign policy structures of the region in the Middle East caused by a policy of Israel and the USA in the Palestinian territories after operation «Cast lead» in 2009 year.

Key words: Middle East, Iran, Israel, USA, Israeli-Palestinian conflict.

Две войны за два года на Ближнем Востоке, связанные с проведенными Израилем операциями «Достойное возмездие» (2006 г.) и «Литой свинец» (2009 г.), позволяют говорить о существенном изменении геополитической ситуации в этом очень чувствительном регионе.

Продемонстрировав превосходство в военно-технической сфере и не добившись реализации поставленных целей по итогам двух кампаний, Израиль поставил под сомнение свою способность выполнять «возложенные» на него со стороны

США функции по «демократизации» региона и противостоянию «мировому терроризму» в лице Хизбаллы в Ливане и Хамаса в Палестине. А ведь именно наличие в регионе сильного в военном плане государства Израиль воспринимается на Западе как фактор сдерживания воинственных арабских соседей, как оплот светского и демократического начал.

Арабские лидеры были вынуждены реагировать на неадекватную агрессию Израиля против соседнего арабского государства и на неспособность или нежелание США воспрепятствовать этому, что сопровождалось массовой гибелью гражданского населения и огромными материальными потерями. Возрожденная в марте 2007 г. в Эр-Рияде концепция «арабской мирной инициативы» стала тем локомотивом, который смог объединить большинство арабского и мусульманского мира, превратив арабскую сторону в активного игрока на арене Ближнего Востока, занимавшего до этого роль пассивного наблюдателя¹.

Однако эта активизация арабского мира проходит на фоне отсутствия общепризнанного лидера. После ухода с политической арены харизматичных вождей, олицетворявших панарабское единство, сегодня можно констатировать, что традиционно доминирующие центры влияния в арабском мире переживают период упадка своего политического лидерства. Это характерно и для Египта с уходом Хосни Мубарака, и Сирии – Башара Асада, и тем более современного Ирака после свержения Саддама Хуссейна. И в то время как страны арабского Востока (Машрик) слабеют, вакуум власти, образовавшийся под сенью полумесяца, заполняют негосударственные акторы, такие как Усама бен Ладен, Хизбалла и Хамас.

Превращение неправительственных организаций во влиятельных игроков на арене Ближнего Востока носит ярко выраженную религиозную, исламистскую окраску, что не может не настоятельно радовать светские режимы как в регионе, так и на Западе.

Арабо-исламский мир, к тому же, с недоверием воспринял политику, которую проводила в регионе американская администрация Джорджа Буша-младшего, направленную на реализацию концепции «Большого Ближнего Востока». Провалы этой политики в Ливане, Афганистане, Ираке, Сомали привели к росту антиамериканских настроений среди арабов. По мнению арабских СМИ, «американская администрация под руководством неоконсерваторов так и не смогла добиться установления мира в регионе, не смогла призвать к проведению переговоров и серьезнейшим образом обсудить арабо-израильский конфликт». Позиция, занятая США в Аннаполисе, так же как и до этого, демонстрировала свою односторонность, направленность на лоббирование интересов Израиля. Это дало возможность арабским СМИ утверждать, что «истинной целью Буша было спасти свой имидж после неудач в Ираке и Афганистане или убедить арабские государства, что их злейший враг не Израиль, а Иран»². В целом, приходят к выводу арабские СМИ, конференция в Аннаполисе – это проигрыш палестинцев и арабов.

Наметившиеся подвижки в расстановке сил в регионе не могут не сказаться и на коррекции внешнеполитического курса США, в особенности после ухода Джорджа Буша и избрания Барака Обамы. Смена власти в Вашингтоне была положительно воспринята в мире. «Победа Обамы будет неизбежно расценена как шанс на восстановление отношений США с внешним миром. Так как имидж Америки во время правления Буша был серьезно подпорчен», – отметил обозреватель «The Financial Times» Лайонел Барбер³. А выступление 7 февраля 2009 года в Мюнхене вице-президента Джо Байдена⁴, где он заявил о необходимости «перезагрузки» на ряде основных внешнеполитических направлений, в мире нашло положительный отклик. Что касается Ближнего Востока, то Вашингтон подтвердил свою приверженность продолжению линии на поиск решения ближневосточного кризиса. Было заявлено о необходимости расширения круга участников «контактной группы» за счет привлечения новых действующих лиц – Дамаска, а возможно, и Тегерана.

Таким образом, внешнеполитические промахи США в политике, проводимой ими в регионе, односторонние акции Израиля, рост антизападных настроений вынесли на вершину волны тех, кто занимал позицию непримиримых критиков идеи создания «Большого Ближнего Востока». А это привело к тому, что государства, ранее относимые к спонсорам «мирового терроризма», в первую очередь Иран и Сирия, стали играть активную роль в ближневосточной политике в

последние годы. Показательна в данном случае позиция, занятая Тегераном в «ливанском кризисе» 2006 года⁵. На всем протяжении развития кризисной ситуации вокруг Ливана Тегерану удалось доказать мировому сообществу свою способность проводить прагматичный курс во внешней политике, продолжая направление взятое предшественником М. Ахмадинежада на поддержку «позитивного нейтралитета». Но если во время «Бури в пустыне» начала девяностых годов прошлого века и во время операции «Гроздь гнева» в Афганистане официальный Иран выступал с позиции невмешательства, то ливанский кризис продемонстрировал нам Иран в качестве активной силы, стремящейся к скорейшему прекращению насилия и заключению справедливого мира в регионе.

Возникает, следовательно, необходимость анализа развития конкретных конфликтных ситуаций, в особенности в связи с последними событиями в Палестине, что поможет нам прояснить позицию Тегерана в этом конфликте и реальные возможности для реализации стратегических внешнеполитических установок Ирана в регионе в целом.

С приходом к власти М. Ахмадинежада в 2005 г. внешнеполитическая концепция Исламской Республики Иран приобрела ряд новых черт, придавших ей динамичность и амбициозность. В своем первом политическом выступлении Махмуд Ахмадинежад так охарактеризовал международную политическую ситуацию: «На наш взгляд, мировое сообщество не является лишь сообществом ограниченного числа западных стран. Мировое сообщество состоит из шести миллиардов человек населения Земли, значительная часть которого выступает резко против политики угнетения, господствующей в мировых отношениях... Мы стремимся к завоеванию позиции полюса исламского мира в многополярной международной системе»⁶.

При этом утверждалось, что внешняя политика Ирана в принципе должна основываться на установлении мира и справедливости во всем мире. «По этой причине расширение отношений со всеми странами является главной задачей Исламской Республики. Под этим я подразумеваю сбалансированность отношений, основанных на взаимном уважении и соблюдении прав друг друга»⁷, – заявил Ахмадинежад в своем интервью.

Главным приоритетом на внешнеполитической арене для ИРИ М. Ахмадинежад провозглашает «установление взаимоотношений с ближайшими соседями» по региону. При этом Иран разграничивает для себя по степени важности следующие районы: Персидский залив и Ближний Восток, Прикаспийский регион, Центральная Азия, Тихоокеанский регион, единая Европа и остальной мир, «страны которого не испытывают враждебности по отношению к Исламской Республике Иран».

Отдельным пунктом идут страны, которые именуются «сверхновыми угнетателями», во главе с Соединенными Штатами и их протее в регионе – «сионистским режимом Израиля». На отношениях с этими странами следует остановиться подробнее.

В отношении Соединенных Штатов М. Ахмадинежад исходит из распространенного и закрепившегося со времен аятоллы Хомейни постулата, что США разорвали дипломатические отношения в одностороннем порядке, так как стремились подавить дальнейшее развитие Исламской революции в стране и мире. «Теперь же с той же целью они стремятся восстановить отношения с ИРИ». Но при восстановлении этих отношений воля и окончательное согласие остаются за народом Ирана. «Заключение по этому поводу должно быть принято только тогда, когда будут уверенность и необходимые гарантии обеспечения всех национальных интересов». Принятие решения о восстановлении дипломатических отношений с США должно гарантировать, что при этом «не будет нанесен вред независимости, чести и благородству иранской нации»⁸. В заявлениях М. Ахмадинежада, как и остальных видных государственных деятелей, говорится о США как державе, стремящейся к угнетению остального мира. По уверению иранских властей в нынешней обстановке восстановление дипломатических отношений с Соединенными Штатами невозможно. Однако негласно переговоры между соперниками идут полным ходом, что вселяет определенную долю уверенности в изменении формата взаимоотношений.

Куда сложнее обстоят дела в отношениях с Израилем. Здесь Иран занимает непримиримую позицию. Несмотря на именованную эту страну марионеткой США, фактически именно Израиль превратился в главного внешнеполитического противника Исламской Республики. И в отношении еврейского государства политики из Тегерана не стесняются в выражениях. Пожалуй, самое жесткое заявление, многими расцененное как концептуальный подход, было озвучено М. Ахмадинежадом на конференции Исламской студенческой ассоциации «Мир без сионизма», состоявшейся в Тегеране 26 октября 2005 г. К сожалению, в мировую прессу просочилось только одно выражение, вырванное из контекста: «Израиль должен быть стерт с политической карты».

Обращаясь к аудитории, М. Ахмадинежад выступил с развернутым выступлением, в котором попробовал проанализировать и дать свою оценку «палестинской проблеме», составляющей основу ближневосточного кризиса. По его мнению, в центре проблемы лежит факт основания оккупационного режима Кудса (Иерусалима), что было целенаправленным действием со стороны «мирового угнетателя в лице Соединенных Штатов против исламского мира». Это явилось самым тяжелым поражением ислама в XX веке.

«Следовательно, – делает вывод президент ИРИ, – борьба в Палестине сегодня – это главный фронт борьбы исламского мира с мировым угнетателем и его судьба будет решать судьбу противостояния последних столетий». Исход этой борьбы, по мнению М. Ахмадинежада, предсказал еще имам Хомейни, заявивший, что «оккупационный режим должен быть стерт с политической карты». И в данном случае «мы не должны идти на компромиссы в вопросе о Палестине. Это будет означать поражение, если кто-либо пойдет на признание легитимности этого режима, причем это будет поражение всего исламского мира»⁹.

Сделав столь «сенсационное» заявление, президент ИРИ попал под шквал обвинений в западных СМИ, усмотревших в этом агрессивный характер внешней политики Тегерана. Практически до сегодняшнего дня Махмуд Ахмадинежад вынужден в своих выступлениях объяснять и пояснять подход Ирана к Израилю и «палестинской проблеме».

Уже в декабре 2005 г. в речи перед лидерами организации Исламская конференция (ОИК) президент Ирана призвал участников объединить свои усилия в разрешении «палестинского вопроса». Он назвал «режим Израиля на оккупированных палестинских территориях главным препятствием» на пути урегулирования. Признавая правительство-узурпатора и далее, мировое сообщество будет разочаровано неудачными попытками установить длительный и прочный мир в регионе. «Единственным мудрым выходом из сложившейся ситуации», по мнению М. Ахмадинежада, «будет являться основанное на международных договоренностях возвращение всех палестинских беженцев, проведение всенародного референдума по определению будущего типа правления на Палестинских территориях с Кудсом в качестве столицы государства»¹⁰.

В Нью-Йорке после речи в ГА ООН 22 сентября 2006 г. Ахмадинежад уточнил, что под термином «Израиль» понимается расистский, по своей сути сионистский режим. И Иран борется за отмену данного политического режима, как до этого весь мир боролся против режима апартеида в ЮАР¹¹. При этом Иран не выступает за силовой метод разрешения данной проблемы. Находясь в Куала-Лумпуре 8 июля 2008 г. на саммите D8 (развивающихся стран), он заявил, что Исламская Республика Иран никогда не начинала войны против какого-либо народа и не намерена этого делать в будущем, добавив при этом, что Израиль не является исключением из правила¹².

Подход, отстаиваемый М. Ахмадинежадом на мировой арене, идет в фарватере внешнеполитического курса Ирана. Не секрет, что идеологическим обоснованием внешней политики Ирана являются взгляды и идеи основателя ИРИ аятоллы Хомейни, и это неоднократно подчеркивается в выступлениях на самом высоком правительственном уровне.

Нынешний лидер Исламской революции аятолла Сейид Али Хаменеи, выступая на церемонии поминовения имама Хомейни 3 июня 2008 г., заявил, что имам предсказал, что исламская революция распространится за пределы Ирана, и это является одним из важнейших пунктов его взглядов. «Экспансия революции не означает посылку войск и поощрение терроризма. Она означает поощрение распространения учения об Исламской революции, в особенности идеи защиты угнетенных»¹³.

К этому необходимо добавить, что в Тегеране действуют и представительства палестинских организаций – Хамаса и Исламского джихада, – через которые осуществляется связь и оказывается всевозможная помощь.

В вышесказанном раскрывается суть внешнеполитической концепции ИРИ в отношении Израиля и «палестинской проблемы». Тегеран выступает против трактовки Израиля как исключительно еврейского государства. Нынешний Израиль – это результат деятельности сионистской организации, созданный решением ООН, что означает – мировое сообщество несет ответственность за судьбу своего проекта. Израиль как еврейское государство – это режим апартеида по отношению к палестинцам-арабам. Палестинцы – угнетаемое и притесняемое население, лишённое права на самоопределение. Иран как исламская страна имеет моральные обязательства по отношению к угнетаемым исламским народам, и судьба палестинцев – один из центральных факторов внешнеполитического курса Ирана. Основные задачи – это помощь палестинцам, поддержка движения сопротивления, а также консолидация общественного мнения в мире и регионе через международные и региональные организации. Цель – реализация в полной мере всех принятых ООН резолюций по Палестине и пересмотр существующего в мире подхода к разрешению «палестинской проблемы» в частности и ближневосточного кризиса в целом.

Подчеркивая необходимость поддержания диалога в разрешении конфликта на Ближнем Востоке, Тегеран крайне негативно, даже враждебно воспринял факт начала 27 декабря 2008 г. полномасштабной военной операции Израиля под кодовым названием «Литой свинец».

Оценка произошедшего, а также набор необходимых ответных мер, с которыми должен был выступить Иран и весь исламский мир, были озвучены на следующий день, 28 декабря, лидером Исламской революции аятоллой Хаменеи, обратившимся с посланием (фетвой) к иранскому и исламским народам. Он осудил израильскую агрессию против Газы, обосновав тем самым необходимость принятия экстренных и кардинальных мер в отношении Палестины. Рахбар призвал «всех палестинских воинов, мусульман и свободолюбивые народы исполнить свой долг в противодействии совершаемым преступлениям

Сионистского режима... который продемонстрировал кровавый образ сионистских волков и выявил невозможность присутствия этого враждебного существа в самом сердце исламской уммы».

По мнению Хаменеи, молчание некоторых арабских правительств в данной ситуации выглядит двусмысленно и воспринимается сионистским режимом как одобрение его преступлений.

К тому же в обострении ситуации повинен и Запад, в частности «преступная администрация Буша». А также «европейские правительства через свое безразличие, а возможно, и соучастие в этой трагедии, вновь подтвердили, что их заявления о поддержке прав человека – фальшивка. Они еще раз продемонстрировали свою причастность к борьбе против Ислама и мусульман».

Фактически Хаменеи призывает мусульман Ирана и мира к джихаду против Израиля, и более широко – против всех сторонников и союзников сионистского режима в мире. «Все палестинские муджтахиды и все верующие мусульмане мира обязаны защитить народ Газы. Каждый, кто погибнет в этой праведной и священной обороне, станет мучеником и вольется в ряды праведников, павших в битвах при Бадре и Охуде, когда во главе мусульманского воинства находился Посланник Аллаха».

В конце своего воззвания Хаменеи призывает «ОИК исполнить свои обязательства в этой непростой ситуации и объединиться против Сионистского режима». Израиль необходимо покарать, объединив силы мусульманских правительств. Лидеры узурпаторского режима должны быть персонально привлечены к международному суду за это преступление и за продолжающуюся блокаду сектора Газа¹⁴.

Стремясь реализовать на практике поставленные задачи, иранские власти осуществили ряд внешнеполитических шагов. Помимо активных личных переговоров по телефону М. Ахмадинежада, М. Моттаки и Али Лариджани была предпринята и серия дипломатических турне по региону. Речь идет, в частности, о визитах генерального секретаря ВСНБ ИРИ Саэда Джалили в Сирию, Ливан, Турцию и Катар, а также визит спикера Али Лариджани в рамках совместного турне «тройки» Азиатской парламентской ассоциации (АПА)¹⁵ в Сирию, Ливан и Иорданию.

Подводя итоги, представитель комитета маджлиса по национальной безопасности и внешней политике Казем Джалили, сопровождавший Али Лариджани в его ближневосточном турне, охарактеризовал итоги тура как плодотворные. В отношении Газы он сказал, что Хамас намерен продолжать свое сопротивление. Однако самое важное на сегодняшний день – открытие КПП Рафах, что может сделать только египетское правительство¹⁶. Но на закономерный вопрос о причинах, заставивших отказаться от посещения Каира, К. Джалили заявил, что оно и не планировалось. Хотя, если быть точным, когда авансиро-

вался этот вояж, 2 января, тот же Казем Джалили заявил журналистам, что спикеры, возможно, решатся на посещение и Египта, чтобы добиться от египетских властей помощи в прекращении израильской агрессии в Газе¹⁷.

Причины этого шага, по всей видимости, следует искать в резком усилении антиегипетской риторики Тегерана, вызванной рядом дипломатических инициатив Каира, не получивших поддержки в Иране. В первую очередь это нежелание египетской стороны открыть пограничный КПП Рафах даже в условиях активных боевых действий со стороны Израиля, но наоборот, дополнительное укрепление и усиление пограничных частей на границе с сектором Газа. Во-вторых, это так называемый план Мубарака, выдвинутый египетским президентом 6 января после консультации с представителями ЕС и предварительного согласия Хамаса на перемирие. Не секрет, что принятая 8 января СБ ООН резолюция № 1860 с призывом к незамедлительному и полному прекращению огня фактически основывается на «египетской инициативе». Она включает три пункта: немедленное прекращение огня на оговоренный период для доставки гуманитарной помощи; приглашение Израиля и палестинцев к переговорам в Каире; открытие пограничных КПП и снятие блокады.

Первая реакция Тегерана была крайне жесткой. Имам-джемэ аятолла Ахмад Хатами призвал в пятничной проповеди 9 января египетский народ выйти на улицы и заставить свое правительство открыть пограничный КПП Рафах для палестинцев. Он также подверг критике действия египетского правительства, отказывающегося открыть границу. «Я предупреждаю египетские власти не связывать свою судьбу с судьбой преступного и узурпаторского Сионистского режима». Аятолла назвал египетские власти «слугами Израиля»¹⁸. Лариджани на встрече в Бейруте со спикером парламента Набихом Берри, явно намекая на Египет, также отверг «искусственные планы» по разрешению кризиса в Газе¹⁹. Однако после вмешательства Рахбара аятоллы Хаменеи, заявившего в своем обращении к иранской молодежи, что в случае с Газой у Тегерана «связаны руки», ведь Египет единственная арабская страна, имеющая общую границу с сектором, накал заявлений спал.

Визиты Джалили и Лариджани показали, что выработать консолидированную позицию, в основе которой лежали бы «иранские инициативы», не удалось. На фоне антиизраильских высказываний ряда арабских и турецких лидеров позиция Ирана не нашла широкой поддержки, за исключением разве что Сирии. Другие страны принимали ее с различными оговорками. Из итогов прошедших встреч, в особенности с Хасаном Насраллой, стало ясно, что ливанская Хизбалла не будет вмешиваться в очередной конфликт с Израилем, если тот первым его не спровоцирует. К тому же власти Ливана в лице президента Мишеля Сулеймана подтвердили свое стремление предотвращать

любые попытки превратить территорию страны в базу для запуска ракет и в новое поле боя.

На этом фоне, когда принятая СБ ООН резолюция была отвергнута Израилем и боевые действия продолжались, Али Лариджани, выступая 13 января с речью на экстренной сессии ОИК в Стамбуле в рамках Исламского межпарламентского союза (ИПС)²⁰, изложил проект из 14 пунктов по урегулированию конфликта в Газе. Он включал следующие важные положения: «Незамедлительное прекращение огня и вывод сионистских войск из Газы, ... прекращение блокады Газы и открытие всех пограничных КПП, ... образование собственного комитета по сбору информации по преступлениям Сионистского режима в Газе для передачи материалов в суд по военным преступлениям». Иран также предлагает мировому сообществу осудить сионистский режим за непропорциональное «применение силы против мирного населения и использование неконвенционального оружия». Далее Тегеран предлагает обеспечить поставки гуманитарных грузов в сектор напрямую через благотворительные организации, такие как Красный Крест, а также организовать вывоз раненых из Газы, возложить ответственность за человеческие жертвы среди мирного населения и разрушения в секторе на сионистский режим и обязать его выплатить компенсацию жертвам агрессии. Иран также предложил, чтобы все члены ИПС разорвали дипломатические отношения с Тель-Авивом²¹.

Однако, несмотря на то что «14 пунктов» были одобрены большинством членов ИПС в Стамбуле, Египет и Саудовская Аравия воздержались от голосования. Далее планировалось представить эти «пункты» на обсуждение экстренного саммита Лиги арабских государств (ЛАГ), который должен был пройти в Дохе 16 января по инициативе эмира Катара Хамада бин Халифа Аль-Тани. Министр иностранных дел ИРИ М. Моттаки поддержал эмира Катара и предложил пригласить Пакистан, Индонезию, Малайзию и Сенегал, чтобы поднять статус встречи до уровня форума исламского мира.

Щекотливость ситуации для Тегерана заключалась в том, что Ахмадинежад выступал лишь в качестве приглашенного гостя и его речь не носила официального статуса. В связи с этим в роли основного докладчика выступил президент Сирии Башар Асад, построивший свою речь на основе принятых в Стамбуле «14 пунктов», которые также были одобрены в качестве программного заявления по итогам саммита в Дохе. Однако к моменту открытия заседаний 16 января данный саммит потерял свой юридический статус, так как из заявленных 16 членов ЛАГ в Доху прибыли только 13 – ПНА, Йемен и Марокко отказались в последний момент, лишив тем самым встречу необходимого кворума. Несмотря на это, Катар и Мавритания объявили о разрыве отношений с Тель-Авивом.

Итоги саммита в Дохе в Иране были восприняты неоднозначно. Тегеран приветствовал

тот факт, что итоговое заявление основывается на «14 пунктах», предложенных Ираном. Теперь они должны были быть переданы для утверждения на официальном саммите ЛАГ, который должен был открыться 19 января в Кувейте. И в этом можно было усматривать безусловную дипломатическую победу Тегерана. Однако она досталась большой ценой. Фактически саммит в Дохе расколол арабский мир, выявив наличие разногласий между Ираном, Сирией и Катаром с одной стороны и Египтом, Саудовской Аравией и Иорданией – с другой.

Только внезапное заявление Израиля об одностороннем прекращении операции в Газе и начало вывода войск стали тем фундаментом, на котором было достигнуто «примирение арабов». Это произошло на экономическом саммите ЛАГ в Кувейте 19–20 января. «Самое важное, что произошло на саммите, – отметил политический аналитик *Kuwait Times*, – так это то, что арабские лидеры избрали цивилизованный путь наказания Израиля за его преступления в Газе. Речь идет об обращении в международные судебные органы для суда над израильтянами, виновными в совершении военных преступлений и в преступлениях против человечности. Фактически, то же самое что было проделано с Саддамом Хусейном»²².

В соответствии с резолюциями саммита, Египет брал на себя функции медиатора в переговорном процессе, инициировав возобновление диалога по двум направлениям – палестинско-израильскому и межпалестинскому. На протяжении января-февраля в Каире проходили интенсивные двусторонние встречи с целью подписания перемирия между Хамасом и Израилем. Однако из-за невозможности разрешения целого ряда вопросов переговоры были прерваны в середине февраля без заключения формального перемирия. Фактически между сторонами действует негласное соглашение о прекращении огня, односторонне объявленное Израилем 18 января.

Межпалестинский диалог, начатый с одобрения арабских государств и Ирана при посредничестве Египта, также очень скоро выявил наличие непреодолимых препятствий. В первую очередь речь идет о требованиях со стороны «квартета» к Хамасу, чтобы получить международное признание будущего ПНЕ. Но данные условия неприемлемы для Хамас. И в этом он был поддержан Ираном, о чем было заявлено в ходе визита Халед Машаала в Тегеран в начале февраля 2009 года. Было подтверждено право палестинцев на вооруженное сопротивление оккупационному режиму Израиля, а заключение перемирия станет возможно только после снятия блокады и открытия всех пограничных КПП²³.

Объявленное в Кувейте «примирение», таким образом, не произошло, наоборот, арабский мир разделился на два соперничающих лагеря – «прозападный» и «проиранский». Первый возглавляют Египет, Саудовская Аравия и Иордания. Во главе второго находятся Сирия и Катар, к которым стремительно дрейфуют Ливан с Турцией, а также Ирак.

Урегулировать возникшие разногласия не удалось и в ходе ежегодного саммита ЛАГ в Дохе 30 марта 2009 года. Во многом это было вызвано тем, что главных антагонистов на нем не было. Иран не пригласили, а Хосни Мубарак не приехал. В центре обсуждаемых тем оказался, помимо суданского, и «палестинский вопрос». Выступивший на открытии саммита сирийский президент Б. Ассад заявил, что в данный момент у арабов нет реального партнера по мирному процессу. «Нынешнее израильское правительство представляет взгляды тех, кто его избрал. А голосование продемонстрировало, что нынешнее израильское общество не готово к миру»²⁴. Практически он слово в слово воспроизвел позицию Тегерана по отношению к арабской инициативе. А ливийский лидер Муаммар Каддафи вообще покинул зал заседания после того, как ему не дали высказаться по поводу политики саудовского короля.

В свою очередь и оппоненты из «прозападного» лагеря выдвинули свои претензии. Глава египетской делегации Мафид Шихаб в своей речи от лица Мубарака обрушился с обвинениями на критиков арабской инициативы и проводимой политики Египта в «палестинском вопросе». Главным виновником неудач в урегулировании кризиса в Палестине Шихаб назвал Иран, призвав все арабские государства объединиться и не позволять неарабским элементам (Ирану) вмешиваться во внутриарабские дела, усиливая разногласия²⁵.

В итоге в окончательный вариант заключительного коммюнике были внесены обтекаемые формулировки, декларирующие приверженность арабов к скорейшему разрешению палестинского кризиса, вновь выдвигалась арабская мирная инициатива и необходимость интенсификации усилий по межпалестинскому диалогу. В текст коммюнике не вошли антииранские заявления, ограничились лишь призывом к Тегерану разрешать спорные вопросы в ходе переговорного процесса. Отдельно содержался призыв к США активизировать свои усилия по достижению мира в регионе, «занять более четкую позицию в противостоянии с Израилем, продолжающим блокаду Газы». Также 22 члена ЛАГ выразили надежду, что США будут «честным брокером» в достижении мира в регионе, и подчеркнули необходимость «определить четкие временные рамки для Израиля», чтобы выполнить свои обязательства по мирному процессу²⁶.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что та роль, которую приписывают Ирану по поддержке палестинского движения сопротивления в Палестине, явно преувеличена. Газа – это не Ливан, и каналов эффективного влияния на развитие ситуации на палестинских территориях у Ирана крайне мало. Если в случае с Ливаном в 2006 г. Тегеран мог опираться на поддержку дружественной Сирии, то в случае с Газой того же самого нельзя сказать о Египте, с которым, кстати говоря, даже отсутствуют полномасштабные дипломатические отношения. В этой связи Каир имеет больше каналов влияния на

тот же Хамас, чем Тегеран. Это приводит к тому, что в проведении своей «палестинской» политики Иран вынужден широко использовать косвенные каналы влияния, опосредованно оказывать давление, прибегая к политике коллективных усилий. Отсюда стремление Ирана вести широкоэвентуальные пропагандистские кампании по разъяснению необходимости принятия коллективных мер в нужном для Тегерана направлении, обращения к мировой общественности и международным организациям.

События в Газе показали, что Тегеран является *одним из* центров политического влияния в регионе Ближнего Востока. И упрощенная модель внешнеполитического процесса принятия решений на Ближнем Востоке, как это часто изображается на Западе, в действительности лишь искажает реальное положение дел.

Для разрешения палестинского вопроса необходима консолидированная позиция всех заинтересованных сторон. Игнорирование или, еще хуже, изоляция одной из сторон приведут лишь к усложнению и обострению ситуации. Исходя из существующего положения можно прогнозировать развитие ситуации по второму пути, что означает сохранение стабильно напряженной ситуации вокруг сектора Газы. Приход к власти в Израиле крайне правого правительства Б. Нетаньяху в лучшем случае приведет к «замораживанию» мирного процесса, что мы сейчас и наблюдаем, а в худшем мы вновь станем свидетелями очередной крупномасштабной операции в секторе Газы. Как будет развиваться ситуация вокруг Газы, будет зависеть от успеха межпалестинского диалога по созданию ПНЕ. Но и здесь существуют трудности, которые необходимо преодолевать совместно палестинцам и арабам. Главное, чтобы не повторилась ситуация 2007 г., а для этого необходима активизация позиции международных посредников из «квартета», которым нужно встать «над схваткой» и отказаться от идеи лоббирования интересов конкретной стороны в этом споре.

Примечания

- 1 См.: Баранов А. В. Арабская мирная инициатива: международная конференция в Аннаполисе // Новая и новейшая история. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 23. С. 206–217.
- 2 Arab dismiss Annapolis. URL: http://www.saudigazette.com.sa/index2.php?option=com_content&task=view&id=41783&Item=146 (дата обращения: 10.12.11).
- 3 Lionel Barber. The Year In Review. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/d477edb2-ce38-11dd-8b30-000077b07658.html> (дата обращения: 10.12.11).
- 4 Remarks by Vice President Biden at 45th Munich Conference on Security Policy http://www.whitehouse.gov/the_press_office/RemarksbyVicePresidentBidenat45thMunichConferenceonSecurityPolicy/ (дата обращения: 10.12.11).
- 5 Баранов А. В. Иран и «летняя война» в Ливане // Азия и Африка сегодня. М. : Наука (РАН), 2007. № 3(596). С. 23–29.
- 6 Взгляды шестого президента ИРИ: внешняя политика. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=31071 (дата обращения: 10.12.11).
- 7 Interview with Ahmadinejad, 8 June 2005. URL: <http://www.globalsecurity.org/library/news/iran/2005/iran-050608-irna.html> (дата обращения: 10.12.11).
- 8 Взгляды шестого Президента ИРИ: внешняя политика.
- 9 Text of Mahmoud Ahmadinejad's Speech. URL: <http://www.nytimes.com/2005/10/30/weekinreview/30iran.html> (дата обращения: 10.12.11).
- 10 President urges Muslim heads of states to solve Muslim's problems. URL: <http://www.president.ir/ahmadinejad/cronicnews/1384/09/16/index-e.html#b2> (дата обращения: 10.12.11).
- 11 President: Quarrel with Zionists, not Jews // Iran Daily. 2006. September 23. № 2667.
- 12 "Iran does not intend to wipe out Israel" // Tehran Times. 2008. July 2. № 10361.
- 13 Imam Khomeini's testament provides guidelines for revolution // Tehran Times. 2008. June 10. № 10334.
- 14 The full text of the statement of Sayyed Ali Khomeini // Iran News Daily. 2008. December 29. № 3950.
- 15 «Тройка» была сформирована на 3-й сессии АПА в Джакарте в конце ноября 2008 г., туда вошли спикеры парламентов Ирана (страна-председатель 2008 года), Сирии (страна-председатель 2010 года) и Индонезии (страна-председатель 2009 года) – Али Лариджани, Махмуд Аль-Абраш и Агунго Лаксоно.
- 16 Larijani not scheduled to visit Egypt // Tehran Times. 2009. January 12. № 10505.
- 17 Larijani to participate in APA meeting on Gaza in Syria. URL: <http://www.mehrnews.com/en/NewsDetail.aspx?NewsID=810841> (дата обращения: 10.12.11).
- 18 Iranian cleric urges Egyptians to force open Rafah crossing // Tehran Times. 2009. January 10. № 10503.
- 19 Larijani Urges Muslims to Continue Support for Gazans // Iran News Daily. 2009. January 10. № 3957.
- 20 В состав членов ИПС входят 9 стран: Турция, Иран, Азербайджан, Саудовская Аравия, Алжир, Египет, Чад, Бенин и Мали.
- 21 Islamic states back Iran's 14-point proposal on Gaza // Tehran Times. 2009. January 14. № 10507.
- 22 Al-Manna, Ayed. The summit and Gaza. URL: http://www.kuwaittimes.net/read_news.php?newsid=MTA2MjQyOTMxMQ (дата обращения: 10.12.11).
- 23 Hamas rules out truce under Gaza blockade // Tehran Times. 2009. February 2. #10523.
- 24 Arab summit opens: Assad says no Israeli partner, rejects arrest warrant against Sudan leader. URL: <http://www.albawaba.com/en/news/242819> (дата обращения: 10.12.11).
- 25 Mazel, Zvi. Analysis: Arab summit in Qatar – a demonstration of weakness. URL: <http://www.jpost.com/servlet/ServletPrint?cid=1238562880306&pagename=JPArticle%2FShowFull> (дата обращения: 10.12.11).
- 26 Gazzar, Brenda. Despite divisions, Arabs unite to censure Israel, back Sudan. URL: <http://www.jpost.com/servlet/Satellite?cid=1238423656307&pagename=JPArticle%2FShowFull> (дата обращения: 10.12.11).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 902(470.44/47)637.7|

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Н. М. Малов

Саратовский государственный университет
E-mail: malovnm@mail.ru

Автором статьи обосновывается модель культурогенеза эпохи поздней бронзы (ПБВ) Нижнего Поволжья. В ПБВ данного региона выделяются три фазы, соответствующие сменяющим друг друга археологическим культурам. Первая фаза (ПБВ 1) – покровская культура, вторая (ПБВ 2) – срубная культура, третья (ПБВ 3) – хвалынская культура валиковой керамики. При смене фаз распространяются памятники смешанного типа, сочетающие элементы предшествующей и последующей археологических культур. Для уточнения абсолютной хронологии используется 6 калиброванных дат, полученных в результате радиоуглеродного анализа древесины и древесного угля.

Ключевые слова: археология, Нижнее Поволжье, поздний бронзовый век, хронология, культурогенез.

Culture Genesis in the Lower Volga Region during the Late Bronze Age

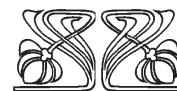
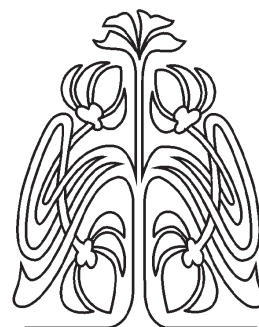
N. M. Malov

Substantiation is provided for a model of culture genesis in the Lower Volga Region during the Late Bronze Age (LBA). Three phases corresponding to the succeeding archaeological cultures are recognized in the LBA of the region. The first phase (LBA 1) – the Pokrovsk culture, the second one (LBA 2) – the timber-grave culture, the third one (LBA 3) – the Khvalynsk culture of beaded pottery. At the change of phases, monuments of mixed types occur, with combined elements of the preceding and of the subsequent archaeological cultures. To specify the absolute chronology, 6 reference dates are used, acquired from radiocarbon analyses of wood substance and charcoal.

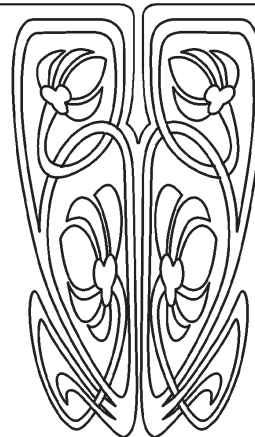
Key words: archaeology, Lower Volga Region, Late Bronze Age, chronology, culture genesis.

В конце 1920 – начале 1930-х гг. в российской культурогенетике сложилось несколько научных направлений. Проблемы культурогенеза разрабатывались в ряде социогуманитарных областей научного знания, в том числе и археологического¹. Обсуждались различные аспекты культурогенеза скотоводческо-пастушеских племён позднего бронзового века (ПБВ) южнорусских степей. Культурогенетические исследования были тесно связаны с социальной археологией и реконструкцией социогенеза древних скотоводческих обществ. Термин «культурогенез» не использовался². В 1968 г. Ст. Лем одним из первых употребил понятие «культурогенез», а в 1973 г. А. П. Окладников ввёл его в русскоязычную литературу³.

Основы разработки культурогенеза ПБВ Нижнего Поволжья заложены В. А. Городцовым, выделившим памятники срубной (СК) и хвалынской (ХК) культур неометаллической эпохи⁴. Затем П. С. Рыков предложил новую модель культурогенеза в виде 5 стадий ХК, или срубно-хвалынской культуры ПБВ Нижнего Поволжья⁵. В неё вошли различные группы-типы памятников от эпохи средней бронзы (стадия А) до ПБВ (стадии С, Д, В, Е)⁶. П. С. Рыков полагал, что ХК составляет, очевидно, «продукт различных культурных влияний, зашедших в наш край посредством экономических связей его с другими, более отдалёнными центрами культуры того времени»⁷. Рассуждая о сходных формах

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

социально-экономической структуры и памятниках, он упомянул и абашевские древности Среднего Поволжья⁸. Выделив различные группы-стадии, П. С. Рыков впервые заложил основы разработки неоднородной модели культурогенеза ПБВ Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий.

Исследователи отмечали справедливость выделения П. С. Рыковым стадий С и Д, так как в них фиксировались «абашевские элементы». Данные комплексы интерпретировали преимущественно как проявления срубно-абашевских связей-контактов⁹. Результаты последующей критики источников, историографический анализ и новые материалы показали, что памятники с «абашевскими элементами» обладают существенным культурным своеобразием, представляя собой особый покровский тип (ПСТ) – покровский культурный тип (ПКТ) памятников¹⁰.

Анализ совокупности артефактов позволяет нам рассматривать ПКТ в качестве покровской культуры (ПК), не являющейся частью доно-волжской абашевской культуры (ДВАК) или ранней СК¹¹. Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье представлены тремя археологическими культурами: покровской (ПК), срубной (СК) и хвалынской культурой валиковой керамики (ХКВК)¹².

В ПБВ данного региона выделяются три фазы, синхронные соответствующим фазам Евразийской металлургической провинции (ЕАМП), а также ориентировочной схеме хронологии культур и металлоносных комплексов Восточной Европы¹³. На каждой из фаз ПБВ преобладают памятники определённой археологической культуры. Первая фаза ПБВ1 соответствует ПК, вторая ПБВ2 – СК, третья ПБВ3 – ХКВК¹⁴. Однако при смене фаз достаточно сложно провести жёсткое формализованное разграничение между сосуществующими разнокультурными комплексами, поскольку в начале второй и третьей фаз распространены памятники с элементами предшествующей и последующей археологических культур. Поэтому использовано двойное наименование. Стадия 2.1 названа покровско-срубной, а стадия 3.1. – срубно-хвалынской. Таким образом, ПБВ2 и ПБВ3 подразделяются на две культурно-хронологические стадии. Для уточнения абсолютной хронологии ПБВ Нижнего Поволжья использовано 6 радиоуглеродных калиброванных дат, полученных в лаборатории ИИМК РАН¹⁵. Однако их немного и делать окончательные выводы по этому вопросу преждевременно. Основу для датировки культур ПБВ Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий составили калиброванные радиоуглеродные определения.

Фаза ПБВ1. ПК – ПКТ – ПСТ. Начиная с 1920–1930-х гг. и до настоящего времени исследователи, занимавшиеся систематизацией ПКТ Нижнего Поволжья, обоснованно членили их на ранние и поздние. Первым это осуществил

П. С. Рыков, выделив стадии С и Д. Н. К. Качалова распределила инокультурные покровские курганные погребения с абашевскими элементами среди памятников первых двух этапов СК¹⁶. Затем ПКТ также подразделялись исследователями на ранние и поздние. При этом поздние комплексы ПКТ синхронизировались с раннесрубными¹⁷.

Фаза ПБВ1 представлена селищами, курганными и грунтовыми могильниками ранней ПК, распространёнными на обширных пространствах степи-лесостепи Восточной Европы. ПК входит в блок первой фазы формирования Волго-Уральского очага культурогенеза ЕАМП, где фиксируется трансформированный абашевский компонент¹⁸. Калиброванные радиоуглеродные определения для ранней фазы ЕАМП равны календарному отрезку XXII–XVIII/XVII вв. до н. э.¹⁹ Анализ образца ранней ПК (Терновка к. 4 п. 21, Энгельский р-н Саратовской обл., древесина от перекрытия) дал реальную калиброванную дату (Je – 4825): 3580±50 л. т. н., 1977–1875, 1837–1817, 1801 – 1785 cal BC (1σ); 2036 – 1750 cal BC (2σ)²⁰.

Тогда военный фактор играл существенную роль в культурогенезе, экономике и социогенезе, что отразилось в погребальной обрядности и инвентаре ПК. В начальную эпоху Волго-Уральского очага культурогенеза отмечаются сакрализация военного дела и возвышение военной верхушки. Вероятно, первобытно-престижная общественная структура этой милитаризированной эпохи представляла «военное вождевластие или «военную дуксократию». Для ПК характерно сочетание своеобразного комплекса признаков: скорченное положение погребённых на левом боку, визуальное узнаваемая керамика, деревянная посуда, дисковидные псалии (костяные, иногда деревянные шипы – чаще вставные, изредка монолитные или отсутствуют)²¹. Для изготовления металлических изделий (украшений, ножей, серпов, наконечников копий и др.) чаще всего использовалась мышьяковая или сурьмяно-мышьяковая медь группы ВК²². В виде исключения известны единичные скорченные на спине или вытянутые позы погребённых.

Керамика из погребений ПК членился на банки (11%), острорёберные (22%), округлобокие (47%) и индивидуальные (14%). Абашевское воздействие на ПК прослеживается прежде всего в таких формах. Это банки колоколовидные и с массивным верхом, сосудики с ребром в средней части, колоколовидные горшки с массивным венчиком, уплощённым или округлым дном, внутренним желобком или уступом на венчике.

Остальная многочисленная керамика представлена «неабашоидными» формами. Сюда входят банки и биконические сосудики (Перемётная 1/2; Быково-I 5/4; Бородаевка 1/11,17; Осиновка 1/7; Дубовое) горизонтальных пропорций, сосуды с вогнутым плечом, трёхчастные растробовидные горшки, а также сосуды с воротничком и уступчатым плечиком. Значительна серия слабопрофилированной посуды ПК без внутреннего «абашоидного» же-

лобка на коротком венчике, с уплощённым днищем и «раздутым» туловом. Она встречается достаточно широко не только в погребениях, но и на селищах ПК от Приуралья до Среднего Подонья и имеет сходство в орнаментации канелюрами с синташтинской и петровской. Несколько индивидуальных сосудов из ранних погребений ПК близки по форме и орнаментации к полтавкинско-катакомбным, бабинским и синташтинским. Среди бытовых памятников ПК выделяется керамика из нижней части культурного слоя селища «Сады», где «абашоидный» компонент несуществен. Вероятно, ПК бытовала в засушливую эпоху среднесуббореального термического максимума и её носители занимались преимущественно пастушескими формами хозяйств. Ранние погребальные комплексы ПК есть в курганных группах: Мирное (раскопки А. П. Дульзона и П. Д. Рау); Покровск 35/2 (металл ТК); Максютово к. 3; Терновка к. 4, Перемётная 1/2 и др.

Фаза ПБВ2. СК. Представлена погребальными (курганы, грунтовые могильники) и бытовыми памятниками (селища) поздней ПК и ранней СК²³. ПБВ2 соответствует второй фазе ЕАМП, куда Е. Н. Черных включает все памятники СК доваликовского горизонта, датируемые в калиброванном значении XX–XV вв. до н. э.²⁴

Покровско-срубная стадия 2.1. Среди погребений ПК этой стадии есть такие, которые Е. Н. Черных отнёс к фазе окончательного оформления ЕАМП, соответствующей эпохе «классической фазы» срубной общности²⁵. Поздние погребенные комплексы ПК представлены в целом ряде курганных могильников: Аткарск (к. 23, 27); Бережновка–I (к. 25 и др.); Краснополье (к. 2); Медяниково (2/8); Натальино II; Осиновка; Покровск (к. 40 и др.); Усатово (к. G5); Чардым (к. 1); «Горбатый мост» (Широкий Карамыш); «Золотая Гора» и др. Судя по инвентарю, к поздней ПК относятся некоторые ранние захоронения Смеловского могильника, исследованного В. А. Лопатиным²⁶. Материалы поздней ПК представлены на селищах Гусёлка II, Пристанное, Вишнёвое, Красавка II и др. В одном погребении может присутствовать покровская, покровско-абашевская и срубная керамика. В начале данной стадии ПК прекращает своё существование. В Среднем Поволжье данной нижеволжской стадии соответствуют ранний этап СК, где присутствуют и поздние памятники ПКТ²⁷.

Срубная стадия 2.2. Нижеволжские памятники СК распространены по всем природным зонам. Степень оседлости СК выражена ярче, чем в ПК. Ослабление континентальности и повышение увлажнённости способствовало ведению племенами СК комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Отмечается «демографический взрыв». Значительная часть памятников этой стадии выделена Н. К. Качаловой в III этап СК²⁸. Большая часть предметов, связанных с кузнечно-литейным производством, происходит из северных степных и лесостепных регионов Нижнего Поволжья, указывая на его расцвет и достаточно высокий уровень

специализации²⁹. В СК более широко представлены женские ювелирные украшения из драгоценных металлов³⁰. Судя по серпентинитовой литейной форме и фрагменту малахитовой руды, литейщики СК Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья ориентировались на ремесленные традиции и связи с металлургическими центрами Уральской горно-металлургической области³¹.

Для нижеволжских памятников стадии 2.2 получены три калиброванные радиоуглеродные даты по материалам раскопок Н. М. Малова. Село Широкий Карамыш р. Медведица (Лысогорский р-н Саратовской области, группа «Горбатый мост», древесина от перекрытия) курган 2 погребение № 5 (Je – 4826): 3400±50 л. т. н., 1774–1621 cal BC (1σ) 100%; 1776–1527 cal BC (1σ) (2σ) 96%. Широкий Карамыш курган 2 погребение № 6 (Je – 4827): 3460±50 л. т. н., 1873–1839, 1781–1730, 1729–1686 cal BC (1σ); 1888–1670 cal BC (2σ) 95%. Селище Чесноково I (Je – 4822), Уральская (Западно-Казахстанская) область (уголь, дно постройки, кв. 80, глубина 100 – 120 см): 3140±70 л. т. н., 1531–1395 cal BC (1σ); 1675 – 1301 cal BC (2σ)³².

Фаза ПБВ3. ХКВК. К ХКВК относятся памятники с валиковой керамикой. Бронзовые изделия представлены Сосново-Мазинским и другимикладами, а также отдельными находками – кельтами, серпами, теслами, ножами-кинжалами с упором, долотами (Звонарёвка, Золотое, Красный Яр, Курнанбаево, Новая Порубежка, Ст. Жуковка, Ст. Яблоновка и др.)³³.

ХКВК характеризуют преимущественно бытовые памятники, но есть курганные и грунтовые погребения. При этом большинство стационарных поселений расположено в лесостепи и близ поймы Волги, где степень оседлости ее носителей, занимавшихся в основном скотоводством, ярко выражена. На полупустынных и глубинных степных территориях стационарные поселения практически отсутствуют, что обусловлено подвильными формами скотоводства ХКВК этих ареалов. В результате классификации и анализа значительной серии бытовой керамики с использованием кластерного анализа было подтверждено членение ХКВК на ранний и поздний хронологические периоды-стадии³⁴.

Срубно-хвалынская стадия 3.1. Представлена комплексами поздней СК и ранней ХКВК. Некоторые из них частично включены Н. К. Качаловой в III этап СК³⁵. К этой стадии относят Перелюбский клад медных серпов, бытовавших среди носителей ранних фаз с валиковой керамикой³⁶. Вслед за В. А. Дергачёвым и В. С. Бочкарёвым нижеволжские срубно-хвалынские комплексы пытаются в очередной раз переименовать, теперь уже в «смеловский тип памятников»³⁷. Не исключено, что немногочисленная валиковая керамика первоначально появляется на поселениях СК: Гуселка II, Озинки I, Каменка и др. Однако соотношение этих двух групп памятников между собой пока не определено. Возможно, на данной стадии поздние селища СК типа Осинов Гай распространены пре-

имущественно в Заволжье³⁸. Предположительно, они могут быть синхронны ранней группе северо-западных селищ ХКВК Нижнего Поволжья, но веские данные для этого пока отсутствуют.

Значительными площадями исследовано несколько срубно-хвалынских поселений: Новая Покровка-I, Смеловка-I, Сухая Мечетка-II, Ерзовка-I и др. Они состоят из 1–3 полуземляночных построек прямоугольной формы со сложной каркасно-столбовой конструкцией стен и двускатной кровлей. На поселениях есть каменные «утюжки» и изделия из кости (наконечники стрел и дротиков, «штампы-трепала», «ложечка», охотничий «свисток»). Погребения грунтовые и курганные. Среди керамики ранней ХКВК выразительны инокультурные сосуды кубковидной формы. К числу неординарных относится раскопанное А. А. Плаховым п. 16 из Комсомольского могильника³⁹. Грунтовое захоронение этой стадии исследовано Н. М. Маловым на селище Смеловка-I. Для стадии 3.1 есть одна радиоуглеродная калиброванная дата (Ле – 4821, селище Новая Покровка-I, раскопки Н. М. Малова, р. Терешка, Вольский р-н, Саратовская область). Материал – древесный уголь из хозяйственной ямы в дне котлована постройки: 3210 ± 80 л. т. н., $1531-1395$ cal BC (1 σ), $1675-1301$ cal BC (2 σ)⁴⁰. Представляется, что к концу данной стадии СК прекратила свое существование.

Стадия 3.2. Известны поселения: Танавское, Сады, хут. Веселый, Ураков Бугор, Ивановское, Сосновка I – II⁴¹ и др., немногочисленные курганные и грунтовые погребения. К этой стадии относятся Сосново-Мазинский и Знаменский клады, бытовавшие в самом финале ПБВ⁴². На поселениях преобладает керамика с валиками и воротничками, иногда встречаются сковороды, горшки с жемчужинами и налепными шишечками. Остатки полуземляночных и наземных построек некоторых поселений (Танавское, Ивановское, Сосновка II) реконструировать затруднительно⁴³. Погребальные памятники очень редки. В своё время некоторые из уже известных захоронений были включены Н. К. Качаловой в IV этап СК⁴⁴. Валиковая керамика есть в 5 курганных и некоторых грунтовых могильниках. Это Быковское погребение, сосуд из разрушенной могилы близ Нового Привольного, фрагменты хвалынской валиковой керамики из Низовского и Чапаевского курганов⁴⁵. Сравнительно недавно открыто несколько погребений ХКВК на правом побережье Волги в Усть-Курдюмском и Сабуровском грунтовых могильниках севернее г. Саратова⁴⁶. В отличие от СК здесь наблюдается скорченное положение умерших на правом боку. В Сабуровке присутствует железное колечко, что указывает на использование носителями поздней ХКВК нового металла – железа.

Впервые полученная радиоуглеродная серия не противоречит тому, что ПК бытовала, и датируется раньше, чем СК, а последняя древнее ХКВК. В ПБВ, кроме стабилизации и миграций, наблюдаются прямое заимствование, спонтанная и стимули-

рованная трансформация или их взаимодействие. Покровско-срубные (2.1) и срубно-хвалынские (3.1) комплексы отражают различные виды культурной трансформации. Особенностью культурогенеза является и то, что при переходе от среднего к позднему бронзовому веку и от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Нижнем Поволжье культурной трансформации не наблюдается. Срубные памятники ПБВ2 хронологически не стыкуются с полтавкинскими и катакомбными культурами эпохи средней бронзы и «киммерийско-черногородовского» времени. Следовательно, нет достаточных оснований связывать происхождение СК Поволжья, Северного Прикаспия, Приуралья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречий с полтавкинскими или катакомбными культурами. Вряд ли срубная культура могла оказать влияние на формирование кочевнических культур раннего железного века степей Восточной Европы.

Примечания

- 1 См.: *Бондарев А. В.* Вклад ГАИМК – ИИМК РАН в становление отечественных культурогенетических исследований // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. СПб., 2009. С. 36–86.
- 2 См.: *Малов Н. М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. С. 157–219.
- 3 См.: *Бондарев А. В.* История и основные направления развития отечественных теоретических исследований культурогенеза : автореф. дис. ... канд. культ. наук. СПб., 2009.
- 4 См.: *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М., 1955. № 46. С. 5, 9 ; *Мерперт Н. Я.* Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 3–10 ; *Малов Н. М.* Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. СГУ. Нов. серия. Сер. История. Международные отношения. Саратов, 2010. Т. 10, вып. 2. С. 38–40.
- 5 См.: *Рыков П. С.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения. Саратов, 1927. Т. 2. С. 77–100 ; *Он же.* Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения ГАИМК. 1931. № 8. С. 30 ; *Он же.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 36–54 ; *Малов Н. М.* Из истории изучения срубно-абашевских памятников Нижнего Поволжья (1911–1959 гг.) // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 10. С. 92–94 ; *Сагайдак В. И.* О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья. Науч. тр. КГПИ. Куйбышев, 1979. Т. 230. С. 57–70 ; *Он же.* Хвалынская культура в исследованиях П. С. Рыкова // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 33–41.
- 6 См.: *Малов Н. М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древ-

- няя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 24.
- ⁷ Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным 1926–27 гг. М.; Саратов, 1929. С. 7.
- ⁸ См.: Рыков П. С. Очерки... С. 63.
- ⁹ См.: Малов Н. М. Историография... С. 25–27.
- ¹⁰ См.: Качалова Н. К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. Л., 1976. № 17. С. 5–17; *Она же*. Срубная культура Волго-Уральского междуречья. Природная среда, история изучения, проблематика // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. САИ. Саратов, 1993. Вып. В1–10. Т. 1. С. 11–16; *Малов Н. М.* К вопросу о памятниках покровского типа // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Науч. тр. КГПИ. Куйбышев, 1978. Т. 221. С. 58–59.
- ¹¹ См.: *Малов Н. М.* О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 50–53; *Она же*. Памятники покровского типа Восточно-Европейских степей // История и археология Слободской Украины : тез. докл. Всеукраин. науч. конф. Харьков, 1992. С. 149–150; *Она же*. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 130–132; *Она же*. Проблемы взаимодействия Поволжских покровских и Урало-Казахстанских петровских племён степной Евразии (по материалам погребений) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 60–63; *Кузьмина О. В.* Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. II. С. 27–51.
- ¹² См.: *Малов Н. М.* Памятники хвалынской культуры валиковой керамики и некоторые проблемы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы // Теория и методика археологии, каменный и бронзовый века, скифская проблема. Омск, 1987. С. 141–143; *Она же*. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье (по материалам поселений) // Задачи советской археологии. М., 1987. С. 159–160; *Она же*. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994. С. 8–13; *Она же*. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы : Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 199–202.
- ¹³ См.: *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв, 2002. С. 13–14. Рис. 1.
- ¹⁴ См.: *Малов Н. М.* Культурные типы... С. 8–13; *Она же*. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья : по материалам поселений срубной культурно-исторической области // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 46–47.
- ¹⁵ См.: *Малов Н. М.* Культуры эпохи... С. 199–202.
- ¹⁶ См.: *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизация). Куйбышев, 1985. С. 58. Рис. 5; *Малов Н. М.* Конструктивные особенности псалы из Краснополя // СА. 1983. № 4. С. 204–209.
- ¹⁷ См.: *Малов Н. М.* «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (Памятники покровского типа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992; *Она же*. Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 4. С. 83–85; *Она же*. Покровская культура... С. 6–47; *Цимиданов В. В.* Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточно-европейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 78–82.
- ¹⁸ См.: *Бочкарёв В. С.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времён : Народы степной Евразии в древности : в 10 т. Казань, 2002. Т. I. С. 46–68.
- ¹⁹ См.: *Черных Е. Н.* Каргалы, том V : Каргалы : феномен и парадоксы развития ; Каргалы в системе металлургических провинций ; Потаённая (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М., 2007. С. 86; *Она же*. Формирование Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур : взгляд сквозь призму археологии, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 3(35). С. 49.
- ²⁰ См.: *Малов Н. М.* Культуры эпохи... С. 199–202. В данную публикацию вкралась досадная опечатка. Вместо Терновского кургана № 4 ошибочно указан курган № 1. Кроме того, в лаборатории по недоразумению данный анализировавшийся образец ошибочно отмечен как якобы происходящий из Яблоновки, курган 1, погребение 1.
- ²¹ См.: *Малов Н. М.* Планиграфия Нижневолжских подкурганых погребений покровского типа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 145–155; *Она же*. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 82–99; *Она же*. Погребения с булавами и втками из Натальинских курганов // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 15–42; *Она же*. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 22–54; *Она же*. Погребения покровской культуры... С. 157–219; *Лапшин А. С.* Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; *Она же*. Покровская культура // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 197–198.
- ²² См.: *Малов Н. М.* Покровская культура... С. 46–47.
- ²³ См.: *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 54–57. Рис. 1–4; *Кочерженко О. В., Малов Н. М., Слонов В. Н.* Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижневолжского правобережья // Археологические вести. Саратов, 1993. С. 86–109; *Она же*. Орнаментация срубной погребальной керамики Нижневолжского правобережья (погра-

- ничье степи и лесостепи) // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994. С. 74–96; Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье...; *Кочерженко О. В., Слонов В. А.* О семантике орнамента керамики срубной культуры // РА. 1993. № 3. С. 37–42; *Лопатин В. А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002; *Сергеева О. В.* Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья // Поволжский край. Саратов, 2005. С. 34–50; *Она же.* Палеодемографические оценки численности населения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 132–140; *Юдин А. И., Матюхин А. Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая гора и Кочетное. Саратов, 2006; *Лапшин А. С.* Срубная культура // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 245.
- 24 См.: *Черных Е. Н.* Формирование Евразийского... С. 50.
- 25 См.: *Черных Е. Н.* Каргалы... С. 86, 102. Рис. 7.3; *Она же.* Формирование... С. 47–50.
- 26 См.: *Лопатин В. А.* Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.
- 27 См.: *Семёнова А. П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 161–171.
- 28 См.: *Качалова Н. К.* Периодизация... С. 54–55. Рис. 2.
- 29 См.: *Малов Н. М.* Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 3–21.
- 30 См.: *Она же.* Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 27–53.
- 31 См.: *Малов Н. М., Изотова М. А.* Селище литейщиков срубной культуры Потьма-III в Саратовском Прихопёрье // АВЕС. Саратов, 2009. Вып. 7. С. 133.
- 32 См.: *Малов Н. М.* Покровская культура... С. 47.
- 33 См.: *Кривцова-Гракова О. А.* Указ соч. С. 38–49; *Деревягин Ю. В., Симонов Р. М.* Валиковая керамика на срубных памятниках Нижнего Поволжья // СА. 1971. № 2. С. 218–220; *Качалова Н. К.* Срубная культура... С. 16; *Малов Н. М.* Хвалынская культура... С. 159–160; *Она же.* Памятники хвалынской... С. 141–143; *Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993. С. 66–67; *Изотова М. А.* История изучения и историография памятников с валиковой керамикой эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (1904–1980 гг.) // Проблемы истории Российской цивилизации. Саратов, 2005. Вып. II. С. 169–180; *Колес Ю. И.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 208–240.
- 34 См.: *Изотова М. А., Малов Н. М., Слонов В. А.* Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1. С. 110–136; *Она же.* Статистическое изучение системы орнаментации хвалынской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994. С. 97–109.
- 35 См.: *Качалова Н. К.* Памятники срубной... С. 54–55. Рис. 2.
- 36 См.: *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Указ. соч. С. 107.
- 37 См.: *Лапшин А. С.* Смеловский тип памятников // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 240. Ранний период ХКВК был назван нами срубно-хвалынским в конце 1980-х гг. (См.: *Малов Н. М.* Хвалынская культура... С. 159). Самарские коллеги относят срубно-хвалынские древности лесостепного Поволжья к «сусканскому типу – культуре», а комплексы степной зоны к «ивановской культуре». См.: *Колес Ю. И.* Лесостепное Поволжье на заключительном этапе бронзового века // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 244–256; *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 53–55.
- 38 См.: *Изотова М. А., Малов Н. М., Слонов В. Н.* Сравнение хвалынских поселений Нижнего Поволжья по формам керамики // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Киев; Николаев; Южноукраинск, 1997. С. 76–77.
- 39 См.: *Бочкарёв В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010. С. 206–207.
- 40 См.: *Малов Н. М.* Культура эпохи... С. 201.
- 41 См.: *Малов Н. М., Косинцев П. А.* Селище волго-донской катакомбной культуры Сосновка I из Саратовского Поволжья // АВЕС. Саратов, 2010. Вып. 8. С. 78–94.
- 42 См.: *Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С.* Указ. соч. С. 12. Рис. 1; *Бочкарёв В. С.* Знаменская находка // АВЕС. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 245–249.
- 43 См.: *Изотова М. А., Малов Н. М.* Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 96–115; *Изотова М. А.* Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 58–69.
- 44 См.: *Качалова Н. К.* Памятники срубной... С. 54–55. Рис. 2.
- 45 См.: *Деревягин Ю. В., Симонов Р. М.* Указ соч. С. 218–221; *Максимов Е. К., Лопатин В. А.* Материалы Низовских курганов // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 158. Рис. 1, 17; *Жемков А. И., Лопатин В. А.* Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 115. Рис. 1–3.
- 46 См.: *Мальшев А. Б.* Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 16–31. Рис. 3–4; *Тузушев П. Е.* Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 91–104. Рис. 9–12.

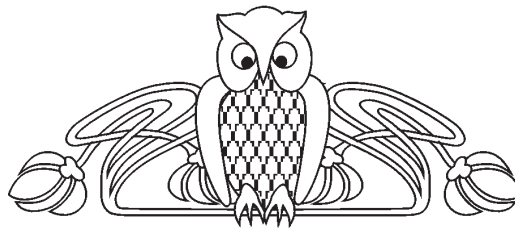
УДК 908(470.44-25)|1666|+271.2(9)

ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ САРАТОВ В 1666 ГОДУ

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет

E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе восточных патриархов Паисия и Макария. Подробно разобран маршрут движения патриархов по Волге от Астрахани до Симбирска летом 1666 года. В это время город Саратов оказался в центре внимания самого царя Алексея Михайловича.

Ключевые слова: Саратов, река Волга, восточные патриархи, царь Алексей Михайлович, Никон.

Left Bank Saratov in the 1666

Y. N. Rabinovich

The article deals with the unknown pages of history of the Saratov's left bank, associated with staying of the Eastern Patriarchs Paisius and Macarius in this city. Analyzed in detail the route of the patriarchs by the Volga from Astrakhan to Simbirsk in summer 1666. At this time the city of Saratov was in the focus of the Tsar Alexei Mikhailovich.

Keywords: Saratov, Volga, Eastern Patriarchs, Tsar Alexei Mikhailovich, Nikon.

О конфликте патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем хорошо известно. Также известно о той роли, которую сыграли в суде над Никоном восточные патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Исследователи сообщали, как патриархов встречали под Москвой царские посланцы полковник Артамон Сергеевич Матвеев, стольник князь Петр Иванович Прозоровский, думный дворянин Иван Богданович Хитрово и архимандрит Рождественского монастыря Филарет, как происходил сам суд над опальным Никоном. Однако до настоящего времени лишь Николай Александрович Гиббенет (Гюббенет) (1824–1897) в своей двухтомной монографии, написанной свыше 120 лет назад, детально проследил весь маршрут движения этих патриархов в России, начиная с прибытия из Шемахи в Астрахань. Сочинение Н. А. Гиббенета, по-видимому, не было известно А. А. Герасимову, иначе этот крупнейший историк Саратовского края обязательно использовал бы его при написании своих трудов.

Исследователи – продолжатели дела А. А. Герасимова, занимающиеся изучением истории левобережного Саратова XVII в., не упоминали данный труд Н. А. Гиббенета и не использовали документы Дела патриарха Никона, опубликованные в приложении к этой монографии. А ведь здесь содержится весьма ценная информация о событиях лета 1666 г. в районе Саратова и Симбирска, приводятся десятки имен лиц, которые в это время были в Саратове, а также точные даты,

что весьма существенно. При той скудости источников по левобережному Саратову, которую мы имеем к настоящему времени, такое игнорирование документов по истории левобережного Саратова недопустимо. Поэтому стоит более подробно осветить данный сюжет.

При изучении документов Дела патриарха Никона легко можно убедиться, что левобережный Саратов на некоторое время оказался в центре внимания самого царя Алексея Михайловича. Царь писал письма не только в Смоленск и Андрусово, где в это время начинались мирные переговоры с поляками, не только в Киев, за удержание которого вели борьбу военные и дипломаты, но и в далекий пограничный Саратов. Как писал сам Н. А. Гиббенет, «дело о патриархе Никоне производилось в Приказе Тайных дел», который учрежден был царем Алексеем Михайловичем и находился под личным его управлением. В этом приказе разбирались всякого рода тайные дела, при решении которых царь не совещался с боярами, а занимался этими делами сам, отдавая по ним личные приказания. В дальнейшем, при Федоре Алексеевиче, Дело патриарха Никона было передано сначала в Печатный приказ, потом, при Петре I, – в Ближнюю канцелярию. Эти документы длительное время хранились в здании 12 коллегий на Васильевском острове, пока в 1835 г. не поступили в Государственный архив, учрежденный при Министерстве иностранных дел¹.

Восточные патриархи Паисий и Макарий приплыли из Шемахи в Астрахань **21 июня 1666 г.** вместе с большой свитой. Патриархов сопровождали «синайские горы архиепископ Ананий, цареградцакого патриарха области трапезундской митрополит Филофей и иные с ними черные власти»². Патриарх Макарий прибыл в Шемаху из Тбилиси вместе с архиепископом Ананием, митрополитом Филофеем, а также грузинским царевичем Ираклием (Николаем) Давидовичем.

За два месяца до этих событий (23 апреля) терский воевода Иван Андреевич Ржевский отправил в Шемаху для сопровождения патриархов корабль, бусу и сандал, а «для обереганья» – ратных людей во главе с терским сыном боярским Михаилом Молчановым и две пушки³. Эти предосторожности не были излишними в связи с участвовавшими казачьими походами «за зипунами». Не пройдет и года после этих событий, как на Каспийском море появятся казачьи струги Степана Разина, которые разгромят персидскую флотилию и захватят богатую добычу.

В Астрахани патриархов Паисия и Макария торжественно встречал, местный воевода боярин князь Яков Никитич Одоевский и астраханский епископ Иосиф, который, согласно царской инструкции, должен был прибыть вместе с гостями в Москву. Патриарха Макария, как и в первом путешествии (в 1652 г.), сопровождал его сын Павел Алеппский, сочинение которого было опубликовано в России ещё до революции⁴.

Жители левобережного Саратова недолго видели у себя знатных гостей в августе 1666 г., хотя хлопот воеводам города князю Алексею Пуятину и сменившему его в том же году князю Ивану Борятинскому эти церковные деятели доставили немало, ибо по специальному царскому наказу предписывалось с патриархами «во всем быть опасну и бережну»⁵.Guestы ждали в Саратове с мая-июня 1666 г., тщательно готовились к встрече.

Плавание патриархов по Волге от Астрахани до Саратова осуществлялось очень медленно, при неблагоприятных погодных условиях. Постоянный встречный ветер затруднял движение судов. Караван отплыл из Астрахани **7 июля 1666 г.**, но лишь через 19 дней суда достигли Черного Яра, «месяца июля в 26 день, в четверток». Из этой крепости 26 июля патриархи писали царю, что хотят поскорей прибыть в Москву; они также с похвалой отзывались о сопровождавшем их иеродьяконе Мелетии⁶.

Патриархи прибыли **6 августа** в Царицын, где их торжественно встречал местный воевода. Возможно, это был Андрей Дементьевич Унковский, о пребывании которого на посту воеводы Царицына уже с сентября 1666 г. сообщается в ряде источников. Обстановка в районе Царицына в это время была очень напряженной. В крепость поступали сведения о возвращении из похода в центральные районы страны мятежных казаков Василия Уса, чьи отряды находились в начале августа уже на Среднем Дону недалеко от Переволоки. Не задерживаясь в Царицыне, караван вскоре отправился дальше и при сильном встречном ветре через две недели прибыл в Саратов. В документах указана точная дата прибытия патриархов в Саратов – **20 августа**. Паисий и Макарий из Саратова отправили царю письмо, в котором сообщали о своем прибытии в этот город, о трудностях в дороге: «... никогда же бысть нам в пути скоро шествия, понеже воды противу идуше и ветру еже бы по нас никогда же бывшу, и сего ради многотруден путь наш бывает». Здесь, в Саратове, высоких гостей встретил царский посланник, подъячий Тайного приказа Порфирий Оловеников, который объявил им «царского величества милость»⁷.

Ещё в начале 1666 г. царь Алексей Михайлович отправил из Москвы в Саратов своего доверенного человека, стряпчего Федора Аврамовича Лопухина (будущего тестя Петра I) с денежной казной для патриархов и их свиты. Ф. А. Лопухин довольно долго находился в Саратове, ожидая

прибытия этого каравана. Об этой миссии Федора Лопухина ничего не было известно А. Гельвиху, автору статьи в Русском биографическом словаре⁸. Б. П. Краевский, автор обширного труда о роде Лопухиных, также ничего не сообщает об этом периоде жизни будущего тестя Петра Великого, отметив лишь, что он родился в 1638 г., государеву службу начал стряпчим, затем был стрелецким головой и полковником, а в 1669 г. пожалован в стольники⁹.

Из наказа стольнику Петру Савичу Хитрово, отправленному из Москвы в сентябре для встречи патриархов, мы узнаем, что ещё весной 1666 г. был отправлен встречать этих гостей некий стольник (не названный по имени), и этот человек «будучи в дороге залежал, и за болезнью своею к ним патриархом на Саратов не доехал». Царь Алексей Михайлович поздно узнал об этом из письма Федора Лопухина, который сообщал, что стольник «на Саратове не бывал, заскорбел по дороге». Царь был вынужден отправить для встречи патриархов другого стольника, Петра Хитрово¹⁰.

28 июля из Москвы была отправлена к Федору Лопухину в Саратов царская грамота (её привез стадный конюх Борис Федоров). В этой грамоте говорилось: «Как тебе ся наша грамота придет, ты бы тотчас ехал с Саратова к нам, к Москве наскоро на заводных подводках». Далее в грамоте царь предписывал Федору Лопухину «денежную казну, которая послана с тобою на всякие расходы про вселенских патриархов» передать подъячему Порфирию Оловеникову¹¹.

4 августа царь отправил иеродьякону Мелетию, сопровождавшему высоких гостей, грамоту, в которой сообщал, что для встречи патриархов в Саратов отправлен Порфирий Оловеников, а в качестве приставов из Москвы посланы для сопровождения Паисия и Макария стрелецкие полуголовы Борис Пазухин и Лука Изъетдинов – «люди добрые и нам, государю, верные». Эти приписки сделаны собственноручно царем. Далее Алексей Михайлович приписал, что к патриархам будет послан «стольник нашева царскаго величества со всякою нашею любезною милостию» (речь шла об отправке стольника Петра Хитрово)¹². В следующей грамоте от 5 сентября, адресованной тому же иеродьякону Мелетию, царь предписывал сразу же после приезда приставов Пазухина и Изъетдинова передать им патриархов, а самому Мелетию немедленно ехать в Москву «наскоро»¹³.

Было предусмотрено два варианта маршрута движения патриархов из Саратова, водным и сухим путем – второй путь для быстрейшего прибытия в Москву: «... с города Саратова сухим путем подытятся поспешения ради...». Потом патриархи решили продолжать путь из Саратова некоторое время по Волге. По-видимому, погодные условия изменились к лучшему. Кроме того, приставы Пазухин и Изъетдинов, которые должны были встретить гостей в Саратове, несколько задержались в дороге, следуя из Симбирска и Самары в

Саратов (возможно, из-за встречного ветра). Так и не дождавшись в Саратове прибытия приставов, патриархи через несколько дней приняли решение плыть далее по Волге к Самаре. Встреча приставов Пазухина и Изъетдинова с патриархами произошла **26 августа** «ниже Самары к Саратову за сто верст». Далее караван продолжал путь вверх по Волге к Самаре и Симбирску.

16 сентября патриархи приплыли в Симбирск и отсюда решили двигаться к Москве по суше напрямую. Приставы Пазухин и Изъетдинов писали 19 сентября, что все вещи в этот день стали выгружать со стругов на подводы, «а пойдут святейшие вселенские патриархи из Синбирска сухим путем сентября в 25 день». К этому времени из Москвы в Симбирск (14 сентября) прибыл сытник Тимофей Порошин «с фряскими вины и с пряными зельи и столовыми запасы», а с ним два повара, хлебник и сторож, что делало дальнейшее сухопутное путешествие патриархов весьма приятным и комфортным. Особый интерес для краеведов представляют действия патриархов в Симбирске и по пути от Симбирска к Алатырю, связанные с розыском и «вершением суда» над различными духовными лицами. Одного протопopa за то, что он служит по старым служебникам, патриархи расстригли и велели посадить в тюрьму. Дьякон женского монастыря, обвиненный в блудном деле со старицей этого монастыря, был расстрижен, а старицу «велели держать под крепким началом». Попа Михаила из небольшого городка Уреня недалеко от Симбирска патриархи также расстригли по челобитью его духовной дочери в блудном деле¹⁴. Таким образом, патриархам пришлось встречаться с разными людьми, хотя приставы старались ограничить контакты владык с местными священниками, чтобы исключить возможность их переписки с опальным патриархом Никоном. Царю стало известно, что от патриарха Никона к Макарию и Паисию был отправлен тайный гонец с письмом. Алексей Михайлович предписывал сопровождавшему патриархов иеродьякону Мелетию «смотреть и беречь накрепко, чтобы того человека до вселенских патриархов не допустить» и, поймав его с грамотой, прислать в Москву в приказ Тайных дел. Патриархам предстояло участвовать в суде над Никоном и в его низложении, но они не должны были знать об этом до своего прибытия в Москву.

Маршрут движения патриархов постоянно находился под царским контролем. Алексея Михайловича интересовало, не боится ли кто из сопровождающих патриархов лиц, не испытывают ли они в чем нужды. Ответ приставов должен был успокоить царя: «У святейших вселенских патриархов на стругех дорогою на людей их упадку никакого не бывало и ныне нет ... все люди налицо дал бог здорово». 5 октября симбирский пушкарь Иван Кадников привез это донесение приставов в Москву¹⁵.

Дальнейший маршрут патриархов через Алатырь (прибыли 30 сентября), Арзамас (прибыли 6 октября), Муром и Владимир на Рогожу и село Ивановское, а также встреча высоких гостей царскими посланниками стольником П. С. Хитрово в Арзамасе, полковником А. С. Матвеевым возле Владимира и стольником П. И. Прозоровским у самой Москвы хорошо известны. В середине октября 1666 г. патриархи уже подъезжали к Владимиру, а 29 октября их встречали в Московском уезде в селе Рогожа думный дворянин И. Б. Хитрово и архимандрит владимирского Рождественского монастыря Филарет¹⁶.

Особый интерес для исследователей представляет распоряжение о встрече патриархов в Москве. Здесь перечислены все стрелецкие приказы, которые были в столице в начале ноября 1666 г., и их начальные люди. Например, за городом патриархов встречали **восемь** стрелецких голов со своими приказами: Иван Зубов, Аврам Лопухин, Герасим Соловцов, Григорий Остафьев, Юрий Лутохин, Семен Челюсткин, Зима Волков и Кузьма Хомутов. Около Лобного места и на Троицкой площади – Василий Философов, Василий Пушечников, а также солдаты полка Агея Шепелева. В Китай-городе и на Красной площади – **пять** стрелецких голов со своими приказами: Тимофей Полтев, Михаил Ознобишин, Ермолай Баскаков, Матвей Спиридонов, Никифор Колобов. При въезде в Кремль стояли стрельцы приказа Федора Александрова¹⁷. Всего было задействовано 16 стрелецких приказов – до 8 тысяч стрельцов, – не считая других воинских формирований.

Будем надеяться, что, несмотря на фрагментарность приведенных сведений, эта информация о плавании по Волге восточных патриархов вызовет интерес к изучению далекого прошлого родного края не только у краеведов, но и у представителей Русской православной церкви.

Примечания

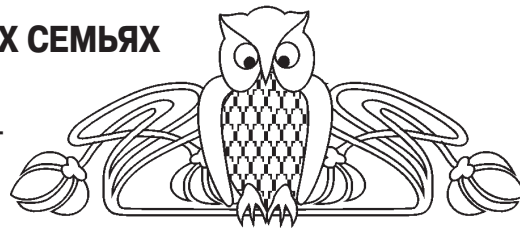
- ¹ Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона : в 2 ч. Часть вторая. СПб., 1884. С. 4–8. Благодарю Наталью Тагильцеву за указание на документы по истории Саратова, опубликованные в данном исследовании Н. Гиббенета.
- ² Донесение царю Алексею Михайловичу астраханского архиепископа Иосифа о приезде в Астрахань патриархов. 1666, июнь // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 912–913.
- ³ См.: Донесение царю Алексею Михайловичу воеводы Ивана Ржевского касательно посылки в Шемаху бусы и денег для патриархов и для оберегания их двух пушек и ратных людей. 1666, апрель // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 906–908.
- ⁴ См.: *Алеппский Павел*. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом П. Алеппским (Путевые записки Павла Алеппского) / пер. с араб. Г. А. Муркоса. М., 1896–1898. Вып. 1–4.

- ⁵ Гиббенет Н. Указ. соч. С. 279.
- ⁶ См.: Грамота патриархов, александрийского Паисия и антиохийского Макария, с извещением о прибытии их в Черный Яр и о попечениях об них иеродиакона Мелетия. 26 июля 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 921.
- ⁷ Грамота к царю от патриархов Паисия и Макария о прибытии их в Саратов, где их встретил подъячий Перфирий Оловеников ... После 20 августа 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 929.
- ⁸ См.: Гельвих А. Лопухин Федор (Иларион) Аврамович // Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 692.
- ⁹ См.: Краевский Б. П. Лопухины в истории отечества. М., 2001. С. 32.
- ¹⁰ Статьи стольнику Петру Савичу Хитрово, посланному для встречи патриархов. Сентябрь 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 933–939.
- ¹¹ Грамота царя Алексея Михайловича к Федору Аврамовичу Лопухину о немедленном прибытии ему из Саратова в Москву и об оставлении там с денежною казною на расходы вселенским патриархам Тайного приказа подъячего Перфиля Оловеникова. 28 июля 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 923.
- ¹² Грамота царя Алексея Михайловича к иеродьякону Мелетию... 4 августа 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 927–928.
- ¹³ См.: Грамота царя Алексея Михайловича к иеродьякону Мелетию... 5 сентября 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 931–933.
- ¹⁴ Донесение Бориса Пазухина и Луки Изъетдинова о путешествии патриархов в Арзамас и о том, что патриархи дорогою принимают челобитья и делают розыски по духовным делам. 2 октября 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 960–961.
- ¹⁵ Три донесения Бориса Пазухина и Луки Изъетдинова из Симбирска в Москву. После 19 сентября 1666 г. // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 958–960.
- ¹⁶ См.: Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 352–353 ; Дворцовые разряды : в 4 т. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 646–658.
- ¹⁷ См.: Распоряжение ко встрече патриархов в Москве // Гиббенет Н. Указ. соч. С. 994–997.

УДК 94=112.2(470.44).06/08

ПРОБЛЕМА ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ В НЕМЕЦКИХ СЕМЬЯХ САРАТОВСКОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ (середина 1760-х – конец 1920-х гг.)

О. С. Калинина

Саратовский государственный университет
E-mail: kalininaos@mail.ru

Статья посвящена малоизученным аспектам повседневной жизни немецких колоний Саратовского Правобережья. Автор анализирует семейный, правовой и имущественный статус женщины в немецкой крестьянской семье, рассматривает проблемы отношений между супругами, родителями и детьми.

Ключевые слова: семья, брак, развод, супруги, родители, дети.

The Women and Children Problem in German Families of the Saratov Right-Bank Volga Region and its Transformation (mid 1760s – late 1920s)

O. S. Kalinina

The article is devoted to the underinvestigated aspects of the daily life of the German colonies of the Saratov Right-Bank Volga Region. The author analyses family, legal and property status of a woman in a German peasant family. The author also examines the relationships between the spouses, parents and children.

Key words: family, marriage, divorce, spouses, parents, children.

В последнее время исследователи особое внимание уделяют гендерному аспекту социальных проблем. При обращении к женской истории перемены в статусе женщины большин-

ством исследователей трактуются как результат развития социальных процессов и жизненного уклада населения. Следует отметить слабую разработанность этой проблемы на уровне регионов. Представляется актуальным выявить ситуацию с положением женщин и детей в немецких семьях в Саратовской губернии на протяжении 160 лет их проживания в регионе и сравнить её с ситуацией в семьях русских и иных соседей.

Как известно, в России имперского периода внутрисемейные отношения вплоть до конца её существования сохраняли патриархально-авторитарный характер, предполагавший строгую половозрастную иерархию с контролем главы семьи всех домочадцев и приоритетом семьи как целого над индивидуальными запросами. Подобная иерархия была характерна и для немецкой крестьянской семьи, в которой мужчина имел неограниченную власть. Женщина должна была беспрекословно слушаться своего мужа. Она выполняла все домашние дела, заведовала кухней, готовила пищу, пекла хлеб, топила печь. Помимо работы по дому заботой хозяйки были огород, уход за скотом, выделка пряжи, изготовление одежды для домочадцев. В зимнее время для пополнения семейного бюджета женщины занимались изготовлением суконных и льняных

тканей, прядением шерсти, разведением домашней птицы и т. п.¹

Несмотря на то что немецкая женщина по дому выполняла большую часть работы, она не имела права голоса в хозяйственном распоряжении².

Вот как охарактеризовал положение немецких женщин в семье Я. Е. Дитц: «Жена – раба своего мужа. Редко можно встретить среди других народов и сословий более угнетенное состояние женщины, чем у колонистов»³. Эти строки писались уже в начале XX века. К этому времени русские женщины добились для себя целого ряда семейных прав. Со второй половины XIX в. женщины получили право в случае неспособности супруга руководить хозяйством. Русская крестьянка могла представлять семью на сельском сходе, её интересы учитывались, и муж в русских семьях уже не имел полного самовластия⁴. В немецких селах сельские сходы подобного не допускали. Так, в 1867 г. сельский сход села Иловля отказался наделить землей женщин-сирот. Каменский окружной приказ встал на защиту женщин данного села и приговор схода оставил без утверждения⁵.

После перехода немецких колоний под общее административное управление (1871 г.) немецкие женщины были уравнены в правах с русскими, однако сильнейший консерватизм немецкой деревни не привёл к реальному улучшению их положения. Это вызывалось социально-психологическими пережитками, нежеланием мужчин признавать равенство женщин (социальное, политическое, экономическое).

Глава немецкой семьи за любой, даже незначительный проступок мог жестоко избить свою жену. В крестьянском понимании избивание жены являлось законным и естественным проявлением власти мужа. Немецкие крестьянки, так же как и русские⁶, обращались к защите и посредничеству местной администрации, жалуясь на поведение мужа в семье. Так, в 1812 г. на колониста села Норки Н. Гальцера его жена Анна подала жалобу в Контору опекунов иностранных. Анна Гальцер жаловалась, что муж её постоянно и жестоко избивал, обзывал. Однако, что удивляет, в той же жалобе она подчёркивала, что её детей от первого брака с умершим колонистом Вакером он никогда не бил⁷.

В немецких семьях имели место и случаи, когда муж выгонял свою жену из дома. Колонисту колонии Побочной Ягодно-Полянской волости Саратовского уезда Иоганну Гердту было известно, что у колонистки села Норки Норкской волости Камышинского уезда Елизаветы имелся незаконнорожденный младенец, тем не менее он всё же женился на ней. Но смириться фактом наличия у Елизаветы внебрачного ребёнка Иоганн Гердт так и не смог. Он постоянно упрекал свою жену в безнравственности, а в 1815 г. выгнал её из дома⁸.

Но были и случаи, когда мужья принимали незаконнорожденных детей своих жен и делали

их своими законными наследниками. Так, рапорт Сосновского окружного приказа в 1871 г. свидетельствует, что колонист села Таловка Иоганн Шульц охотно принял на правах наследника незаконнорожденного сына своей жены Кристины Карла-Густава⁹.

Иногда от тяжести и безысходности своего положения женщины сами убегали в родительский дом. Однако строгие деревенские нравы заставляли супругов восстанавливать семью¹⁰. В колонии Усть-Кулалинка от колониста Антона Каблера в течение 1798 г. жена несколько раз уходила в отцовский дом¹¹, но из-за осуждения со стороны общественного мнения вновь возвращалась к своему законному супругу.

Бывали случаи, когда из семьи убегал муж. Так, в 1819 г. в колонии Каменка сбежал от своей жены Иоган Гортман. Он получил годовой паспорт и устроился работать в Кузнецком уезде. Вернуться к жене отказался¹².

Для немецких крестьян, так же как и для русских¹³, наличие семьи являлось важнейшим признаком порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Подобные представления крестьян о ценности семьи препятствовали возможности расторжения браков. Особенно рьяно защитником семейных отношений выступала церковь, в прерогативе которой до 1917 г. оставались как официальные браки, так и официальные разводы. Церковь поощряла брак, развод рассматривался как грех (он разрешался лишь в случаях прелюбодеяния кого-либо из супругов). Сама процедура развода искусственно усложнялась, и формальный развод затягивался на многие годы, что приводило к новым проблемам в семейных отношениях.

В 1860 г. в колонии Починная (Крацке) крестьянин Людвиг Гидсон подал на развод в связи с тем, что считал свою жену развратной. Евангелическая лютеранская консистория отказала ему в разводе, так как было доказано, что его жена примерного поведения. Но из-за затянувшегося по времени разбирательства Людвиг Гидсон незаконно сошелся с колонисткой Марией-Елизаветой Дейниг, от сожительства с которой успел родиться ребенок¹⁴. Законная супруга обратилась в Сосновский окружной приказ с прошением заставить мужа оплачивать её содержание, поскольку Л. Гидсон отказал ей в этом. Приказ заставил Л. Гидсона выплачивать жене ежемесячно 5 руб. серебром¹⁵.

Кроме формального церковного развода в повседневной жизни немецких крестьян имели место «самовольные разводы», которые церковью не санкционировались. Дать количественную оценку этому явлению невозможно, так как оно не регистрировалось. Однако в архивных документах свидетельства о подобных разбирательствах встречаются. В частности, в 1852 г. в колонии Ключи (Моор) крестьянин Г. Вебер неофициально разошелся со своей женой Катериной, выгнав её

из дома. Об этом разводе стало известно лишь в 1860 г., когда Г. Вебер передумал и решил вернуть свою жену в семью. Он обратился с просьбой в Контору иностранных поселенцев, которая выяснила, что его жена сошлась с иностранцем Гапенштейном и проживала в колонии Гольй Карамыш. Катерина не была намерена возвращаться к своему законному мужу и решила официально с ним развестись. В качестве причин для развода она указала, что муж избивал её и был расточительным хозяином¹⁶.

Причина «самовольных разводов» заключалась в ужесточении церковью процедуры, длительности и дороговизне бракоразводного процесса. Лишь с передачей института брака из юрисдикции церкви в ведение административных органов, с установлением советской власти процедура разводов была значительно упрощена. Свободный развод осуществлялся по желанию одного или обоих супругов. Вопрос о разводе рассматривал суд, но при наличии обоюдного согласия супругов развод мог быть оформлен ЗАГСом¹⁷. Так с 1917 г. официальный развод для немецких крестьян стал доступным, а необходимость «самовольных разводов» отпала.

В патриархально-авторитарной системе внутрисемейных отношений дети занимали низшую ступень. Они должны были беспрекословно подчиняться родителям, старшим членам семьи, за непослушание их жестоко наказывали¹⁸. Воспитание детей в основном занималась мать. Воспитание сводилось к формированию у подрастающего поколения уважения и почитания родителей, старших. Суровые условия деревенской жизни наложили отпечаток на взаимоотношения поколений. Крестьяне были сдержанны в открытом проявлении родительских чувств. Однако суровость родителей по отношению к детям ни в коем случае не уменьшала заботы о них. Родители содержали, одевали, кормили своих детей, приучали к работе по дому, в поле. Публичность действий жителей села, «прозрачность» деревенских отношений обуславливали ответственность родителей за поступки своих детей. Так, 29 декабря 1870 г. в колонии Иозефсталь И. Эдельман и Иоганн Урих украли у колониста М. Клейна пшеницу на сумму 12 руб. Иоганн Урих был несовершеннолетним. Отец наказал его публично, нанеся 35 ударов розгой¹⁹. Малолетние колонисты воровали не только у своих соседей, но и у родственников. В частности, в 1871 г. в селе Олешня несовершеннолетние колонисты Г. Бангерт и Я. Шмидт обворовали своего дядю. Мальчики были наказаны родителями перед всей деревней²⁰. Кроме того, наказать провинившихся детей могли члены сельской администрации. В частности, в 1778 г. в колонии Елшанка (Гусарен) форштегер побил детей колониста И. Шофера за кражу голубей²¹.

Родители несли ответственность за все незаконные действия своих чад. Так, в 1870 г. Сосновский окружной приказ оштрафовал Петра Икеса из села Поповка за неправомерные действия его

сына Филиппа. Филипп побил вилами лошадь своего соседа Иоганна Лаха, которая была привязана к ограде гумна П. Икеса²².

Иногда шалости малолетних детей наносили вред не только частным лицам, но и всему селению. В частности, 15 мая 1911 г. в селе Гуссенбах дети из-за неосторожного обращения с огнем подожгли дом односельчанина. Пожар в этот день уничтожил 53 крестьянских дома с надворными постройками. Как было подсчитано позднее, ущерб составил 60 260 руб.²³

Тяготы крестьянского быта, отнимавшие у родителей большую часть времени, не позволяли осуществлять должного ухода за детьми. Первые годы жизни ребенка в крестьянской семье были самыми трудными. Более половины детей умирало, выживали физиологически наиболее сильные младенцы. Высокая детская смертность была связана с антисанитарными условиями быта, эпидемиями, плохим уходом и недосмотром родителей²⁴.

При исследовании ведомостей о происшествиях и несчастных случаях нетрудно понять, что немецкие малыши большую часть дня проводили на улице без должного родительского присмотра. Поэтому очень часто они становились жертвами быстрой верховой езды взрослых²⁵, тонули в колодцах²⁶, падали в котлы с кипящей водой²⁷, получали смертельные ожоги от огня²⁸. Нередко такие случаи происходили по прямой халатности родителей. 28 августа 1808 г. в селе Гнилушка Анна Сибен со своими маленькими детьми выехала в поле на жатву хлеба. Мать положила маленьких сына и дочь под телегу, рядом привязала лошадь. Лошадь отвязалась, наступила на девочку и раздавила её насмерть²⁹. В том же селе спустя 103 года, 17 июня 1911 г., крестьянские мальчики Игнат и Яков Ламбрехты напился ядовитого раствора, который был оставлен без надзора родителями во дворе. Раствор был приготовлен и предназначен для опрыскивания плодовых деревьев³⁰. Таким образом, семья Ламбрехтов из-за невнимательности взрослых в один день лишилась двух сыновей. Подобные случаи были нередки и в других колониях.

Вплоть до начала 1920-х гг. положение крестьянских детей в немецких семьях практически не менялось. Политика большевиков по вовлечению женщин в производство, общественную и политическую жизнь страны затронула, таким образом, и детей. Чтобы обеспечить женщине возможность участвовать в производстве, советское государство открывало детские сады, ясли. Эти учреждения оказывали не только практическую помощь женщинам (присматривали за детьми, обеспечивали питание ребенка), но и обучали женщин гигиене³¹.

В середине 1920-х гг. детские сады появились в селах Добринка, Розенберг, Семеновка и других³². Однако следует отметить, что таких учреждений было очень мало, открывались они

далеко не во всех немецких сёлах. Не хватало квалифицированного персонала для обслуживания детей, поэтому нововведения советской власти не смогли коренным образом изменить положения детей в сёлах.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: Немцы в истории России : Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. М., 2006. С. 102–116 ; Галлер П. К. Воспоминания. Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX ст. Саратов, 1927 ; Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 158 ; Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 263.
- ² См.: Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Т. 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. Pokrowsk ; Moskau ; Charkow, 1930. S. 111.
- ³ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 380.
- ⁴ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. С. 244.
- ⁵ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 743. Л. 125.
- ⁶ См.: Ворошилова С. В. Эволюция правового положения женщин в России в XIX – начале XX вв. Саратов, 2011. С. 305.
- ⁷ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 79. Л. 10.
- ⁸ Там же. Д. 94. Л. 534.
- ⁹ Там же. Д. 1003. Л. 14 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 449. Л. 25 об. ; Д. 50. Л. 61 об.
- ¹¹ Там же. Д. 30. Л. 263.
- ¹² Там же. Д. 114. Л. 27 об.
- ¹³ См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 161.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 477. Л. 509 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 477. Л. 510.
- ¹⁶ Там же. Д. 477. Л. 147–147 об.
- ¹⁷ См.: Нижник Н. С. Семья и брак в первые годы Совет-

ской власти // Новейшая история Отечества XX – XXI вв. : сб. науч. тр. Саратов, 2007. Вып. 2. С. 429.

- ¹⁸ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 380.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1002. Л. 279.
- ²⁰ Там же. Д. 1005. Л. 15.
- ²¹ Там же. Д. 30. Л. 227 об.
- ²² Там же. Д. 1005. Л. 42.
- ²³ Там же. Д. 8653. Л. 17 об., 20 об.
- ²⁴ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 201. Оп. 1. Д. 170. Л. 1, 7 ; Ф. 201. Оп. 1. Д. 205. Л. 1 об., 4–4 об. ; Ф. 212. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9766. Л. 37 об.
- ²⁶ Там же. Д. 8176. Л. 26 об. ; Ф. 180. Оп. 1. Д. 860. Л. 176 об. ; Д. 1005. Л. 119.
- ²⁷ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.
- ²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8176. Л. 26 об. Л. 29 об. ; Д. 9057. Л. 26.
- ²⁹ Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 60. Л. 254.
- ³⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8653. Л. 28.
- ³¹ См.: Градовская Ю. Культурность, гигиена и гендер : советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов : идеология и повседневность. М., 2007. С. 252 ; Морозова Ю. А. Женщины в общественно-политической и экономической жизни немецкой Автономии (1918–1941 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003 ; Она же. Участие женщин в политической жизни Республики немцев Поволжья (1920-е годы) // Новый век : история глазами молодых : сб. науч. тр. аспирантов и студентов ист. фак. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 277 ; Она же. Повышение общеобразовательного и культурного уровня женщин в АССР Немцев Поволжья в 1920–1930-е гг. // Новый век : история глазами молодых : сб. науч. тр. аспирантов и студентов ист. фак. Саратов, 2003. Вып. 2. С. 229 ; Рабжева М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89.
- ³² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1660. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

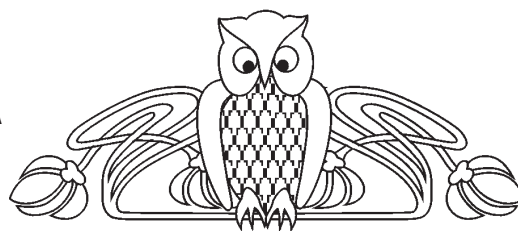
УДК 947+070

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА (по свидетельствам местной печати)

С. В. Шпаковская

Пензенский государственный университет
E-mail: svetashpak1@mail.ru

Изучение материалов губернской печати начала XX в. объективно доказывает, что «Россия – страна, где ничего не меняется». Основные парадигмы развития остаются неизменными более

100 лет. Поэтому вполне можно говорить о том, что изучение данного исторического источника порождает в обществе социальный пессимизм.

Ключевые слова: губернская пресса начала XX в., реформы, российская действительность, парадигмы развития, социальный пессимизм.

The life Quality of Penza Region People in the Beginning of XX Century (by the Evidences of the Local Press)

S. V. Shpakovskay

The article represents the scientific analysis of the newspapers articles, published in the beginning of 20th centuries. The results of the analysis prove the idea that no radical social changes took place in Russian and the main development paradigms development have not yet been changed for more then 100 years. The absence of changes produces the atmosphere of pessimism in society irrespective of the sources of information.

Key words: regional press of the beginning of XX century, reforms, modern reality of Russia, development paradigm, social pessimism.

Практически любое печатное издание, вышедшее в Пензенской губернии в начале XX в., своими материалами однозначно подтверждает факт крайне неудовлетворительного состояния качества жизни большинства россиян в данный период. И хотя опять-таки большинством этот уровень и воспринимался почти как должное, возможность сравнивать у людей в то время уже появлялась, что, в свою очередь, способствовало появлению в печати соответствующих критических материалов, причем критическое отношение авторов к тем или иным сторонам общественной жизни чаще всего проявлялось в мелочах.

Например, в одной из статей в «Вестнике Пензенского земства» российскому народному учительству присвоен эпитет «хиреющее», и вряд ли это было случайностью, а не вполне реальным отражением тогдашней действительности¹. Но самое интересное, что анализ публикуемых в то время материалов наглядно свидетельствует о том, что все эти проблемы столетней давности не решены и по сей день, хотя, казалось бы, качество жизни россиян за это время изменилось радикальным образом!

Например, в № 1–2 «Вестника Пензенского земства» за 1914 г. опубликована статья С. Сутулова «Средства к устранению нерегулярного посещения учениками школы», в которой речь шла о необходимости подвоза учащихся в школы, закрепления учительских кадров на селе и устройства общежитий при народных школах², с тем чтобы преподавателям было легче проводить в школе дружную, энергичную совместную работу. Однако эта проблема не решена на региональном уровне до сих пор, хотя попытки её решения предпринимались неоднократно и предпринимаются и сейчас.

Известно, что в годы Первой мировой войны в стране был введен сухой закон и усилилась борьба с пьянством. В статье «Просыпающийся богатырь», например, особо подчеркивалось, что мировая война и ликвидация винной монополии сыграли положительную роль в жизни российской деревни, которая сегодня переживает процесс возрождения. При этом отмечалось, что «мужики» устремились к чтению газет, и хотя не все им в них понятно, но некоторые рассказы о «войне»,

написанные простым и понятным для них языком, они слушают с величайшим наслаждением. «Как хочется верить, – заключает автор, скрывший свою фамилию под псевдонимом Крестьянин, – в возможность... когда в деревне появятся народные дома, клубы, читальни, кинематографы... при помощи которых можно двигать деревню в направлении использования ее творческих сил»³. В данном случае социальный и технический прогресс очевиден, но разве у нас в деревне стали меньше пить?

«Не будет водки, не будет в губернии и конокрадства, поскольку водка и пьянство – необходимейшие его спутники», – писал также В. Машенцев в своей статье-очерке о конокрадстве в Пензенской губернии⁴, хотя все то же самое вполне можно было бы сказать и о любых других формах противоправных явлений в обществе как в те годы, так и сейчас!

Тема реформирования общества звучала и в первом номере журнала «Пензенский городской вестник», вышедшем из печати 22 января 1911 г., на что указывал даже эпитафия к первой редакционной статье, который был взят из работы А. Дамашке «Задачи народного хозяйства»: «Труднее всего служить делу справедливости в сфере общины. Здесь речь идет о непосредственных экономических выгодах каждого в отдельности, здесь сталкиваются между собой личностные эгоистические интересы, и любая борьба неизбежна. Но разве эти условия не должны побуждать людей к деятельности совместной работе на благо всего населения?»⁵.

В статье говорилось, что «общественная работа имеет общественный контроль, требует его и не может его отрицать». Именно поэтому Пензенскому городскому управлению и понадобилось свое собственное периодическое издание. «Всегда можно слышать слова, особенно в провинции, что печать излишняя, что не может она правильно отражать общественного мнения и вызванных жизнью требований широких масс населения, что, даже будучи чисто деловой, с задачами практического свойства, она бесполезна, скучна и, в общем, вызывает только ненужное брожение умов. Но прошло уже, к счастью, время таких тенденций, жизнь не стоит на одном месте и жестоко разрушает их, внося всюду новые веяния, новые задания, новое строительство в государственной общественной и местной хозяйственной деятельности»⁶.

Мы видим здесь уже самый настоящий призыв к гражданскому обществу и понимание его назревшей необходимости.

В № 6 «Врачебно-санитарной хроники» за 1913 г. была опубликована статья Г. С. Калантарова «Санитарное состояние земского учительства Пензенской губернии». Автор статьи провел анкетирование учителей Пензенского губернского земства во время прохождения ими летних курсов. Было роздано 400 анкет, из которых вернулось 106. В 58 анкетах учителя жаловались на расстройство нервной системы, в 41 – на болезни органов ды-

хания, в 33 – на болезни органов зрения. Многие учителя страдали также болезнями органов пищеварения (32 чел.) и органов кровообращения (26 чел.). Пытаясь интерпретировать итоги опроса, Калантаров отмечает, что «общая направленность заболеваний имеет профессиональный оттенок, положение усугубляется плохим материальным положением учительства, плохими жилищными условиями. Плохая организация борьбы с инфекционными заболеваниями привела к тому, что 23 человека из числа анкетированных переболели разного рода недугами – брюшным и сыпным возвратным тифом, скарлатиной, гриппом, дифтеритом, натуральной оспой, туберкулезом легких, заушницей, малярией и др.»⁷. Сегодня проблема здоровья и учащихся, и учителей стоит едва ли не так же остро, и это несмотря на все достижения современной медицины!

В течение пяти лет с января 1912 г. в Пензе с периодичностью раз в квартал издавался журнал «Материалы о деятельности Пензенского городского общественного управления». Основная задача издания сводилась к публикации «Журнала Пензенской городской думы». Так, в номере за январь – март 1913 г. опубликован доклад Пензенской городской управы по вопросу о праздновании трехсотлетнего юбилея царствования Романовых. Далее обнародовалось решение думы ходатайствовать об отмене на 1913 г. экзаменов в учебных заведениях Пензы; наименовать постоянный мост через реку Пензу Романовским, начать постройку в самом ближайшем будущем ночлежного дома для женщин; учредить четыре стипендии (три для мальчиков и одну для девочек) для выдачи окончившим пензенские высшие начальные училища детям бедных горожан на продолжение образования в средних учебных заведениях Пензы, а при существующих в Пензе четырех высших начальных училищах – по одной стипендии в каждом (три для мальчиков и одну для девочек) для детей беднейших горожан; сложить с бедных плательщиков недоимки по арендным и оброчным статьям до 13 500 рублей. Отдельный материал был посвящен замощению и освещению Пензы: в 1903 г. было сделано испытание освещения фонарями системы «Питнер», приспособленными для обыкновенных ламповых горелок, центральной Московской улицы города, но они оказались малопригодными, так как «при сотрясении фонарей от проезжающих по мостовой экипажей правильность горения горелок расстраивалась, они начинали коптить, а колпаки нередко разваливались». После этого улицы города освещались керосино-калильными фонарями «орган». В материале о строительстве водопровода в Пензе отмечается, что это способствовало снижению заболеваемости холерой и тифом. Полезным признан также осмотр мяса на городской бойне.

Прошло сто лет, однако и сегодня вопросы освещения отдаленных улиц, мощения дорог, уборки снега с городских улиц и наледи с крыш продолжают решаться на самом высоком уровне

городского выборного управления, причем решаются они далеко не всегда удовлетворительно, о чем постоянно сообщают пензенские СМИ.

15 декабря 1915 г. городская дума создала особую продовольственную комиссию под председательством Н. В. Терентьева, основной задачей которой стала выработка мер по борьбе с дороговизной предметов первой необходимости. В номере «Материалов о деятельности Пензенского городского общественного управления» за январь – апрель 1916 г. опубликован доклад этой комиссии, где предлагалось регулировать продовольственный кризис, создавая городские запасы и правильно организуя торговлю⁸. Следует подчеркнуть, что данная проблема в то время была вызвана участием России в Первой мировой войне. Сегодня Россия в войне не участвует, однако эта проблема в обществе так и осталась.

Нельзя отрицать, что та же пензенская пресса свидетельствовала и о поступательном развитии как местного, губернского, так и всего российского общества в целом. Например, в губернии в 1900–1917 гг. проводились земские ярмарки (Мокшан – 1902 г., Керенск – 1907 г., Пачелма – 1910 г., Башмаково – 1916 г., причем несмотря на войну. – С. III.), а также многочисленные земские базары. Историк С. Н. Полосин, изучая социально-экономическую деятельность пензенского земства, в этой связи отмечал, что в губернии уже в 1903 г. стали открываться придильно-визальные курсы, а в 1904 г. такие курсы были открыты во всех уездах губернии⁹. В 1913–1914 гг. фактически во всех ее районах функционировали промышленные выставки, музеи, рекламные пункты новой продукции, центры показательных технических образцов, а лучшим производителям выдавались денежные премии. Налицо было и явное улучшение качества жизни пензенцев, связанное с открытием водопровода, электрическим освещением и успехами здравоохранения, однако все вышеназванное рассматривалось пензенской печатью не как исключительное и потому достойное восхищения, а как должное.

Здесь, впрочем, как одну из причин медленно-го повышения материального благополучия отдельных слоев общества в России следует выделить столь же традиционную, наряду со всем прочим, и постоянную нехватку денежных средств. Их не хватало на создание армии, флота, на достойное жалование профессорско-преподавательскому составу¹⁰, земским врачам¹¹, учителям¹² и даже офицерскому корпусу российской императорской армии! Многими исследователями регионального уровня прямо отмечалось, что именно финансовые возможности правительства и предпринимателей не позволяли как удовлетворить потребности в обучении тех же самых рабочих, их детей, так и усовершенствовать само производство¹³.

В России того времени нужно было иметь звание не ниже полковника и в обязательном порядке быть дворянином, чтобы считаться уважаемым

человеком и не нуждаться в деньгах. Наконец, только лишь генеральское звание позволяло ощущать себя финансово независимым членом общества, поскольку размер денежного содержания в императорской армии между младшими офицерами и генералитетом достигал порой разрыва в 9–10 раз¹⁴.

Ситуация стала меняться только в начале XX в., на что сразу же откликнулся, например, А. П. Чехов. В его пьесе «Дядя Ваня» (1896) профессор Серебряков, чье незнатное происхождение было ненавязчиво подчеркнуто, взял в жены дочь сенатора, и мыслившая себя «прогрессисткой» теща боготворила зятя, а брат первой жены профессора посвятил всю свою жизнь бескорыстному и жертвенному служению «светилу науки». При этом, по мнению историка С. Экшута, профессор Серебряков был не только олицетворением бездарности и пошлости, но и воплощал в себе восходящую социальную мобильность – как индивидуальную, так и той корпорации, к которой он принадлежал. Однако высокий социальный статус профессора не был непосредственно связан с высоким уровнем доходов и еще не гарантировал материальной независимости. Недаром после выхода в отставку Серебряков, чтобы свести концы с концами, решается продать имение, которое принесла ему в приданое покойная первая жена. Героини драмы «Три сестры» (1900) сестры Прозоровы также мечтают о переезде в Москву, где их брат Андрей станет профессором в университете, хотя они и генеральские дочери. Однако период относительного материального благополучия и социальной стабильности для этой узкой прослойки российского общества был очень недолгим и закончился уже в октябре 1917 г.¹⁵

Крайне низким на всем протяжении изучаемого периода истории России оставался и образовательный уровень россиян, в особенности по сравнению, например, с той же соседней Японией, где ход и характер реформ имели много общих черт с российской действительностью. Так, в 1902 г. из 100 японских мальчиков начальную школу посещали 88, а в 1907 г. – 97, тогда как в России на 100 человек в это же время в среднем приходилось всего лишь 3,3 грамотного. «Вы не найдете в стране даже самой захудалой деревеньки, в которой не было бы начальной школы!» – с гордостью констатировал в 1909 г. бывший японский премьер-министр Сигэнобу Окума¹⁶, тогда как в России в это время ни о чем подобном даже и не мечтали, хотя в определенной степени успехи просвещения были налицо. Зато в то же самое время криминальный опыт в России к 1914 г. приобретал в среднем же каждый третий член общества, а общие темпы роста преступности почти в 10 раз опережали темпы роста населения страны¹⁷.

Показательно, что очень похожие моменты, связанные с жизнью нашего сегодняшнего российского общества, наблюдались не только в области экономики и культуры в целом, но даже и в таких ее частных проявлениях, как, например,

детское досуговое чтение. Сегодня многие деятели культуры говорят о засилье в этой области западного кино и западной литературы, однако точно такая же проблема была в нашем обществе и в 1910 году! Например, рецензия на каталог детских книг М. О. Вольфа в № 6 «Пензенских губернских ведомостей» за 1910 г. утверждала, что в нем преобладает литература из жизни «западноевропейских народов, американцев, азиатов, романы Ж. Верна, Купера, Мариета и Майн Рида и почти ничего нет о русском народе. Есть книги о жизни Франции, но нет о Ломоносове. В то время как книги Чарской – “когда горцы борются за свободу – это можно, а когда Русь борется с татарщиной ... это вредно”». В результате, делала вывод газета, ребенок становится иностранцем душою и нет ничего удивительного, что наши дети растут врагами своей родины¹⁸. Показательно, что гимназисты, в том числе и пензенские, даже голодали из-за выпусков брошюр с приключениями сыщика Ната Пинкертона, что педагоги их дружно осуждали, указывая, что они «безнравственны, грязны и могут отвечать лишь на грубые запросы малограмотного читателя»¹⁹, но, тем не менее, ничего равного им на нашем отечественном материале сделано так и не было. Хотя совершенно точно известно, что многие из них выходили из-под пера А. Куприна, не брезговавшего сочинять «пинкертоновщину» ради заработка. Однако ни нанять писателей для такой работы, ни печатать их из номера в номер в тех же губернских, земских и муниципальных газетах и журналах в России того времени, по-видимому, так никто и не додумался.

Таким образом, получается, что, несмотря на то что российское государство и старалось всегда детально регламентировать и контролировать жизнь своих граждан, его информационная, а также социальная политика в последние десятилетия существования империи и шедших реформ не учитывала масштабы и всех направлений и запросов общества и практически не соотносила реалий объективной действительности со своими представлениями о ней. Здесь можно полностью согласиться с мнением историка Н. А. Зоткиной о том, что вековой особенностью российской государственности было историческое развитие по пути чрезвычайного напряжения всех социальных ресурсов и крайнего обострения противоречий, рождавшихся вследствие этого в российском обществе²⁰, что, как результат, и породило печальный конец российского самодержавия в 1917 году.

Что же касается работы того же земства Пензенской губернии, то губернская печать оценивала его 40-летнюю деятельность довольно высоко – наглядно увеличилось количество грамотных. Но, с другой стороны, здесь же отмечалось, что «наш крестьянин живет в той же грязной убогой избе с соломенной крышей, постоянно недоедает, неурожай и голодовки обратились в хроническую экономическую болезнь, и что, в общем, он крайне невежествен, и в результате окончательно утратил

чувство законности и уважения к власти...»²¹. И все последующие события российской истории этот вывод только подтвердили, точно так же как и неизменность всех основных парадигм развития российского общества за последние 100 лет.

Примечания

- ¹ См.: Вестник Пензенского земства (далее – ВПЗ). 1912. № 11. С. 750 – 751.
- ² Там же. 1914. № 1. С. 17.
- ³ Там же. 1915. № 7. С. 125.
- ⁴ Там же. 1915. № 8. С. 145.
- ⁵ Пензенский городской вестник. 1911. № 1. С. 1.
- ⁶ Там же. С. 2.
- ⁷ Врачебно-санитарная хроника. 1913. № 6. С. 1–12.
- ⁸ См.: *Жаткин Д. И., Дорошин Б. А.* История средств массовой информации Пензенского края : учеб. пособие. Пенза, 1998. С. 61.
- ⁹ См.: *Полосин С. Н.* Социально-экономическая деятельность земских учреждений Пензенского края 1865–1917 гг. (по материалам Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1998. С. 138.
- ¹⁰ См.: *Экиут С.* «Профессор! Ты убог» // Родина. 2006. № 1. С. 28.
- ¹¹ См.: *Ковригина В. А.* Земство и здравоохранение в России второй половины XIX в. (к вопросу о земской медицине) // Российская провинция XVIII–XX веков : реалии культурной жизни : материалы III Всерос. науч. конф. (Пенза 25–29 июня 1995 г.). С. 84.
- ¹² См.: *Железнякова Ю.* Препад 100 лет назад // Родина. 2004. № 6. С. 92, 94.
- ¹³ См.: *Касимов А. С.* Грамотность рабочих Центрально-Черноземного района в конце XIX – начале XX в. // Российская провинция XVIII–XX веков : реалии культурной жизни. С. 72.
- ¹⁴ В России насчитывалось всего 404,7 тыс. человек, получавших годовой доход свыше 1000 рублей. Генералы различных чинов и занимаемых должностей получали 4000–18 000 рублей. Помимо этого, они могли

иметь дополнительный доход, связанный с чтением лекций в различных военно-учебных заведениях или со сдачей в аренду земли, лесных угодий, домов и т. п. Некоторые генералы владели такой собственностью, как заводы и фабрики (*Шаццлло М. К.* Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004. С. 195) ; Генерал, заседающий в Государственном совете, имел содержание, как правило, в 18 тыс. рублей. Столько же получал начальник Генерального штаба. Командующий войсками киевского военного округа и одновременно киевский генерал-губернатор генерал-адъютант В. А. Сухомлинов имел 51 тыс. руб. ежегодного дохода. Кроме того, по свидетельству современников, генерал (в будущем военный министр) изощрялся в искусстве покрытия расходов, практикуя, в частности, далекие командировки, при которых, по традиции, полагались дополнительные выплаты и расчет прогона на лошадях, тогда как эти поездки давно уже совершались на поезде. Зная, у кого получить советы, касающиеся биржевой игры, Сухомлинов сумел «экономить» и положить в банк за шесть лет 702 737 руб., хотя его жалованье за этот период (1909–1915 гг.) составило 270 тыс. рублей. В целом доходы генералитета в царствование Николая II были большими, а иногда и просто огромными. См.: *Жильцов К. В.* Социальный статус генерала в России в начале XX в. // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 157.

- ¹⁵ См.: *Экиут С.* Указ. соч. С. 28.
- ¹⁶ *Павлов Д.* Школа честолюбия // Вокруг света. 2009. № 12. С. 140.
- ¹⁷ См.: *Зоткина Н. А.* Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв. : преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. С. 235.
- ¹⁸ Пензенские губернские вести (далее – ПГВ). 1910. № 6. С. 114.
- ¹⁹ *Тетерин В.* Гимназисты голодали из-за Пинкертона // Молодой ленинец. 2002. 17 сент. С. 12.
- ²⁰ См.: *Зоткина Н. А.* Указ. соч. С. 240.
- ²¹ Д-н Н. В сфере земской деятельности // ПГВ. 1908. № 97. С. 2.

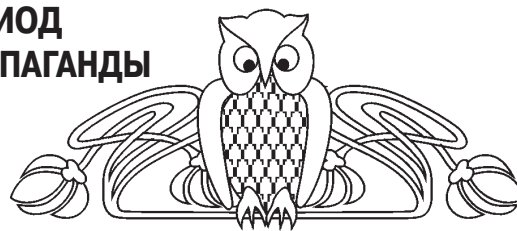
УДК 94 (470) "1921/1941"

РУКОВОДСТВО ПОЛИТИКОЙ ИНФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В 1921–1941 ГОДАХ НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

С. А. Тимошина

Пензенский государственный университет
E-mail: timoshina_svetla@mail.ru

В статье анализируется деятельность партийных организаций Пензенского региона по информированию населения о жизни за

рубежом в 1920–1930-х гг. Делается вывод о руководящей роли партийных структур в процессе информирования населения о зарубежных событиях.

Ключевые слова: информирование, события за рубежом, агитация, пропаганда, партийные организации, местные газеты.

Political Government of Informing Soviet Citizens about Events Abroad in 1921–1941 (Penza Region is Taken as an Example)

S. A. Timoshina

The article analyses the methods Communist party organizations used in informing Soviet citizens about events and developments abroad. It concludes that Communist party played a leading role in informing Soviet people about life abroad.

Key words: informing, events abroad, agitation, propaganda, Communist party organizations, local newspapers.

В начале 1920-х гг. в Советском государстве была создана единая централизованная система партийных и подчиненных им государственных агитационно-пропагандистских органов, охватывающих все уровни управления. К 1921 г. многопартийная пресса была ликвидирована, вся сеть советских газет стала однопартийной. Она получила функции инструмента агитации и пропаганды социалистических ценностей, инструмента партийного контроля всех аспектов повседневной жизни населения¹. Главной организационной чертой советского агитпропа стала жесткая централизация всей системы агитационно-пропагандистских органов. Анализируя стиль работы аппарата большевистской агитационно-пропагандистской системы, А. И. Гурьев в своей работе характеризует его как «военно-бюрократический», отмечая при этом, что «в Советской России и затем в СССР коммунистическая партия полностью подчинила себе аппарат государства»².

Несмотря на огромное количество учреждений, контролировавших так или иначе деятельность советской прессы, главенствующими структурами, направляющими работу советских СМИ, были именно партийные организации³. Как отмечает О. Л. Митволь в своем исследовании, «в рамках 1922 г. ЦК РКП(б) в лице своих отделов решительно выдвинулся на главное место среди ведомств, руководивших работой СМИ»⁴.

В начале 1920-х гг. на заседаниях ЦК ВКП(б) были рассмотрены документы, четко регламентирующие отношения партийных органов и редакций газет⁵. Согласно этим документам на местах деятельность газет контролировали краевые, губернские, а позднее и областные комитеты ВКП(б).

В Пензенской губернии деятельность местной прессы контролировалась общим отделом, агитпропотделом и подотделом печати Пензенского губернского комитета ВКП(б).

Следует отметить, что на первых этапах становления Советского государства развитие системы информирования граждан о жизни за рубежом претерпевало определенные трудности. Это объясняется рядом причин. Во-первых, структура правящей партии характеризовалась слабой организационной оформленностью⁶, что и объясняло возникновение противоречий в дея-

тельности центральных и местных партийных организаций: «Установлено, что многие местные комитеты не высылают своих печатных изданий в ЦК РКП(б). Особенно плохо обстоит дело с высылкой листовок, плакатов, газет и брошюр. Благодаря этому для Секретариата ЦК затрудняется возможность систематически давать на места инструктирующие указания и своевременно давать информацию на места»⁷. Трудности возникли также в организации деятельности уездных газет из-за недопонимания местным руководством роли газет в молодом советском обществе⁸. Это хорошо видно из содержания документов того периода: «Подписка на нашу губернскую газету “Трудовую Правду” партиячек и отдельных членов партии проходит чрезвычайно вяло. Подавляющее большинство партиячек как городских, так и в особенности сельских, не приняло никаких мер к проведению обязательной подписки или ограничили постановлением, оставшимся на бумаге»⁹.

Отсутствие скоординированной работы центральных партийных органов и местных организаций РКП(б) оказывало влияние на проведение политики информирования населения Пензенской губернии о событиях за рубежом. Местное руководство, судя по архивным документам, не придавало такого значения информации о зарубежной жизни, как ЦК ВКП(б). Например, зав. отделом агитпропа Пензенского губкома ВКП(б) выслал 17.08.1921 г. в Нижне-Ломовский уком циркуляр, регулирующий деятельность газеты «Голос бедняка», в котором говорилось следующее: «Редакции следует в первую очередь привлечь к сотрудничеству в газете агрономов и специалистов-хозяйственников и добиться максимального участия в газете местного крестьянского населения. Последнее вполне может быть достигнуто, если редакция вместо сообщений об отдыхе Черчилля в Париже (№ 15) будет печатать хозяйственные указания крестьянам по борьбе с засухой, по животноводству и т. д.»¹⁰.

Следующей причиной плохой организации информирования населения о жизни за рубежом была слабо развитая сеть СМИ в начале 1920-х гг. В Пензенской губернии издательство газет находилось в трудном положении из-за нехватки высококвалифицированных кадров и недостатка оборудования и финансирования¹¹, поэтому до большей части населения губернии, жившей тогда в сельской местности, газеты почти не доходили. Данный факт отражался в отчетной документации подотдела печати Пензенского губкома РКП(б)¹². Нехватка газет в сельской местности остро ощущалась на протяжении всего периода 1920-х гг. Например, в части доклада об итогах партпросвещения по Рузаевскому уезду 1927–1928 учебного года¹³, характеризующей деятельность газетного кружка, говорилось следующее: «Снижало качество работы кружка и отсутствие достаточного качества газеты, зачастую на кружок приходи-

лись одна-две газеты, да и то местная – «Завод и Пашня»», в Нижне-Ломовском уезде в газетном кружке «отсутствуют газеты»¹⁴. Таким образом, на первых этапах становления Советского государства в осуществлении политики информирования граждан о жизни за рубежом информирующую функцию выполняли в основном не СМИ, а сами партийные работники, выезжавшие с лекциями в деревню и на предприятия.

Третьим фактором, определявшим характер мероприятий по информированию о зарубежных событиях на местах, являлся низкий уровень грамотности среди населения губернии на фоне неблагоприятного положения в экономике¹⁵. В 1921 г. в Чембарском уезде Пензенской области разворачивалась такая ситуация: «Агитотделом констатировано, что, несмотря на то, что из местного Отделения Центропечати газеты рассылаются по всему уезду почтой – газеты до деревни не доходят. Попадая в волыспокомы, они тотчас расходятся по карманам курящих совершенно непрочитанными»¹⁶. В 1926 г. в отчете о печати содержались следующие данные о грамотности населения Пензенской губернии: «Грамотность, особенно среди нацменьшинств, еще укладывается в 10–12%, а то и меньше. Остальная масса пензенских деревень абсолютно безграмотная»¹⁷. Здесь необходимо также сказать о том, что неграмотные встречались и среди членов партии даже спустя 10 лет. Например, в 1936 г. в письме секретаря Пензенского горкома ВКП(б) Руденко в отдел партпропаганды и агитации крайкома ВКП(б) были приведены такие цифры: «Пензенский Горком ВКП(б) сообщает, что в нашей организации учтено неграмотных и малограмотных коммунистов 549 человек, из них: членов ВКП(б) – 357 и кандидатов 192 чел. Окончивших ликбез 128 человек, учились в сельских школах 256 человек и занимались самообразованием 165 человек. Среди самоучек имеется 30 коммунистов (без завода им. Фрунзе) совершенно неграмотных, т. е. читают по складам, не знают таблицы умножения и не умеют бегло писать ... Список неграмотных коммунистов прилагается»¹⁸. Далее был приложен список с фамилиями¹⁹. Говоря о низком уровне грамотности населения Пензенской губернии, следует отметить тот факт, что наш регион не был в те годы исключением. Как отмечает А. А. Грабельников в своей работе²⁰, большая часть населения страны была неграмотной. Характеризуя роль печати в первые послереволюционные годы, он приводит следующие данные: «... по сравнению с таким развитыми странами Европы, как Швеция или Дания, где практически все население было грамотным, а в Швейцарии и Германии неграмотность составляла 1–2%, Россия выглядела очень отсталой: до революции более 70% населения, не считая детей до 9-летнего возраста, было неграмотным»²¹.

Несмотря на то что Пензенским горкомом ВКП(б) были проведены мероприятия по ликвидации безграмотности среди рядового населения

и коммунистов, число неграмотных уменьшалось не так быстро, как хотелось бы²². По материалам доклада «О ходе ликвидации неграмотности и малограмотности коммунистов по г. Пензе на 20 января 1937 года», посещаемость в группах по ликвидации безграмотности среди неграмотных и малограмотных коммунистов составляла 65%, «что говорит за недостаточное внимание со стороны ряда партийных организаций к обучению коммунистов и слабый контроль со стороны Райкомов над работой школ»²³. Здесь следует отметить, что свой отпечаток на уровень образования населения наложило тяжелое экономическое и санитарно-эпидемиологическое положение, сложившееся в Пензенском регионе в первой половине 1930-х гг. Об этом красноречиво свидетельствует тематика кампаний, проводимых Пензенским горкомом ВКП(б) и горсоветом. В 1934 г. при помощи местной газеты «Рабочая Пенза»²⁴ Пензенский горком ВКП(б) обнародовал постановление о проведении с 10 февраля по 1 марта кампании «За чистую квартиру, хату, за чистый двор», мероприятия которой говорят об ужасающей санитарно-эпидемиологической обстановке в г. Пензе: «... 4. В течение двухдекадника произвести сплошную помывку всех гр-н города и села, возложить персональную ответственность за помывку в городе на председателей ЖАКТ-в, домоуполномоченных, комендантов зданий, в селе – на председателей с/с., предс. правл. колхозов и бригадиров; в совхозах и колхозах на директоров и зав. участками ... 7. Для лиц, подлежащих обязательной острижке – таковую производить в банях бесплатно... 9. ... На линии (ж.д.) выслать подвижные бани с камерой для обработки пассажиров, вокзальных помещений, а также прилегающих сел ... 11. Провести генеральную уборку всех мест общественного пользования, а также советских и хозяйственных учреждений, учреждений на всей территории города и села»²⁵.

Невысокий уровень грамотности населения неизбежно оказывал влияние на содержательную часть мероприятий по информированию о зарубежных событиях на местах. В частности, в 1936 г. в программы месячных курсов колхозных партторгов было включено «изучение географической карты с целью ориентировать колхозных партторгов со странами света, государственными границами и крупнейшими городами как СССР, так и капиталистических стран, дать краткие политические и географические сведения о важнейших странах, чтобы партторг, пользуясь газетой, яснее представлял себе географическое расположение стран, государств, народов и городов, о которых он читает в газете. К этому нужно добавить, что при изучении карты в качестве дополнительных занятий следует поставить один-два доклада по международному положению»²⁶.

В связи со сложившейся непростой ситуацией в системе СМИ Агитпропотдел ЦК РКП(б) призывал к более решительным действиям на местах: «Не-

обходимо усилить, укрепить и всячески поддержать Управление периодической печати ГПП (Роста). Местные парткомы должны выделить для работы в местной печати, для руководства отделениями Роста партийно-выдержанных и политически подготовленных работников. Такой могущественный аппарат, как радио, телеграфная и телефонная связь между органами печати и информации должен быть всецело использован партией»²⁷.

Постепенно в процессе становления партийной системы противоречия между центральными и местными органами ВКП(б) в деятельности по информированию о событиях за рубежом были устранены. Пензенский губком ВКП(б) четко следовал циркулярам, поступавшим из ЦК ВКП(б). В 1930-х гг. работа по информированию о зарубежных событиях систематически проводилась в сельской местности²⁸, для селькомов Пензенским горкомом ВКП(б) выписывалась газета «Рабочая Пенза»²⁹, являвшаяся органом горкома ВКП(б). Здесь следует сказать о том, что процесс информирования населения о жизни за рубежом был в высшей степени политизирован и освещение фактов, касающихся зарубежных событий, порой не имело ничего общего с реальностью, так как основная задача местных партийных работников заключалась не в том, чтобы сообщить достоверные факты, а, выполняя указания сверху, отразить точку зрения руководства страны на то или иное событие за границей. Примером этому может служить секретный циркуляр за подписью Секретаря ЦК РКП(б) В. Молотова от 9 октября 1923 г., где давалась оценка событиям, происходившим в то время в Германии: «В настоящее время уже совершенно выяснилось, что пролетарский переворот в Германии не только неизбежен, но уже совершенно близок – надвинулся вплотную ... Завоевание фашизмом широких слоев мелкой буржуазии чрезвычайно затруднено правильной тактикой Германской Компартии. ... Для Советской Германии союз с нами, пользующийся огромной популярностью среди широких масс германского народа, будет единственным шансом на спасение. А с другой стороны, только Советская Германия в состоянии обеспечить возможность для СССР сопротивления грядущему натиску международного фашизма и быстрейшему разрешению стоящих перед нами экономических проблем. Этим определяется наша позиция в отношении к германской революции»³⁰.

Далее в этом документе приводились подробные указания, регламентирующие деятельность местных партийных органов в процессе информирования населения о событиях в Германии: «Центральный комитет считает необходимым: 1. Концентрировать внимание самых широких рабочих и крестьянских масс на германской революции. 2. Заблаговременно разоблачить происки наших внешних и внутренних врагов, связывающих поражение революционной Германии с новым военным походом против рабочих

и крестьян советских республик, с полным разгромом и расчленением нашей страны. 3. Закрепить в сознании каждого рабочего, крестьянина и красноармейца непоколебимую уверенность в том, что война, которую готовятся навязать нам иностранные империалисты и прежде всего правящие классы Польши, будет войной оборонительной за сохранение земли в руках крестьян, фабрик в руках рабочих, за самое существование рабоче-крестьянской власти. Агитпропкампания в связи с международным положением должна вестись широко и систематически. С этой целью Центральный Комитет предлагает Вам: 1. Внести в порядок дня всех партсобраний (общих, районных, ячеек и т. д.) вопрос о международном положении, освещая каждый этап и поворот в событиях, стоящих теперь в центре международной жизни. 2. Регулярно собирать совещания ответственных работников (партийных, советских, военных, хозяйственных) для информации и обсуждения вопросов, связанных с международным положением. 3. Немедленно организовать поездки губернских работников по уездам и уездных по волостям с докладами о международном положении на партсобраниях, дабы сосредоточить внимание всей партии на германской революции. 4. Обратит особое внимание на постановку агитации и пропаганды среди рабоче-крестьянской и в частности учащейся молодежи. Секретари Губкомов РКП обязываются держать в курсе происходящих событий Бюро Губкомов РКСМ. 5. Принять все меры к широкому освещению вопроса в печати, руководствуясь статьями, печатаемыми в «Правде» и присылаемыми из Прессбюро Ц. К. 6. Организовать митинги на предприятиях, чтобы перед широчайшими массами рабочего класса со всей полнотой осветить современное международное положение и призвать пролетариат к бдительности. Использовать делегатские собрания рабочих. 7. Особое внимание обратить на освещение вопроса о международном положении среди масс крестьянства. Широком крестьянским собраниям о германской революции и грозящей войне всюду должны предшествовать собрания партакчеек, там, где таковые имеются. 8. Докладчиков ... самым внимательным образом инструктировать в духе общепартийной линии, намеченной последним партсовещанием, и указаний настоящего циркуляра. В нашей пропаганде ... мы не можем апеллировать только к интернационалистическим чувствам. Мы должны апеллировать к кровным хозяйственным и политическим интересам...»³¹. Здесь необходимо сказать о том, что двумя годами раньше, в 1921 г., партийные руководители делили развитие ситуации в Германии в совершенно ином свете: «...некоторые товарищи розово смотрят, что будто бы в Германии скоро будет революция, и германские рабочие придут к нам на помощь ... Перспектив на революцию почти никаких нет. Германия ограблена до последней степени. Она обречена на голодную смерть...»³².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что даже в самый демократичный для прессы период 1921–1928 гг. советские газеты уже были несвободны в освещении зарубежной действительности. Буквально с первых лет существования Советского государства СМИ в информировании о зарубежных событиях были вынуждены выполнять решения руководства партии.

В 1920-х гг. в проведении политики информирования граждан страны о жизни за рубежом газеты играли роль связующего звена между партийными органами и рядовым населением. Из редакции газеты «Трудовая Правда» под грифом «Секретно» в Пензенский губком ВКП(б) высылались сводки о настроениях среди граждан³³. Судя по содержанию информационных сводок, составленных Пензенским губкомом ВКП(б), в 1927 г. среди рабочих ходили слухи о предстоящей войне: «Рабочими Текстильной фабрики им. Кутузова (Б-Демьян. уезд) распространяются слухи о приближении войны, так, например, один рабочий в разговоре сказал: “что уже иностранные державы наметили в СССР президентом Керенского”»³⁴.

На митингах рабочие и колхозники, проявляя интерес к событиям за пределами СССР, задавали вопросы, касающиеся зарубежной жизни. Например, в сентябре 1939 г. жителей Лунинского района волновали следующие вопросы: «Почему Польский народ не пожелал присоединиться к Советскому Союзу в 1917 г.?», «Переход государственной границы Красной Армией не вызовет ли войну между СССР и Германией?», «Возможно ли объединение между Германией, Англией и Францией для борьбы с СССР?», «Освободит ли Германия занятые города, принадлежащие Западной Белоруссии и Украине?»³⁵. Интересен тот факт, что в ходе таких мероприятий действительно создавалась атмосфера диалога представителей партийных структур и рядового населения. В отчеты о проведении агитационных мероприятий попадали не только положительные отклики на внешнеполитические события, но и отрицательные высказывания граждан. Например, по поводу событий в Польше в 1939 г. граждане открыто выражали свое мнение: «Сторож Лунинского Пенькозавода, старик беспартийный, Князев Кузьма Михайлович в беседе с ним пропагандиста тов. Пахалина: “Оно хорошо, что дело обходится без больших жертв при защите Западной Белоруссии и Украины, но ведь это опять на нашу шею ведь, они нищие и им много надо помогать”... Колхозник колхоза им. Ленина Мерлинского с/совета Доронин Максим, который на митинге в выступлениях сказал: “Ведь война нужна капиталистам, в войне наживаются капиталисты, а рабочий класс беднеет, так зачем же мы затеваем войну”»³⁶.

Вопросы о международном положении регулярно включались в повестки уездных партийных конференций³⁷, дней съездов работниц и крестьянок³⁸, рассматривались на занятиях в школах политграмоты и кружках сети партпросвещения³⁹,

входили в список общих задач работы местных пропгрупп⁴⁰, обсуждались во время кампаний по популяризации Международного женского коммунистического дня⁴¹, среди призывников в Красную Армию⁴², освещались даже во время кампаний по реализации билетов Всесоюзной лотереи Осоавиахима⁴³, фигурировали в планах работы парткабинетов края в 1930-е гг.⁴⁴

Большое внимание уделялось распространению информации о событиях за рубежом и среди молодежи. На пленумах, проводимых ГК ВЛКСМ, разрабатывались стратегии и выдвигались предложения о работе по информированию населения о международных событиях: «... надо будет такое дело практиковать – не доклад вообще о международном положении, а может ли быть с Англией война, или так: не о положении в Китае, а почему Гоминдан раскололся на правый и левый...»⁴⁵. Причем следует подчеркнуть, что международные события освещались опять-таки не исходя из принципа объективности, а со ссылкой на резолюции партийных съездов⁴⁶.

Но в большей степени Пензенский губком ВКП(б) в работе с местными газетами уделял внимание событиям на местах⁴⁷, а также вопросам положения печати, распространения газет среди рабочих и крестьян, работы среди рабкоров и селькоров, работы подотдела печати⁴⁸, следуя циркулярным указаниям ЦК РКП(б)⁴⁹. Это можно увидеть из содержания резолюций и планов работы подотдела печати Пензенского губкома ВКП(б)⁵⁰: «... 1. Признать работу п/отдела печати Пензенского губкома удовлетворительной и в основном правильной. Предложить п/отделу печати в дальнейшем обратить особое внимание на идеологическое руководство губернской и уездной печати и на усиление контроля за правильным и более активным проведением ею политической линии партии ... 4. Признать необходимым: а) усилить в “Трудовой Правде” освещение вопросов деревни, в частности конкретное разъяснение постановлений XIV съезда партии по вопросам политики в деревне, б) усилить в газете освещение работы советов и участие рабоче-крестьянских масс в советском строительстве»⁵¹.

Ориентированность сети советских газет на освещение вопросов жизни внутри страны отмечает в своем исследовании А. А. Грабельников⁵². В 1928 г. Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 14 мая была создана Средне-Волжская область с центром в г. Самаре, в составе бывших Пензенской, Оренбургской, Самарской, Ульяновской губерний⁵³, поэтому в диссертационном исследовании периода 1930-х гг. были использованы документы Пензенского горкома ВКП(б).

В 1930-х гг. в работе Пензенского горкома ВКП(б) сохранялась та же тенденция, то есть партийная организация призывала газеты делать акцент на освещении местных событий, не увлекаясь описанием международных событий. В отчете от 22 мая 1937 г. о работе «районной

и низовой печати» говорилось следующее: «... «Рабочая Пенза» мало уделяет внимания письмам рабселькоров, и газета, как правило, заполняется Тассовским материалом и материалами сотрудников редакции»⁵⁴. Причем основным критерием выбора каких-либо рекомендаций к действию местной прессы были, как и при информировании о зарубежных событиях, решения партийных съездов⁵⁵.

Из-за плохо развитой сети радиовещания⁵⁶ в начале 1930-х гг. население сельской местности узнавало о событиях, происходивших за границей, в основном из газет и в ходе различных политических кампаний, проводимых представителями партии. Однако позднее, в конце 1930-х гг., наряду с газетным материалом в информировании населения о событиях за рубежом свою роль начало играть и радио. Необходимо отметить, что в информировании о фактах зарубежной жизни здесь действовал тот же алгоритм, то есть сначала информация о событиях за пределами СССР обрабатывалась партийным руководством, а потом уже преподносилась в нужном свете колхозникам и рабочим. Примером этому может послужить документ Поимского РК ВКП(б) «О проделанной работе по разъяснению речи тов. Молотова, переданной по радио 17 сентября 1939 года»⁵⁷, высланный отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б): «1. Райкомом ВКП(б) 18/IX-39 г. в 5 часов вечера в парткабинете проведено совещание со всем партактивом, присутствовало 67 человек парткомсомольского актива. Весь Райпартактив получил на руки отпечатанные листовки с речью тов. Молотова, переданной по радио, после чего все выехали в колхозы для проведения митингов и собраний. 2. 18 сентября с. г. в 7 часов вечера проведен митинг в Райцентре, в здании Райкино. Присутствовало 350 человек, на митинге заслушана речь главы советского правительства тов. Молотова, переданная 17/IX – по радио, и вопрос о международных событиях, на митинге, как и на совещании Райпартактива принята резолюция, одобряющая внешнюю политику нашего правительства и решения правительства о взятии под защиту народов Западной Украины и Белоруссии, проживающих в Польше».

В 1939 г. Указом Президиума ВС СССР от 4 февраля Тамбовская область разделена на Тамбовскую и Пензенскую области⁵⁸, в марте был организован Пензенский обком ВКП(б)⁵⁹.

Тематика лекций и семинаров о международных событиях, проводимых в районах области в 1939 г., конкретизировалась, а именно стали освещаться вопросы германо-советских отношений⁶⁰, «Японская агрессия на Дальнем Востоке»⁶¹, военные действия в Польше, Китае⁶², события Второй мировой войны⁶³.

Пензенский обком ВКП(б) принимал меры по повышению профессионализма журналистских кадров. Например, в 1940 г. согласно постановлению бюро обкома ВКП(б) с 9 по

13 сентября была проведена экскурсия 10 работников районных газет в Москву на ВСХВ, где они прослушали лекции работников газеты «Правда», а также ознакомились с работой комбината «Правда»⁶⁴.

Итак, к началу 1940-х гг. система информирования советских граждан о жизни за рубежом полностью оформилась и приобрела следующую схему: ЦК ВКП(б) рассылал на места директивы о проведении разъяснительных кампаний по поводу того или иного события международной жизни, крайкомы и обкомы ВКП(б) на основе этих директив давали указания в районы, райкомы ВКП(б), в свою очередь, организовывали агитмероприятия и осуществляли контроль прессы исходя из содержания указаний вышестоящих инстанций. Отправной точкой в ходе организации деятельности по информированию населения о жизни за рубежом были решения партийных съездов и пленумов, директивы ЦК ВКП(б). В Пензенском регионе в 1921–1930-х гг. основную работу по руководству СМИ выполняли губком и горком ВКП(б). Бюро Пензенского обкома ВКП(б) заслушивало на своих заседаниях отчеты о работе районных и областных газет⁶⁵. Все мероприятия, касающиеся освещения событий в стране и за рубежом, партийные организации проводили с точки зрения очередного съезда партии⁶⁶. Вопросам международного положения уделялось должное внимание во время проведения политических кампаний⁶⁷ (например, посвященной изучению «Краткого курса ВКП(б)»⁶⁸), организованных отделами агитации и пропаганды Пензенского обкома ВКП(б) и райкомов ВКП(б). При этом необходимо отметить, что информация о зарубежной жизни подавалась не просто в виде сухого изложения фактов, она преподносилась сотрудниками отделов агитации и пропаганды с точки зрения политических решений ЦК ВКП(б). События зарубежной действительности всячески «разъяснялись» рядовым гражданам в свете директив и постановлений ЦК⁶⁹.

Проанализировав деятельность партийных организации Пензенского региона по информированию населения о жизни за рубежом в 1920–1930-х гг., можно сделать следующие выводы:

– на первых этапах становления Советского государства в осуществлении политики информирования граждан о жизни за рубежом информирующую функцию выполняли в основном не сами СМИ, а партийные работники, выезжавшие с лекциями в деревню и на предприятия, так как, в первых, население в подавляющем большинстве было неграмотным и газетные статьи для людей были недоступны, во-вторых, из-за того, что в начале своего становления сеть газет оказалась в состоянии кризиса и не могла качественно выполнять функцию информирования;

– даже в самый демократичный для прессы период 1921–1928 гг. советские газеты уже были несвободны в освещении зарубежной действи-

тельности. Буквально с первых лет существования Советского государства СМИ в информировании о зарубежных событиях были вынуждены руководствоваться решениями партии;

– в информировании о фактах зарубежной действительности структурами ВКП(б) был выработан следующий алгоритм: сначала информация о событиях за пределами СССР обрабатывалась партийным руководством, а потом уже преподносилась в нужном свете колхозникам и рабочим.

Примечания

- 1 См.: *Грабельников А. А.* Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 73.
- 2 *Гурьев А.* Как закалялся агитпроп : Система государственной идеологической обработки населения в первые годы НЭПа. [СПб.] 2010 г. URL: <http://gurjevandrrey.narod.ru/Agitprop/6chapter.htm> (дата обращения: 15.06.2010).
- 3 Там же.
- 4 См.: *Митволь О. Л.* Формирование и реализация информационной политики в СССР и Российской Федерации (1917–1999) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С. 65.
- 5 О взаимоотношениях между парткомитетами и редакциями газет. Приложение к пункту № 6 протокола № 91 Заседания Оргбюро ЦК от 2.2.1923 // Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 36. Д. 593. Л. 12.
- 6 См.: *Митволь О. Л.* Указ. соч. С. 20.
- 7 ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 384. Л. 30.
- 8 Там же. Д. 411. Л. 22, 58.
- 9 Там же. Д. 386. Л. 202.
- 10 Там же. Д. 384. Л. 28.
- 11 Там же. Д. 1428. Л. 3 ; ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 937. Л. 26.
- 12 Там же. Д. 732. Л. 49 ; ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 950. Л. 14.
- 13 Там же. Д. 1727. Л. 111.
- 14 Там же. 1. Д. 1727. Л. 100.
- 15 Там же. Д. 1427. Л. 53.
- 16 Там же. Д. 389. Л. 24.
- 17 Там же. Д. 1427. Л. 34.
- 18 Там же. Д. 596. Л. 54.
- 19 Там же. Л. 55.
- 20 *Грабельников А. А.* Указ. соч. 349 с.
- 21 Там же. С. 73–74.
- 22 ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 654. Л. 17 ; Ф. 36. Оп. 1. Д. 1653. Л. 56.
- 23 Там же. Л. 74.
- 24 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 348. Л. 5.
- 25 Там же. Д. 348. Л. 6.
- 26 Там же. Д. 596. Л. 110.
- 27 Там же. Д. 411. Л. 12.
- 28 Там же. Д. 596. Л. 110.
- 29 Там же. Д. 654. Л. 1.
- 30 Там же. Д. 593. Л. 83.
- 31 Там же. Л. 84.
- 32 Протокол 10-й Пензенской губернской партийной конференции и материалы к ней // ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 300. Л. 3.
- 33 Там же. Д. 1653. Л. 20.
- 34 Там же. Л. 57.
- 35 Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 105. Л. 71.
- 36 Там же. Л. 73.
- 37 Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 937. Л. 29.
- 38 Там же. Д. 973. Л. 72.
- 39 Там же. Д. 1727. Л. 1.
- 40 Там же. Л. 61.
- 41 Там же. Д. 1426. Л. 44.
- 42 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 263. Л. 12.
- 43 Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.
- 44 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 476. Л. 41–42.
- 45 Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1653. Л. 36.
- 46 Там же. Д. 1727. Л. 1.
- 47 Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 301. Л. 18, 20.
- 48 Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1428. Л. 149, 160.
- 49 Там же. Д. 925. Л. 61.
- 50 Там же. Д. 1426. Л. 104–105 ; 1427. Л. 20.
- 51 Резолюция по докладу Пензенского П/Отдела печати Губкома ВКП(б) // ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1162. Л. 176.
- 52 *Грабельников А. А.* Указ. соч. С. 77.
- 53 Административно-территориальное деление Пензенского края. URL: <http://inpenza.ru/division/division.php> (дата обращения: 10.02.2010).
- 54 ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 654. Л. 4.
- 55 Там же. Л. 4 ; Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1427. Л. 27.
- 56 Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 596. Л. 3.
- 57 Там же. Ф. 148. Оп. 1. Д. 105. Л. 69.
- 58 Административно-территориальное деление Пензенского края. URL: <http://inpenza.ru/division/division.php> (дата обращения: 10.02.2010).
- 59 Пензенский областной комитет КПСС. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.02.2010).
- 60 ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 105. Л. 39.
- 61 Там же. Л. 64.
- 62 Там же. Л. 65, 95, 105.
- 63 Там же. Д. 297. Л. 34.
- 64 Там же. Д. 291. Л. 55, Л. 58.
- 65 Там же. Д. 301. Л. 15.
- 66 Там же. Д. 105. Л. 15, 18, 51, 56, 64, 152, 154, 159 ; Там же. Д. 297. Л. 19, 47.
- 67 Там же. Д. 105. Л. 24, 38, 55, 56, 66, 78, 83, 95, 110, 117, 124, 133 ; Там же. Д. 297. Л. 1, 3, 47.
- 68 Там же. Д. 105. Л. 74.
- 69 Там же. Л. 70.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

САРАТОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В «ДВЕНАДЦАТОМ ГОДУ»: СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ

Рецензия на книгу «Саратовская губерния глазами пленных Великой армии»: материалы к курсу «История Саратовского Поволжья» / сост., вступ. ст. и коммент. канд. ист. наук В. П. Тотфалушина. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. 196 с.

С. А. Малышкин

Российский государственный университет туризма и сервиса
E-mail: smalyshkin@mail.ru

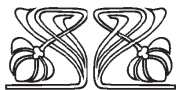
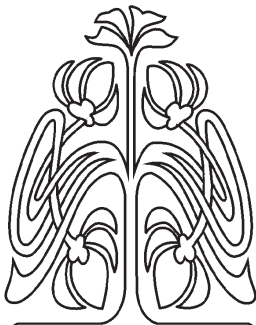
Volga Region in Saratov of «The Twelfth Year»: the Fate of Great Army's Prisoners of War

S. A. Malyshkin

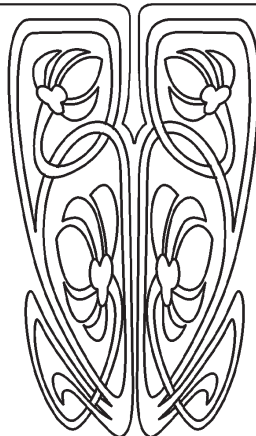
Отечественная война 1812 г. всегда привлекала внимание не только ученых, но и самых широких кругов краеведов и любителей истории. Такие имена, как Денис Давыдов, Василиса Кожина, не говоря о знаменитых полководцах Кутузове, Багратионе, Раевском, известны большинству читателей еще со школьной скамьи. И естественно, что за минувшие два столетия, прошедших после той героической эпохи, на книжных полках оказались тысячи и тысячи работ самой разной направленности. На первый взгляд кажется, что война изучена от первого до последнего дня. И тем не менее каждый год проходят научные конференции в местах знаменитых битв – в Бородине и Малоярославце, в музее-панораме «Бородинская битва» в Москве. Открываются новые подробности, детали, а на их основе создаются иные, не столь привычные концепции отдельных событий, да и всей войны.

К числу таких мало исследованных страниц «Двенадцатого года» принадлежит, конечно, «местная» тематика. К величайшему сожалению, специалисты, занимающиеся глобальными проблемами войны, собственно военными сюжетами, оставили вне своего внимания краеведческие аспекты. Мы до обидного мало знаем, что происходило, например, в Калужской или Смоленской губернии, уделяя огромное внимание Москве с ее знаменитым пожаром, практически не имеем работ по Московской губернии. Что же говорить о тех губерниях, которые, к счастью, не оказались на пути французского нашествия? Но, как и во всей Российской империи, население там также поднялось на защиту страны. Происходило это в самых разных формах: жертвовали деньги, имущество, размещали госпитали или принимали пленных. Конечно, как всегда в непростых жизненных обстоятельствах, в повседневной жизни общества были примеры и обмана, и «сребролюбия». Но сводить все лишь к одной стороне, положительной или отрицательной, исследователи не могут, пока не поднимут источников, не изучат архивов, воспоминаний современников.

В этом плане выход работы доцента Саратовского университета В. П. Тотфалушина имеет особое значение¹. Саратовская научная школа «Двенадцатого года» хорошо известна в научной среде России и пользуется большим интересом у специалистов. Знаменитые работы профессора Н. А. Троицкого, которые явились прорывными в первые годы перестройки, позволили резко и стремительно отойти от привычных взглядов, сложившихся в советскую эпоху на Отечественную войну 1812 г. Конференция, проведенная Саратовским университетом, собравшая исследователей со всего бывшего Советского Союза, оставила огромный след в изучении данной проблематики². Работы В. П. Тотфалушина, посвященные яркой деятельности М. Б. Барклая де Толли,

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

известны в среде историков 1812 года. Неменьший интерес вызывают его выступления на конференциях в России о событиях той далекой поры в Саратовском крае. Результатом его многолетней работы с источниками явилась вышедшая в 2009 г. книга, включившая воспоминания пленных солдат и офицеров об их жизни в Саратовской губернии.

Необходимо сразу отметить, что сюжет – французские военнопленные в России – с точки зрения глубокого изучения источников, их анализа, создания исследований возник сравнительно недавно, хотя еще с первых послевоенных лет в крупных работах, популярных статьях, газетных фельетонах о военнопленных писали не один раз. Но специальных работ, основанных на архивном материале, мемуарных источниках, практически не было, хотя отдельные главы или сюжеты встречались в обобщающих трудах. В этом плане публикация В. П. Тотфалушиным целого корпуса французских мемуаров заслуживает самой широкой поддержки.

Автор включил воспоминания 12 пленников, проживавших или побывавших в Саратовской губернии. Именно подбор материала, связанного с Саратовским Поволжьем, делает издание исключительно интересным для местных специалистов-историков, краеведов, всех интересующихся прошлым своего края, причем не только применительно к эпохе «Двенадцатого года». На страницах воспоминаний встает картина жизни народа, самых разных слоев населения. Здесь мы видим и дворянское общество, и его восприятие французов. Здесь представлены глазами иностранцев привычки и обычаи купечества, показана повседневность жизни мещанского сословия. Сквозь описание жизни военнопленных ярко встает жизнь саратовца с его положительными и отрицательными, с точки зрения европейца, сторонами. Любопытно наблюдение человека, прошедшего всю Европу и, в частности, подчеркнувшего, что в Саратове тесно и мирно живут многие национальности Азии и Европы. Разве это не актуально звучит сегодня, спустя 200 лет? Именно в зарисовках повседневной культуры бытия видится одно из достоинств публикации. Поэтому издание незаменимо для учебных занятий студентов по культурологии, не говоря про исторические направления науки.

Хотелось бы обратить внимание и на другую ценность опубликованных мемуаров. Это описание внешнего облика Саратова. Для французских офицеров, волею судеб заброшенных на другой край света, за тысячи верст от Франции, Германии, Италии, все было в новинку, все было интересно. Именно поэтому они обращаются к описанию города, его парка, рынка, особняков и усадеб дворян и купцов, домов рядовых жителей. И очень правильно поступил составитель, когда в примечаниях пояснял, где находятся эти объекты ныне, ведь некоторые из них исчезли или были перестроены. Это показывает не только заинтересованность публикатора в расширении знаний саратовцев, но и его глубокие краеведческие познания о сегодняшнем

городе. К счастью, военнопленным иногда удавалось путешествовать по губернии в силу различных обстоятельств. И мы обязаны этим счастливым исключениям, сохранившимся описаниям сел, дорог, других городов Саратовской земли. Перед нами открываются картины Вольска, Петровска, берегов Волги. Для жителя этих мест XXI в. увидеть родной край глазами путешественника XIX столетия, да еще и из другой культурной среды, необычайно любопытно! Думается, что каждый, кто возьмет эту книгу, не останется равнодушным, по-иному взглянет на привычные улицы и бескрайние степи Саратовщины. Но тут же возникает вопрос: а сможет ли он взять в руки это издание? Тот тираж, которым издана книга, не только обидно мал, он просто смехотворен – 130 экземпляров на миллионный край! Думается, что если бы издание было выложено в газетном киоске рядом с Радищевским музеем, на центральной улице или на железнодорожном вокзале, весь тираж «ушел» бы в течение месяца! То, что данную работу необходимо переиздать, не вызывает никакого сомнения. И в этом плане хотелось бы обратить внимание на некоторые вещи, которые следовало бы исправить или дополнить при переиздании.

Во-первых, хотелось бы увидеть карту Саратовской губернии не только на обложке, где ее трудно рассмотреть в деталях, но и в тексте работы. Так ее было бы удобнее сверять с названиями населенных пунктов, упоминаемых в воспоминаниях. Во-вторых, полностью поддерживая появление раздела приложений – это очень удачная находка автора, – хотелось бы пожелать большего раскрытия материала по саратовским городам. Сейчас справка и об Аткарске, и о Персии имеет одинаковый объем, а хотелось узнать побольше именно о саратовском Аткарске, а не о древней Персии или Парфии. Третье – поясняя необходимые понятия в «Словаре», хотелось бы увидеть их большее преломление в отношении Саратовской губернии, где это возможно. Например, объясняя термин «тракт», нельзя ли сказать, а какие дороги считались трактами в Саратовском Поволжье? Ведь именно по ним вели пленных от центра России до Волги.

В заключение хотелось бы поздравить Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, его кафедру истории России и самого составителя В. П. Тотфалушина с прекрасным изданием, которое, несомненно, будет весомым вкладом в подготовку к юбилею 200-летия Отечественной войны 1812 года.

Примечания

- 1 Саратовская губерния глазами пленников Великой армии : материалы к курсу «История Саратовского Поволжья» / сост., вступ. ст. и коммент. канд. ист. наук В. П. Тотфалушина. Саратов : ИЦ «Наука», 2009. 196 с.
- 2 См.: Проблемы изучения Отечественной войны 1812 года : материалы Всерос. науч. конф. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002.

«ВОДВОРИТЬ В РОССИИ СУД СКОРЫЙ, ПРАВЫЙ, МИЛОСТИВЫЙ И РАВНЫЙ ДЛЯ ВСЕХ ПОДДАННЫХ НАШИХ...»

Рецензия на кн.: Суды Саратовской области : из прошлого в настоящее. – Саратов : ООО «При-волжское издательство», 2011. 408 с. : ил.

Ю. В. Варфоломеев

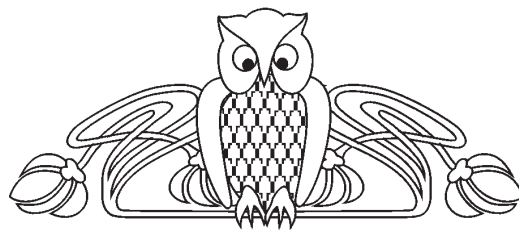
Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

Yu. V. Varfolomeev

«To Install in Russia Court Fast, Right, Mercy and Equal for all Submitted Ours...». The review on book : Courts of the Saratov region : from the past in the present.

Книга «Суды Саратовской области: из прошлого в настоящее» – это, по замыслу авторов, попытка погружения в «реку времен» с надеждой вернуться в историческое краеведение страницы, связанные со становлением и развитием органов судопроизводства на территории Нижнего Поволжья с VIII по XXI век. Правда, авторы не ставили перед собой цель восстановить в хронологическом порядке весь этот период. Задача, которую они перед собой поставили, была более скромной: обозначить основные вехи развития судопроизводства на территории Саратовского края.

В 2011 г. исполняется 140 лет со дня учреждения в Саратовской губернии новых судебных установлений – Судебной палаты и Саратовского окружного суда. 20 ноября 1864 г. Александр II подписал свой знаменитый Указ Правительствующему сенату, «коим было повелено опубликовать Судебные Уставы во всеобщее сведение», что явилось отправной точкой реформирования российской юстиции. Началом же практической реализации судебной реформы принято считать открытие окружных судов в Петербурге и Москве соответственно 17 и 23 апреля 1866 г. В 1870 г. «состоялось Высочайше утвержденное мнение Государственного совета о введении в действие судебных уставов в губерниях Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Смоленской и Костромской»¹. Между тем введение новой системы судопроизводства по всей стране происходило с заметным отставанием от столиц, и этот процесс по всей стране занял достаточно длительный промежуток времени вплоть до 1896 г. Однако Саратовская губерния оказалась одной из первых, а если точнее – четвертой на периферии, вслед за Харьковской (1867 г.), Одесской и Казанской (1870 г.). Торжественное открытие новых судебных учреждений в Саратове состоялось 1 июля 1871 г. в зале уголовных заседаний окружного суда в присутствии

губернатора М. Н. Галкина-Враского, митрополита Саратовского и Царицынского Иоанникия, городского головы А. Д. Горбунова, депутатов городской думы, гласных и других высокопоставленных лиц при большом стечении народа.

Создание эффективного государственного механизма, способного обеспечить безопасное существование общества, защитить права и свободы человека и дать ему возможность их реализовать, является одной из приоритетных задач системы правосудия современной России. Наша страна как правовое государство немыслима без наличия развитого института охраны и защиты прав граждан, неотъемлемой и важной частью которого является судебная система, и, следовательно, вполне обоснованно именно ей уделяется в последнее время повышенное внимание. Некогда в Указе императора Александра II, направленном Сенату 20 ноября 1864 г. по случаю издания Судебных уставов, раскрывалась цель грандиозной реформы: «Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние, и которое должно быть руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего»².

Подготовленная авторским коллективом книга «Саратовские суды: из прошлого в настоящее» как раз и рассматривает сложный и противоречивый процесс «водворения» правосудия в России в целом и в Саратовском крае в частности. Кроме того, эта книга заставляет нас еще раз задуматься о роли и назначении судебной власти в жизни государства, а также над проблемой организации системы судов, ее реализующих. В современных условиях реформирования судебной системы обращение авторов к историческому осмыслению формирования и эволюции российской юстиции на примере становления и развития саратовского судопроизводства является, несомненно, актуальным и практически значимым.

Хотя в отечественной историографии изучение проблем становления и развития местных органов юстиции имеет некоторые наработки, в то же время изучение судопроизводства в Саратовском крае долгое время находилось вне поля зрения и историков, и юристов, за исключением, пожалуй, книги, приуроченной к 200-летию Министерства юстиции России³. Между тем к настоящему времени написано немало различных статей, га-

зетных репортажей, воспоминаний об отдельных фрагментах деятельности саратовских судов, о причастных к ним людях, о громких судебных процессах, проходивших в Саратовском крае, но обобщающей книги, которая рассказывала бы об истории местных судебных учреждений с момента их создания и до настоящего времени, не было. Представленная авторами работа в значительной мере восполняет этот историографический пробел.

Становление и развитие органов судопроизводства в Саратовской губернии авторы условно разделили на четыре периода: «своеобразную предысторию современной юстиции, доминистерский период (VIII–XVIII вв.), период министерский (1802–1917), советский этап (1917–1991), современная Российская Федерация». В работе предпринята попытка очеркового изучения эволюции местных органов судопроизводства и создания исторических портретов её деятелей. В качестве нового подхода, примененного в этом издании, следует отметить акцентирование внимания на историко-сравнительном описании губернского судопроизводства на фоне общероссийских процессов, что, по мнению авторов, способствует «выявлению общего и особенного в становлении и развитии отечественного судопроизводства» (С. 4). Большой раздел в книге посвящен становлению и развитию мировой юстиции в Саратовском крае, в котором рассказывается не только об организации работы мировых судей, но и о проблемах формирования кадрового состава и финансирования мировой юстиции.

В рецензируемой книге подробно освещаются основные вехи истории саратовских судебных учреждений. Давая на страницах книги обзор ключевых исторических этапов развития судопроизводства Саратовского края, авторы прослеживают непростой путь становления судебных учреждений, рассказывают о громких судебных процессах, возвращают забытые имена выдающихся судебных деятелей, чьей почетной обязанностью было совершение правосудия.

Книга подготовлена на основе проработки широкого спектра исторических источников, и в первую очередь архивных документов. В исследовании использованы материалы как центральных, так и местных архивохранилищ: Российского государственного исторического архива (РГИА), отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Саратовской области (ГАСО), Государственного архива новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО), фондов Саратовского областного музея краеведения (СОМК) и архива Саратовского областного суда. В работе также использовались документы из всех трех собраний законов Российской империи⁴, отдельные тематические подборки материалов⁵, а также воспоминания судейских работников – Н. П. Шевченко, В. М. Бережнова, М. С. Коржовой, В. С. Пархоменко, Н. И. Богаты-

рева и др. Наряду с этим в книге представлен богатый иллюстративный материал, причем многие фотографии публикуются впервые.

Между тем сложность задачи, которую пришлось решать коллективу авторов, заключалась не только в необходимости обработать большой массив сохранившихся архивных материалов и документов, найти самое ценное и интересное, систематизировать полученное и проанализировать его, но и в том, чтобы остаться при этом беспристрастными и объективными исследователями, сохраняющими историческую правду. Вместе с тем авторам удалось изложить разнообразный материал о саратовских судах во взаимосвязи со сложными и противоречивыми общественными и политико-правовыми процессами, происходившими в нашей стране в разные периоды ее истории.

В Послании Президента Российской Федерации Д. А. Медведева от 5 ноября 2008 г. говорится о совершенствовании отечественного судопроизводства, о возможности передачи на федеральный уровень вопросов деятельности мировых судей, о введении в действие закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», о необходимости гуманизации правосудия. Реализация всех этих положений требует глубокого осмысления исторического опыта развития российского судопроизводства, в частности регионального, саратовского, очень удачно показанного на страницах этой книги.

В целом, можно уверенно констатировать, что данная работа авторского коллектива историков, юристов и архивистов не только отвечает важной просветительской цели, но и сочетает в себе научную достоверность и академичность содержания с доступностью и живостью изложения. Думается, что эта книга найдет широкий отклик не только у историков, юристов, краеведов, у служителей Фемиды – практических работников местной юстиции, но и у всех интересующихся региональной историей и историей государства и права в России.

Примечания

- 1 Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. М., 2002. С. 141.
- 2 Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений на коих они основаны. Ч. 1. Установления гражданского судопроизводства. СПб., 1867. С. XXXVIII.
- 3 См.: Галкин Ю. В., Воронихин А. В. Очерки юстиции Саратовского края. Саратов, 2002.
- 4 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830 ; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. СПб., 1830–1184 ; Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье : в 33 т. СПб., 1884–1916.
- 5 Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений на коих они основаны. СПб., 1867 ; Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1883 и др.

ХРОНИКА

25–29 августа 2011 г. в национальном исследовательском Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского состоялась Третья международная научная конференция «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет», ставшая новым серьёзным шагом на пути исследования истории российских немцев в XX веке. С одной стороны, были обобщены и систематизированы ранее полученные знания о ходе депортации и её последствиях, с другой – она позволила заглянуть в те глубины исторического знания, куда ранее добраться еще не удавалось и, таким образом, участники конференции стали свидетелями целого ряда оригинальных и интереснейших докладов, позволивших довольно точно реконструировать события, происходившие семь десятилетий назад.

Участники конференции не только обсудили важнейшие проблемы начального этапа Великой Отечественной войны как фона и контекста организации и проведения депортации немецкого населения СССР, сам процесс организации и проведения депортации советских немцев, но, что представляется очень важным и актуальным, связали и сравнили процесс «немецкой» депортации с другими аналогичными явлениями довоенного и военного времени, всесторонне проследили последствия депортации немцев, других народов и социальных групп как для самого государства, так и для жертв этой акции, особенно в нравственно-этическом плане, обозначили некоторые болевые точки современного процесса развития многонационального российского общества, вытекающие из застарелых и до сих пор не решённых проблем, предложили рекомендации, способные укрепить доверие и взаимопонимание как между отдельными составляющими многонационального российского народа, так и между обществом и властью в целом.

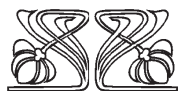
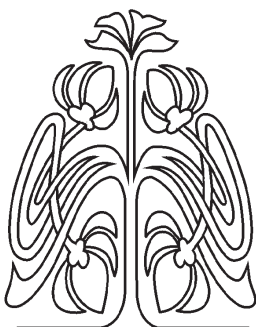
Все выступления на конференции можно разделить на две части. Одна часть – это доклады, посвящённые общим проблемам начального периода Великой Отечественной войны и депортационной политике Советского государства. Вторая часть – доклады, освещающие региональные проблемы и особенности депортационной политики государства, анализирующие её последствия как для цивилизационного развития соответствующих регионов, так и для немецкого этноса в СССР и на постсоветском пространстве, для конкретных людей, оказавшихся объектом депортационной политики советского руководства.

Из относящихся к первой части можно выделить доклады В. Деннингхауса, П. Поляна, рисующих многоплановую картину депортационной политики советского руководства в довоенный и военный периоды. Из содержания этих и ряда других докладов совершенно очевидно, что депортация была важным и проверенным средством и методом разрешения многих политических вопросов в довоенный период. Депортация военных лет была практически преопределена.

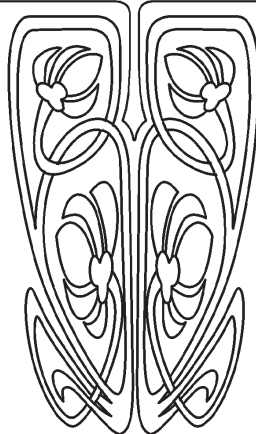
Многие докладчики (Д. Брандес, П. Полян, Т. Иларионова, Т. Плехотнюк и др.) коснулись смыслового значения категорий «депортация», «выселение», «спецпереселение» и т. п. В ходе конференции развернулась широкая дискуссия по этому вопросу.

Доклады В. Пичукова и В. Солодовой позволяют нам увидеть ситуацию с российскими немцами, сложившуюся на приграничных территориях буквально с первых недель и месяцев войны, задолго до 28 августа 1941 г. Практически не известный ранее материал прозвучал в докладе И. В. Черказьяновой о судьбе немцев Ленинграда и Ленинградской области, о депортации московских немцев.

Большое научное значение с точки зрения уяснения механизма депортации и мобилизации в трудовую армию имеют доклады Н. Э. Вашкау, Ю. П. Будановой, ряда других учёных, обнаруживавших

ПРИЛОЖЕНИЯ

уникальные документы местных органов власти. Впервые участники конференции получили достаточно полное представление о жизни немцев и поляков как трудмобилизованных (трудармейцев) в Архангельской области благодаря докладам Т. Ф. Мельник и Н. В. Шалыгиной. Всестороннюю и комплексную картину жизни и труда уральских трудармейцев дали нижнетагильские историки во главе с В. М. Кирилловым. Сравнительный анализ принудительного перемещения украинских немцев в ходе советской депортации и гитлеровского «административного переселения» дал днепропетровский исследователь В. Клец.

Историк В. Хердт из Гёттингена в своём проблемно-постановочном докладе обратил внимание на временные и региональные особенности положения разного контингента спецпереселенцев-немцев в Западной Сибири. Послевоенные проблемы депортированных немцев нашли отражение в выступлениях В. Кригера, Т. Смирновой, Л. Славиной, Л. Малиновского, Е. Грибановой и др.

Незабываемое впечатление на участников произвело выступление двух немолодых женщин, своей жизнью и судьбою связанных с волжской

колонией Мариенталь. Нынешняя жительница современного села Советского Вера Автономова и бывшая жительница села Мариенталь, ныне проживающая в Оснабрюке (Германия), Фрида Дерхо рассказали о большой и интересной дружбе, которая завязалась между бывшими и нынешними жителями Мариенталь-Советского.

В целом участники конференции продемонстрировали высокий научный уровень подготовленных докладов и дискуссий, их существенную практическую значимость

Организаторы и участники конференции надеются, что наработки научно-практической конференции «Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет» не только станут вкладом в развитие историографии российских немцев и национальной политики Советского государства, но и помогут власти и обществу найти успешные пути преодоления застарелых проблем национальной политики, будут способствовать укреплению межнационального единства российского общества.

А. А. Герман,
доктор исторических наук, профессор

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афонина Екатерина Александровна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: ekaterina.afonina@list.ru

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: baranovav@mail.ru

Букина Анастасия Геннадьевна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора Греции и Рима Отдела античного мира Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург), e-mail: bucina@genuineperl.spb.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: ybartho@mail.ru

Горбачев Дмитрий Викторович, аспирант кафедры новой и новейшей истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: dmitr87@inbox.ru

Егоров Александр Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Дзержинского политехнического института Нижегородского государственного технического университета, e-mail: dr.egoroff-al2012@yandex.ru

Калинина Олеся Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: kalininaos@mail.ru

Креленко Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: krelenkonn@mail.ru

Лебедева Анна Алексеевна, аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: Lebedevaannas@mail.ru

Малов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: malovnm@mail.ru

Малышкин Сергей Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и организации туристической

деятельности Российского государственного университета туризма и сервиса (г. Москва), e-mail: smalyshkin@mail.ru

Новожилов Валерий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главнокомандующего внутренними войсками МВД России по военно-научной работе (г. Москва), e-mail: skripnikov@pisem.net

Поздняков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социокультурных основ образования Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: alnikpoz@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Сосновцева Ольга Владимировна, соискатель кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: SosnovcevaOV@mail.ru

Старкова Людмила Константиновна, кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: ludastarkova-history@mail.ru

Степанов Игорь Ильич, доцент, заведующий кафедрой теологии Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, e-mail: hiermonk-luke@yandex.ru

Тимошина Светлана Анатольевна, доцент кафедры профессиональных коммуникаций Пензенского государственного университета, e-mail: timoshina_svetla@mail.ru

Томчук Григорий Владимирович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: psycholover@mail.ru

Хасин Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: hasin1@rambler.ru

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, e-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Шпаковская Светлана Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры коммуникационного менеджмента Пензенского государственного университета, e-mail: svetashpak1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aphonina Ekaterina Alexandrovna, a postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: ekaterina.afonina@list.ru

Baranov Alexey Vladimirovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: baranovav@mail.ru

Bukina Anastasia Gennadjevna, an Arts PhD, a research scientist of Greece and Rome division of the Ancient World department in the State Hermitage (St. Petersburg), e-mail: bucina@genuineperl.spb.ru

Egorov Alexandr Igorevitch, a History PhD, a senior lecturer of the chair "Social sciences" in Dzerzhinskiy Polytechnical Institute of the State Technical University Nizhegorodsky, e-mail: dr.egoroff-al2012@yandex.ru

Gorbachev Dmitry Victorovich, a postgraduate student of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: dmitr87@inbox.ru

Hasin Vladimir Victorovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: hasin1@rambler.ru

Kalinina Olesya Sergeevna, a postgraduate student of the chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: kalininaos@mail.ru

Krelenko Denis Mihailovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: krelenkon@mail.ru

Lebedeva Anna Alekseevna, a postgraduate student of the Medieval History chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: Lebedevaanas@mail.ru

Malov Nikolaj Mikhajlovich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Historiography, Regional History and Archeology in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: malovnm@mail.ru

Malyshkin Sergey Alekseevich, a History PhD, a senior lecturer of the chair of Technology and organization of tourism of Russian State University of Tourism and Service, e-mail: smalyshkin@mail.ru

Novozhilov Valery Yuryevich, a History Doctor, Professor, deputy Commander-in-Chief of the Internal Troops of Russian Federation Ministry of the Interior for the military-scientific work, Moscow, e-mail: skripnikov@pisem.net.

Pozdnyakov Alexandr Nikolaevich, a History Doctor, Professor of the chair of Sociocultural Foundations of Education of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: alnikpoz@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, a History PhD, documentologists of the History of Russia chair in the Institute of history and international relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Shpakovskaya Svetlana Vjacheslavovna, a History PhD, a senior lecturer of the chair of the Communication management of Penza State University, e-mail: svetashpak1@mail.ru

Sosnovtseva Olga Vladimirovna, an applicant of History PhD of the chair of Modern and Contemporary History in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: SosnovcevaOV@mail.ru

Starkova Lyudmila Konstantinovna, a History PhD, doctoral candidate of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: ludastarkova-history@mail.ru

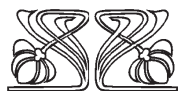
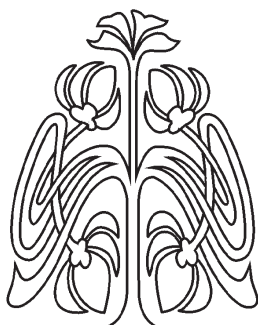
Stepanov Igor Ilich, a senior lecturer, the Head of the Theology chair of Esenin's Ryazan State University, e-mail: hiermonk-luke@yandex.ru

Timoshina Svetlana Anatolyevna, a senior lecturer of the "Professional Communications" chair in Penza State University, e-mail: timoshina_svetla@mail.ru

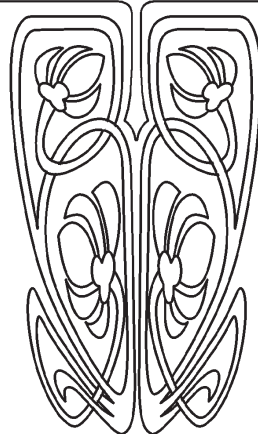
Tomchuk Grigory Vladimirovich, a postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: psycholover@mail.ru

Tsyplin Vitaly Gennadieвич, a History Doctor, Professor of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: v.tsyplin@yandex.ru

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich, a History Doctor, Professor of the History of Russia chair in the Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University, e-mail: ybartho@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на II полугодие 2012 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.